

The Age of Madness

ДЖО АБЕРКРОМБИ

МУДРОСТЬ ТОЛПЫ

«ДЖОН ЛЕ КАРРЕ ЭПИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ».

ДЖО ХИЛЛ

fanzon

Земной Круг

Джо Абберкромби
Мудрость толпы

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Аберкромби Д.

Мудрость толпы / Д. Аберкромби — «Эксмо», 2021 — (Земной Круг)

ISBN 978-5-04-161883-4

Некоторые говорят, что, для того, чтобы изменить мир, вы должны сначала сжечь его дотла. Теперь ломатели захватили рычаги власти, и промышленный смог сменился на дым беспорядков. Все должны подчиниться мудрости толпы. Гражданин Брок полон решимости стать настоящим героем этой новой эпохи. Гражданка Савин должна использовать свой талант для выживания, прежде чем она сможет получить искупление. Орсо обнаруживает, что в перевернутом мире нет никого ниже монарха. А на кровавом Севере Рикке теряет союзников, пока Черный Кальдер замышляет свою месть. Банки разоряются, символы солнца Союза уничтожаются, а во тьме за кулисами нити безжалостного плана Ткача сплетаются воедино...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-161883-4

© Аберкромби Д., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть VII	6
Чувствовать себя королем	6
Перемена	16
Маленькие люди	20
Больше не ввязываться	36
Тащи короля!	40
Все карты	45
Вопросы	54
Граждане	60
Чудеса	68
Небольшое публичное повешение	73
Гадючье гнездо	77
Свободная коммуникация	80
Политик	85
Гнев	92
Возможности	98
Напоказ	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Джо Аберкромби

Мудрость толпы

Joe Abercrombie
The Wisdom of Crowds

Copyright © Joe Abercrombie 2021
© В. Иванов, перевод на русский язык, 2022

* * *

Посвящается Лу – с беспощадными, суровыми объятиями.

Часть VII

«Великие кажутся великими лишь потому, что мы стоим на коленях. Поднимемся же!»
Элизе Лустало¹

Чувствовать себя королем

– А знаешь, что я тебе скажу, Танни?

Взгляд слегка налитых кровью глаз капрала скользнул в сторону Орсо.

– Да, ваше величество?

– Должен признаться, я вполне доволен собой!

Стойкое Знамя колыхалось на ветру, белый конь на нем по-прежнему вставал на дыбы, золотое солнце сверкало, и название «Стоффенбек» уже было вышито среди имен других знаменитых побед, свидетелем которых оно было. Сколько Высоких королей торжественно выступали под этим куском блестящей ткани? И вот теперь Орсо – находясь в численном меньшинстве, осмеянный и в целом списанный всеми со счетов – присоединился к их рядам. Тот, кого памфлеты некогда окрестили «принцем проституток», словно прекрасная бабочка, появляющаяся из отвратительной куколки, вдруг оказался новым Казамиром! Да, жизнь порой выкидывает странные фортели. В особенности жизнь королей.

– И вы имеете полное право быть довольны собой, ваше величество, – напыщенно возгласил маршал Рукстед (сам большой эксперт по части самодовольства). – Еще до боя вы показали, что вы умнее ваших врагов, в бою – что вы их сильнее, и к тому же захватили в плен самого мерзкого предателя из всей кучи!

И он бросил удовлетворенный взгляд через плечо.

Лео дан Брок, тот самый герой, который несколько дней назад только что не подпирал макушкой небо, теперь тряся в жалком фургоне с зарешеченными окнами, в обозе позади Орсо. Даже от его брэнной оболочки осталось меньше, чем было прежде, – его изувеченная нога была погребена на поле боя вместе с его изувеченной репутацией.

– Вы победили, ваше величество! – пропищал Бремер дан Горст, но тут же захлопнул рот и нахмурился, озирая приближающиеся башни и дымовые трубы Адуи.

– И в самом деле. – На лице Орсо сама собой появилась непроизвольная улыбка. Он уже и не помнил, когда такое случалось в последний раз. – Подумать только, Молодой Ягненок наголову разбил Молодого Льва!

Казалось, даже одежда сидела на нем лучше, чем перед сражением. Орсо потер подбородок, во всей этой неразберихе несколько дней не видевший бритвы.

– Может быть, мне отрастить бороду?

Хильди, сдвинув на затылок фуражку, которая была ей велика, окинула его щетину критическим взглядом.

– А вы на это способны?

– Ты права, Хильди, в прошлом у меня многое не получалось. Но так можно сказать и о множестве других вещей! Будущее сулит нам большие перемены!

¹ Девиз журнала «Парижские революции» (*Révolutions de Paris*), который Лустало редактировал в 1789–1790 гг. Точно неизвестно, кто автор цитируемой фразы, она приписывалась в т. ч. Пьеру Верньо, главе партии жирондистов. – *Здесь и далее прим. пер.*

Наверное, впервые в жизни ему не терпелось увидеть свое будущее – может быть, даже схватиться с этой мерзкой тварью и заставить ее принять такой облик, какой желает *он*. Именно поэтому Орсо оставил маршала Фореста распоряжаться и возвращать потрепанной в бою Дивизии кронпринца какое-то подобие порядка, а сам с сотней верховых отправился в Адуу впереди основного корпуса. Ему не терпелось поскорее добраться до столицы, чтобы направить государственный корабль на верный курс. Теперь, когда с мятежниками было покончено, он наконец сможет отправиться, как давно мечтал, в большое турне по всему Союзу и приветствовать своих подданных как король-победитель. Выяснить, чем он может им *помочь*, сделать их жизнь *лучше*. С благосклонной улыбкой он представлял, каким именем нарекут его восторженно ревущие толпы. «Орсо Стойкий»? «Орсо Непокколебимый»? «Орсо Бесстрашный»? «Твердыня Стоффенбека»?

Он сел прямее, мягко покачиваясь в седле, и глубоко втянул в себя зябкий осенний воздух. Ветер дул с севера, относя дымы Адуу к морю, так что он даже не закашлялся.

– Наконец-то я понимаю, что значит выражение «чувствовать себя королем»!

– О, на этот счет не стоит беспокоиться, – заметил Танны. – Я уверен, что вы глазом моргнуть не успеете, как вас снова накроют смятение и беспомощность.

– Несомненно.

Помимо воли Орсо снова бросил взгляд в конец колонны. Израненный лорд-губернатор Инглии был не единственным их знатым пленником. Позади тюремного фургона, где был заточен Молодой Лев, в окружении многочисленной охраны грохотал экипаж, в котором ехала его беременная жена. Что это там, не бледная ли рука Савин схватилась за край окошка? Орсо поморщился даже при мысленном упоминании ее имени. Когда единственная женщина, которую он когда-либо любил, вышла замуж за другого (а затем предала и его), он искренне считал, что ничего хуже быть уже не может. Пока не узнал, что она его единокровная сестра.

Ароматы трущоб, беспорядочной россыпью окружавших городские стены, лишь усилили внезапно накатившую на него тошноту. Подъезжая к городу, Орсо рисовал себе простолюдинов с улыбками на лицах, веснушчатых детишек, размахивающих флажками Союза, ливень благоуханных лепестков, которыми его осыплют красотки с балконов. Он всегда воротил нос от подобной патриотической чепухи, когда она касалась других победителей, но нисколько не возражал против того, чтобы самому стать ее мишенью. Но вместо этого на него из темных углов хмуρο взирали какие-то оборванные типы. Хрипло расхохоталась проститутка, жующая куриную ногу за скособоченным окном. Какой-то безобразный нищий весьма недвусмысленно сплюнул на дорогу, когда Орсо рысцой проезжал мимо.

– Недовольные всегда найдутся, ваше величество, – вполголоса утешил его Йору Сульфур. – Спросите моего господина, поблагодарил ли его хоть кто-нибудь за все его труды.

– Хм-м... – Насколько Орсо мог припомнить, окружающие всегда относились к Байязу не иначе как с подобострастнейшим почтением. – И как он на это реагирует?

– Просто не обращает внимания. – Сульфур перевел безразличный взгляд на обитателей трущоб. – Как на муравьев.

– И правильно! Нельзя позволять им портить себе настроение.

Однако было уже поздно. В дуновении ветра появился неприятный холодок, и Орсо ощутил знакомое беспокойное покалывание на загривке.

* * *

Внутри фургона еще больше потемнело, грохот колес зазвучал более гулко. Лео увидел, как мимо зарешеченного окна промелькнула каменная кладка, и понял, что они, должно быть, въехали в Адуу через одни из городских ворот. Он-то мечтал вступить в столицу во главе

триумфальной процессии! Вместо этого его ввозили в запертом фургоне, воняющем лежалой соломой, гноем и позором.

Пол под ногами подпрыгнул, отозвавшись волной нестерпимой боли в его культе, выжав новые слезы из опухших глаз. Каким же он был гребаным идиотом! Какими возможностями не сумел воспользоваться! Каким шансам дал проскользнуть у себя между пальцев! В какие ловушки позволил себе угодить!

Ему надо было послать подальше этого вероломного труса Ишера сразу же, как только в его болтовне проскочило первое упоминание о мятеже. Или, еще лучше, пойти напрямик к отцу Савин, выложить Костлявому все как есть. Тогда он до сих пор был бы самым знаменитым человеком в Союзе. Героем, побившим Большого Волка! А не остолопом, проигравшим Молодому Ягненку...

Ему следовало усмирить свою гордость в переговорах с королем Яппо. Подольститься, позаигрывать с ним, поиграть в дипломата, с улыбкой предложить ему Вестпорт, выменяв этот никому не нужный клочок Союза на всю остальную территорию – и высадиться в Миддерланде, имея за спиной стирийское войско...

Он должен был взять с собой мать. При мысли о том, как она упрашивала его на пристани, ему хотелось рвать на себе волосы. Уж она-то сумела бы навести порядок в той неразберихе на берегу! Бросила бы один спокойный взгляд на карты – и сразу бы направила войска к югу по нужной дороге. Они бы пришли в Стоффенбек первыми и навязали противнику заведомо проигрышное сражение...

Ему следовало прислать Орсо свой ответ на приглашение к обеду на острие копья! Еще до заката атаковать всеми силами, выбить этого лживого мерзавца с занятой им высоты, а потом порвать в клочки пришедшее к нему подкрепление...

Даже когда левый фланг Лео дал осечку, а правый оказался смят, он мог хотя бы отказаться от финальной атаки. Тогда, по крайней мере, у него остались бы Антауп и Йин. У него остались бы нога и рука... Возможно, Савин удалось бы выторговать у короля какое-нибудь соглашение. В конце концов, она его бывшая любовница. А возможно, что и настоящая, судя по тому, что Лео видел на собственном повешении. Он даже не мог ее винить – она ведь спасла ему жизнь, разве нет? Чего бы эта жизнь теперь ни стоила...

Он был пленником. Изменником. Калеккой.

Фургон замедлил движение, теперь он еле тащился, вздрагивая на неровной дороге. До Лео донеслись голоса спереди – пение, возбужденные выкрики... Верноподданные короля, вышедшие им навстречу поздравить Орсо с победой? Но это звучало совсем не похоже на торжество.

Когда-то тренировочный круг был его танцевальной площадкой. Теперь ему стоило немало труда просто выпрямить единственную оставшуюся ногу, чтобы схватиться здоровой рукой за прутья решетки и подтянуться вверх. Когда Лео наконец почувствовал на лице прохладный ветерок и прищурился, взглядывая в улицу, затянутую дымом литейных цехов, фургон вздрогнул в последний раз и остановился.

Ему в глаза бросились странные детали – разбитые ставни магазинов, косо свисающие с петель сорванные двери, засыпанная всякой дрянью улица... Увидев в дверном проеме кучу тряпья, он сперва решил, что это спящий бродяга. Потом, с нарастающим чувством беспокойства, на мгновение заставившим его забыть о собственной боли, Лео понял, что это может быть труп.

«Во имя мертвых...» – прошептал он.

Рядом виднелся обгорелый остов складского здания – обугленные стропила выступали, словно ребра расклеванной птицами туши животного. Поперек его почерневшей передней стены буквами в три шага высотой был начертан лозунг:

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Лео прижал лицо к прутьям, изо всех сил пытаясь рассмотреть, что происходит в дальнем конце улицы. Позади офицеров, слуг и рыцарей-телохранителей на нервничающих лошадях, возле усаженной поверху штырями стены виднелись фигуры – целая толпа. Над головами, словно знамена над полком, колыхались транспаранты: «ЗА ЧЕСТНУЮ РАБОТУ – ЧЕСТНАЯ ПЛАТА», «ДОЛОЙ ЗАКРЫТЫЙ СОВЕТ», «ВСТАВАЙ!»... Толпа уже стекалась к королевскому кортежу, гудя от сдержанной злобы; слышались оскорбительные выкрики и свист. Неужели это... ломатели?

«Клянусь мертвыми...» – вновь прошептал Лео.

В боковой улице тоже были люди. Он видел рабочую одежду, сжатые кулаки. Бегущие фигуры, преследующие кого-то. Догоняющие, наносящие удары кулаками, ногами.

От головы колонны послышался зычный крик – возможно, Рукстеда:

– Именем его величества! Освободите дорогу!

– Сам... освободи дорогу! – рявкнул человек с густой бородой и практически без шеи.

Люди просачивались из соседних переулков, создавая неприятное ощущение, будто колонну окружают.

– Там Молодой Лев! – крикнул кто-то, и Лео услышал неуверенные приветственные возгласы.

Его действующая нога, которую он несколько дней назад считал своей недействующей ногой, полыхала огнем, но он продолжал цепляться за решетку. Люди стекались к фургону, протягивая к нему руки.

– Молодой Лев!

* * *

Савин смотрела из окна своего экипажа, совершенно беспомощная – одна рука придерживает распухший, грузный живот, другая вцепилась в руку Зури, – как этот сброд обступает тюремный фургон Лео, словно свиньи кормушку. Было трудно понять, собираются ли они его освободить или разорвать на куски. Вероятно, они и сами не знали.

Она поняла, что не помнит, каково это – ничего не бояться.

Скорее всего, все началось с забастовки. Савин знала в Адуе каждую мануфактуру, и сейчас они находились возле бумажной фабрики Фосса дан Харбера – предприятия, в которое она дважды отказывалась вкладывать деньги. Прибыли выглядели многообещающе, но у Харбера была отвратительная репутация. Он был из тех жестоких владельцев, безжалостных эксплуататоров, из-за которых всем остальным очень трудно наладить нормальное взаимодействие со своими работниками. Да, скорее всего, все началось с забастовки – а потом, как порой бывает с забастовками, быстро обернулось чем-то гораздо более ужасным.

– Назад! – выкрикнул молодой офицер и хлестнул по толпе хлыстом, который держал в руке. Один из конных стражников оттащил какого-то человека за плечо, потом отмахнулся щитом от другого, попав ему по голове. Тот упал. Показалась кровь.

– Ох, – вымолвила Савин, широко раскрывая глаза.

Кто-то ударил офицера палкой, и он покачнулся в седле.

– Стойте! – Кажется, это был голос Орсо. – Стойте!

Но все было бесполезно. Высокий король Союза внезапно оказался таким же беспомощным, как она сама. Люди напирали со всех сторон – море разъяренных лиц, стиснутые кулаки, раскачивающиеся плакаты... Стоял ужасный гвалт, заставивший Савин вспомнить Вальбек в дни восстания. Впрочем, настоящее было достаточно кошмарным, чтобы еще и вызывать в памяти кошмары прошлого.

Подъехали новые солдаты. Кто-то завопил и тут же умолк, попав под копыта.

– Ублюдки!

Кто-то с тонким звоном вытащил меч.

– Защищайте короля! – донесся выкрик Горста.

Солдат ударил одного из толпы сперва эфесом меча, потом плоской стороной клинка, так что с того слетела шапка и он кувырком полетел на мостовую. У кого-то из рыцарей-телохранителей оказалось меньше выдержки. Взблеск стали, пронзительный крик... На этот раз опустившийся меч рассек человеку предплечье: Савин увидела зияющую рану... Что-то ударило о стенку экипажа, и она вздрогнула.

– Помоги нам бог, – пробормотала Зури.

Савин воззрилась на нее.

– Когда Он кому-то помогал?

– Я не перестаю надеяться. – Зури положила Савин руку на плечи, защищая ее. – Отодвиньтесь подальше от окна...

– Куда? – прошептала Савин, прижимаясь к ней.

За стеклом царил полный хаос. Конный солдат и краснолицая женщина рвали друг у друга край транспаранта с надписью «ВСЕ РАВНЫ», другой конец скрывался среди мелькающих рук и лиц. Одного из рыцарей-телохранителей стащили с лошади, и он мгновенно затерялся в толпе, словно моряк в штормовом море. Люди были повсюду – проталкиваясь между конными, пихаясь, хватаясь, вопя.

Стекло со звоном лопнуло, и Савин отпрянула под дождем осколков.

– Предатели! – завопил кто-то. (Кому? Ей или Лео?)

Внутрь просунулась грязная рука и зашарила в поисках защелки. Савин неловко ударила по ней кулаком сверху вниз, как стучат по столу пивной кружкой. Она не была уверена, что будет хуже – если толпа вытащит ее сейчас из экипажа или если ее повезут дальше в Допросный дом, в объятия инквизиции.

Зури как раз поднималась с места, когда снаружи что-то мелькнуло. На щеку Савин брызнули капли. Красные пятна на ее платье. Рука выскользнула обратно. За окном внезапно вспыхнуло пламя, и она согнулась, обхватив обеими руками живот, обхватив боль, пронзившую ее кишки.

– Помоги нам бог, – пропыхтела она.

Неужели ей суждено родить здесь, на усыпанном стеклянными осколками полу экипажа, посреди мятежа?

– Сволочи!

Какой-то верзила в фартуке схватил под уздцы лошадь светловолосой девчонки, которую Орсо держал в качестве прислуги – той самой, что носила когда-то письма от него к Савин и обратно, тысячу лет назад... Бунтовщик вцепился ей в ногу, она отбрыкивалась, плюясь и щеря зубы. Савин увидела, как Орсо развернул коня и принялся молотить напавшего по плешивой макушке. Тот ухватился за Орсо, пытаясь стащить его с седла.

– Сво...

Его голова взорвалась, оросив все вокруг красным дождем. Савин уставилась неверящим взглядом. Она могла бы поклясться, что этот человек, Сульфур, всего лишь шлепнул его ладонью – и снес ему полчерепа.

Мимо, шпоря лошадь, пронесся Горст с оскаленными зубами, яростно рубя вправо и влево. Тела валялись как подкошенные.

– Король! – визжал он. – Защищайте короля!

– К Агрионту! – проревел кто-то. – Не останавливаться ни перед чем!

Экипаж дернулся. Савин сбросило бы с сиденья, если бы Зури не успела подставить руку. Савин отчаянно вцепилась в край выбитого окна и прикусила губу, когда ее раздутый живот пронзила новая вспышка боли.

Она видела разбегающихся людей. Слышала вопли ужаса. Чье-то тело, вращаясь, ударилось об угол экипажа, проскребло вдоль двери и упало под бешено молотящие копыта лошади рыцаря-герольда. В разбитом окне застряла прядка светлых волос.

Колеса подпрыгнули, переезжая через опрокинутый дорожный указатель, мягко зашуршали по устилавшим влажную дорогу памфлетам. Впереди гремел тюремный фургон, высекая искры из булыжной мостовой. Вокруг бесновались лошади – взметающиеся гривы, болтающаяся упряжь... Что-то ударилось в противоположный борт экипажа, потом они наконец проехали, оставив фабрику Харбера и бунтующих рабочих за собой.

Через разбитое окно внутрь залетал зябкий ветер. Сердце Савин колотилось, рука на оконной раме была холодна как лед, но лицо горело, словно от пощечины. Как Зури могла оставаться такой спокойной? Лицо горничной было неподвижным, рука твердо поддерживала Савин. От толчков и раскачивания ребенок в ее утробе зашевелился. Что ж, по крайней мере, он был жив. Он был жив...

За окном Савин увидела лорда-камергера Хоффа – старик судорожно вцепился в поводья, церемониальная цепь намоталась на его красную шею. Она увидела пожилого седовласого королевского знаменосца, крепко сжимающего флагшток: солнце Союза колыбалось над его головой, по золотой ткани расплывалось масляное пятно.

Мимо проносились улицы, такие знакомые и незнакомые одновременно. Когда-то этот город принадлежал ей. Никем так не восхищались, никому так не завидовали, никого так не ненавидели, как ее, – что Савин всегда принимала как единственный искренний комплимент. Мимо мелькали здания. Здания, которые были ей знакомы. Здания, которые даже принадлежали ей...

Во всяком случае, раньше принадлежали. Теперь все это будет конфисковано.

Савин крепко зажмурила глаза. Она не могла вспомнить, каково это – не испытывать страха.

Она вспомнила, как приняла у Лео кольцо. Под ними расстился Агрионт со всеми этими крошечными людишками... Им принадлежало будущее. Как им удалось настолько основательно разрушить все, чего они достигли? Его беспечности или ее амбициозности в одиночку на это не хватило бы. Однако, смешавшись, словно два химических реагента, сами по себе, может быть, лишь слегка ядовитые, в сочетании они дали нестабильную взрывчатую смесь, отправившую к чертям их собственные жизни вкупе с тысячами других.

Рана на ее бритой голове чесалась под повязками не переставая. Возможно, было бы милосерднее, если бы тот кусок металла пролетел немного ниже и расколол бы ей череп, вместо того чтобы просто содрать кусок кожи.

– Шагом! – послышался пискливый голос Горста. – Ша-агом!

Они пересекали один из мостов, ведущих в Агрионт, чьи величественные стены уже маячили впереди. Когда-то она чувствовала себя в этих стенах надежно, как в родительских объятиях. Теперь они казались ей стенами тюрьмы. Они и были тюрьмой: на ее шею по-прежнему была накинута петля, равно как и на шею Лео.

После того, как его увели с виселицы, она взялась переменить повязки на его ноге. Это казалось чем-то таким, что жена обязана сделать для своего раненого мужа. Особенно когда его раны – по большей части ее рук дело. Савин считала себя сильной женщиной, она всегда славилась своей холодной беспощадностью. Но это... Это было похоже на какой-то непристойный стриптиз. Повязки разматывались, становясь сперва белоснежными с бурыми пятнами, потом розовыми, потом черными. Потом открылась культя. Кривые швы, кошмар портного: рваные, лилово-багровые, с каплями влаги. Ужасное, невероятное, выглядящее каким-то трю-

ком отсутствие конечности. Зловоние дешевого спирта и мясной лавки. Она закрыла рот рукой. Не было сказано ни единого слова, но она поглядела ему в лицо – и увидела в нем отражение собственного ужаса. А потом пришли стражники и увели ее, и она была им благодарна. Даже при воспоминании об этом ее затошнило. Затошнило от чувства вины. От отвращения. От чувства вины за свое отвращение.

Савин поняла, что дрожит. Зури сжала ее руку:

– Все будет хорошо.

– С какой стати? – прошептала Савин, уставившись в ее темные глаза.

Экипаж перестал трястись и остановился. Офицер открыл дверцу; зазвенело разбитое стекло. Потребовалось несколько мгновений, чтобы заставить ее пальцы разжаться – ей пришлось отцеплять их чуть ли не силой, словно стиснутые пальцы трупа. Пошатываясь, она спустилась на мостовую, с каждым движением ожидая, что обмочится. Или она уже обмочилась?

Площадь Маршалов. Вот по этому вымощенному гладкими плитами пространству она раз в месяц возила своего отца в колесном кресле, смеясь над несчастьями других. Она посещала собрания Открытого совета в Круге лордов, просеивая пустую болтовню в поисках благоприятных возможностей. Она обсуждала со своими соратниками дела: кого возвысить, кого стереть в порошок, от кого откупиться, с кого взыскать долг. Ей были знакомы все местные ориентиры, высящиеся над исполосованными потеками сажи крышами – стройная, похожая на палец Цепная башня, нависающий над городом силуэт Дома Делателя... Но они принадлежали к иному миру. К другой жизни. Повсюду виднелись изумленные, неверящие взгляды. Люди с исцарапанными лицами, изорванные парадные мундиры, обнаженные мечи, выпачканные красным.

– Ваша рука, – сказала Зури.

Рука тоже была измазана кровью. Тупо повернув ладонь, Савин увидела торчащий из нее осколок стекла. Должно быть, воткнулся, когда она схватилась за оконную раму. Она даже не почувствовала.

Савин подняла глаза и встретила взглядом с Орсо. Он был бледен и взъерошен, его золотой венец съехал набок. Их губы слегка приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, она – что-то ответить. Но прошло несколько мгновений, а они все молчали.

– Найдите для леди Савин и ее мужа какое-нибудь помещение, – наконец вымолвил Орсо хриплым голосом. – В Допросном доме.

Савин сглотнула, глядя, как он уходит прочь.

Она не могла вспомнить, каково это – не трястись от ужаса.

* * *

Орсо шагал через площадь Маршалов примерно в направлении дворца, сжав кулаки. Все же в Савин было что-то такое, от чего у него до сих пор перехватывало дыхание. Тем не менее перед ним стояли и более насущные проблемы, чем дымящиеся руины былой любви.

К примеру, то, что его надежда на триумфальное возвращение домой была не просто обманута, но обернулась кровавой резней.

– Они меня ненавидят, – пробормотал он.

Конечно же, он привык ко всеобщему презрению. Оскорбительные памфлеты, сальные сплетни, насмешки в Открытом совете... Но когда короля вежливо терпеть не могут за его спиной, это лишь говорит о нормальном состоянии общества. А вот когда король подвергается физическому нападению со стороны толпы, это уже близко к открытому бунту. Второму за месяц. Адуя – сердце мира, вершина цивилизации, светоч прогресса и процветания – погрузилась в беззаконие и хаос!

Разочарование оказалось довольно острым. Как будто ты положил в рот изысканный деликатес, начал жевать и вдруг обнаружил, что на самом деле это кусок дерьма. Однако из таких вот моментов и складывается жизнь монарха: один неожиданный кусок дерьма за другим.

– Недовольные... найдутся всегда... – пропыхтел лорд Хофф, пытаясь поспеть за ним.

– Они меня *ненавидят*, мать их растак! Вы слышали, как они приветствовали Молодого Льва? Когда только этот высокородный негодяй успел стать народным любимцем?

Прежде все считали его презренным трусом, а Брока – великим героем. Конечно же, после того как Орсо одержал победу, их позиции по справедливости должны были поменяться местами! Но нет: теперь его считали презренным тираном, а Молодому Льву сочувствовали как бедолаге, которому просто не повезло... Если бы Брок принялся заниматься мастурбацией посреди улицы, похоже, даже это вызвало бы у публики громогласное одобрение.

– Треклятые изменники! – рявкнул Рукстед, ударяя обтянутым перчаткой кулаком в обтянутую перчаткой ладонь. – Надо было перевешать всю эту мерзкую свору!

– Всех не перевешаешь, – заметил Орсо.

– Если позволите, я сейчас же вернусь обратно в город и хотя бы начну.

– Боюсь, наша ошибка состояла в том, что повешений было слишком много, а не слишком мало...

– Ваше величество! – На аллее Королей, возле изваяния Гарода Великого, дожидался устрашающего роста рыцарь-герольд, зажав крылатый шлем под мышкой. – Закрытый совет *настоятельно* просит вашего присутствия в Белом Кабинете.

Герольд пошел рядом с Орсо, для чего ему пришлось значительно укоротить свой шаг.

– Позвольте поздравить ваше величество с вашей блистательной победой при Стоффенбеке...

– Такое чувство, будто это было уже давным-давно, – отозвался Орсо, не сбавляя скорости. Он боялся, что если перестанет двигаться, то рассыплется, словно детская башня из кирпичиков. – Я уже получил поздравления от довольно большой толпы бунтовщиков!

Он поднял мрачный взгляд на огромную статую Казамира Стойкого, гадая, приходилось ли тому бежать от собственного народа по улицам собственной столицы. В исторических книжках ни о чем подобном не упоминалось.

– В столице было... беспокойно в ваше отсутствие, ваше величество. – Орсо не понравилось, как герольд произнес слово «беспокойно». Как будто это был эвфемизм, обозначающий нечто гораздо худшее. – Вскорости после вашего отбытия начались... беспорядки. Из-за повышения цен на хлеб. Учитывая восстание и плохую погоду, в столицу не удалось завезти достаточно муки... Толпа женщин разгромила несколько пекарен. Они избили владельцев, а одного объявили спекулянтom и... убили.

– Очень неудачно, – вставил Сульфур (чудовищное преуменьшение).

Орсо заметил, что маг тщательно вытирает носовым платком кровь с ребра ладони. От легкой усмешки, которую он умудрялся сохранять во время казни двухсот человек перед стенами Вальбека, не осталось и следа.

– На следующий день была забастовка в литейной на Горной улице. Через два дня – еще три. Несколько стражников отказались патрулировать. У остальных была стычка с мятежниками. – Герольд кисло пожевал губами. – Несколько убитых.

Отец Орсо был последним в процессии увековеченных монархов. Он взирал поверх пустынного парка с выражением повелительной решимости, какого у него никогда не бывало в жизни. Напротив него, выполненные в несколько менее монументальном масштабе, высились знаменитый воин лорд-маршал Вест, прославленный палач архилектор Глокта, а также Первый из магов собственной персоной. Байяз гневно взирал в пространство перед собой, поджав губы, словно все люди поистине были для него жалкими неблагодарными муравьями. Орсо не

раз думал о том, кто из его свиты займет место напротив его собственного изваяния, но только сейчас впервые усомнился, что такое изваяние вообще будет поставлено.

– Ну, теперь-то порядок восстановится! – попытался развеять мрачное настроение Хофф. – Вот увидите!

– Хотелось бы надеяться, ваша светлость, – отозвался рыцарь-герольд. – Группы ломателей захватили несколько мануфактур. В районе Трех Ферм они устраивают открытые демонстрации, требуя... ну, в общем, они требуют роспуска Закрытого совета его величества. – Орсо не понравилось, как он произнес слово «роспуск». Как будто это был эвфемизм, обозначающий нечто гораздо более окончательное. – Люди взбудоражены, ваше величество. Люди хотят крови.

– Чьей крови? Моей? – пробормотал Орсо, безуспешно пытаясь ослабить воротник.

– Н-ну... – Рыцарь-герольд довольно вяло отсалютовал, прощаясь с ним. – Просто крови. Мне кажется, им все равно, чья она будет.

...Неутешительно небольшое число членов Закрытого совета, кряхтя, поднялось на престарелые ноги, когда Орсо с грохотом вломился в Белый Кабинет. Лорд-маршал Форест остался в Стоффенбеке с потрепанными остатками своей армии. Архилектор Пайк наводил страх на беспокойных жителей Вальбека, заново склоняя их к покорности. Верховному судье Брюкелю раскроили голову во время предыдущего покушения на жизнь Орсо, и на его место до сих пор не нашли замены. Кресло Байяза в конце стола пустовало, как это было на протяжении последних нескольких столетий. Генеральный же инспектор, как можно было предположить, снова отсутствовал из-за проблем с мочевым пузырем.

Лорд-канцлер Городец заговорил первым. Его голос звучал довольно пронзительно:

– Позвольте мне поздравить ваше величество с блистательной победой...

– Выкиньте ее из головы. – Орсо бросился в неудобное кресло. – Я это уже сделал.

– На нас напали! – Рукстед порывисто устремился к своему месту, звякая шпорами. – На королевский кортеж!

– Проклятые бунтовщики заполонили улицы Адуи! – просипел Хофф, грузно опускаясь в кресло и утирая вспотевший лоб рукавом мантии.

– Еще вопрос, кто больше проклят, бунтовщики или улицы, – буркнул Орсо.

Он провел по щеке кончиками пальцев и посмотрел на них: они были слегка запачканы красным. Из-за усердия Горста он был теперь забрызган с ног до головы.

– Есть новости от архилектора Пайка?

– Вы не слышали? – Городец, по-видимому, оставил былую привычку распушать и разглаживать свою длинную бороду; теперь он крутил и дергал ее, зажав между скрюченных пальцев. – Вальбек пал! Город захвачен мятежниками!

Орсо сглотнул так громко, что звук отразился от голых белых стен.

– Захвачен?

– Опять? – взвизгнул Хофф.

– От его преосвященства никаких вестей, – заметил Городец. – Мы боимся, что он мог попасть в плен к ломателям.

– В плен? – ошеломленно переспросил Орсо. Комната вдруг показалась ему еще более невыносимо тесной, чем обычно.

– Вести о беспорядках доходят со всех концов Миддерланда! – выпалил верховный консул голосом, вибрирующим от еле сдерживаемой паники. – Мы потеряли связь с муниципальными властями Колона! Из Хольсторма тоже поступают тревожные сигналы. Грабежи. Самоубийства. Чистки...

– Чистки? – выдохнул Орсо. Кажется, сегодня он был обречен без конца, в ужасе и потрясении, повторять за собеседником последние слова.

– Ходят слухи о бандах ломателей, бесчинствующих в провинции!

– *Огромных* бандах, – вставил лорд-адмирал Крепскин. – И они стекаются к столице! Мерзавцы обнаглели до того, что называют себя «Народной Армией»!

– Измена плодится, как какая-то чертова зараза, – пропыхтел Хофф, глядя на пустующее кресло в конце стола. – Нет ли способа как-то сообщить лорду Байязу о происходящем?

Орсо остолбенело покачал головой:

– Не настолько быстро, чтобы это могло нам помочь.

В любом случае вполне возможно, что Первый из магов предпочтет остаться на благоразумном расстоянии, вычисляя, какую прибыль он может получить от происходящего.

– Мы сделали все, что могли, чтобы новости не просочились в народ...

– Чтобы предотвратить панику, ваше величество, вы понимаете, но...

– Они могут оказаться у ворот города уже через несколько дней!

Воцарилось долгое молчание. Чувство торжества, с которым Орсо приближался к столице, теперь казалось полузабытым сном.

Если существовала полная противоположность тому, чтобы чувствовать себя королем, это была она.

Перемена

– Согласитесь, это впечатляющее зрелище, – произнес Пайк.
– Соглашусь, – отозвалась Вик, на которую было не так-то просто произвести впечатление.

Возможно, Народной Армии не хватало дисциплины, снаряжения и припасов, но никто не мог бы оспорить ее масштаб. Она тянулась насколько хватало глаз, теряясь в дымке мороси вдалеке, заполонив дорогу на дне долины и раскисшие склоны по обеим сторонам.

Когда они вышли из Вальбека, их было, наверное, тысяч десять. Впереди, словно яркий наконечник копья, выступала пара подразделений бывших солдат, сверкая новенькими, только что из литейной, подарками от Савин дан Брок. Но вскоре порядок уступил место разнузданному хаосу. Фабричные рабочие и литейщики, красильщицы и прачки, каменщики и ножовщики, мясники и лакеи не столько маршировали, сколько отплясывали под старые рабочие песни и стук барабанов, сделанных из кастрюль. Пока что восстание носило в целом добродушный характер.

Вик ожидала и где-то даже надеялась, что они рассеются в течение медленного, изнурительного похода по раскисшим дорогам под все усиливающимся дождем, однако их число только возрастало. В их ряды вливались работники, арендаторы и фермеры с косами и вилами (что вызывало некоторую озабоченность), а также мешками муки и окороками (что служило причиной всеобщей радости). К ним присоединялись шайки попрошаек и банды хулиганов. Солдаты, дезертировавшие с полей давно проигранных и позабытых сражений. Торговцы, шлюхи и демагоги, всучивавшие людям шелуху, секс и политические теории в палатках, расставленных вдоль растоптанных в месиво дорог.

В их энтузиазме тоже нельзя было усомниться. По ночам огни костров растягивались на мили; люди сидели, натянув на себя влажные от росы одеяла в качестве защиты от осенних холодов, и с горящими глазами говорили, говорили без конца о своих окутанных дымом мечтах и желаниях. О перемене. О Великой Перемене, которая наконец пришла.

Вик не имела понятия, насколько далеко простиралась теперь их пропитанная дождем колонна. Не имела понятия, много ли в ней ломателей и сжигателей. Мили и мили дороги были заполнены мужчинами, женщинами и детьми, тащившимися по грязи к Адуе. К светлому будущему. У Вик, разумеется, были сомнения, однако... Столько надежды! Целый потоп. Как бы сурово ни обошлась с тобой жизнь, такому напору нельзя было не поддаться. Или, возможно, жизнь просто обошлась с ней не настолько сурово, как она любила представлять.

Лагерь научили Вик всегда держаться с победителями. С тех пор это стало ее основным жизненным правилом. Однако ни в лагерях, ни во все последующие годы у нее никогда не возникало сомнений относительно того, *кто* эти победители. Те, кто стоит у власти: инквизиция, Закрытый совет, архилектор. Сейчас, глядя на эту необузданную человеческую стихию, задавшуюся целью изменить мир, она уже не была так уверена, чья сторона победит. Она не была уверена даже, где кончается одна сторона и начинается другая. Если бы Лео дан Брок побил Орсо, у них был бы новый король, новые лица в Закрытом совете, новые зады в больших креслах, но в целом все осталось бы по-прежнему. Но если Орсо побьет вот эта компания – что дальше? Все, в чем она прежде не сомневалась, рассыпалось в прах. Теперь она сомневалась даже в том, что у нее вообще останется хоть что-то несомненное, а не одни лишь дурацкие догадки.

В Старикланде, во время восстания, Вик довелось присутствовать при землетрясении. Земля под ногами задрожала, книги попадали с полок, с соседнего дома на мостовую свалилась дымовая труба. Это продолжалось недолго, но достаточно, чтобы она успела испытать ужас

понимания, что все, на что она рассчитывала как на нечто прочное, надежное, может в одно мгновение рассыпаться, как карточный домик.

И вот сейчас у нее снова было это же чувство. Только сейчас она знала, что землетрясение еще только началось. Как долго мир будет содрогаться? И останется ли от него хоть что-то, когда все закончится?

– Я вижу, вы все еще с нами, сестра Виктарина.

Пайк прищелкнул языком, понукая лошадь спуститься вниз, к голове расхристанной колонны. У Вик было сильное желание остаться. Однако она последовала за ним.

– Да, все еще с вами.

– Значит ли это, что вы готовы присоединиться к нашему делу?

Одна сторона ее существа, исполненная надежды, хотела верить, что это может стать исполнением мечты Сибальта о лучшей жизни, и отчаянно желала увидеть ее воплощение. Другая, боязливая сторона чужала близкую кровь и подбивала ее этой же ночью все бросить и бежать в Дальние Территории. И была еще расчетливая сторона, по мнению которой совладать с обезумевшей лошадью можно, только оставаясь в седле, а изо всех сил держаться за повод, возможно, менее опасно, чем совсем его отпустить.

Вик искоса посмотрела на Пайка. Собственно, она до сих пор не могла понять, в чем, собственно, их «дело» заключается. Собственно, ей казалось, что дело здесь было у каждого свое – у каждой из этих крошечных точек, составляющих собой Народную Армию. Но сейчас было не время говорить правду. (Да и наступит ли оно когда-нибудь, это время?)

– Было бы глупостью утверждать, что я нисколько не убеждена.

– И если бы вы сказали, что убеждены полностью, с моей стороны было бы глупостью вам поверить.

– Что ж, поскольку мы оба не глупцы... давайте скажем «может быть».

– О, мы все тут глупцы. Но я ничего не имею против старого доброго «может быть». – Лицо Пайка не выражало никаких признаков удовольствия или какого-либо другого чувства. – Крайностям никогда нельзя доверять.

...Вик сомневалась, что двое других лидеров Великой Перемены, ехавшие по травянистому склону в их направлении, с ним бы согласились.

– Брат Пайк! – прокричал Ризинау, радостно маша пухлой рукой. – Сестра Виктарина!

Ризинау беспокоил Вик. Бывший наставник Вальбека имел репутацию глубокого мыслителя, однако, на ее взгляд, он был из тех, кого идиоты почитают за гения: его идеи представляли собой сплошную путаницу с пустотой в середине. Он много распространялся о справедливом обществе, которое ждет их впереди, но был удивительно туманен относительно ведущих к нему путей. Его карманы вечно топырились от бумаг – теорий, манифестов, прокламаций. Набросков речей, которые он визгливо выкрикивал в возбужденную толпу на каждом привале. Вик не нравилось, что люди приветствуют его цветистые воззвания к разуму, потрясая оружием, одобрительно воя и выкрикивая гневные лозунги. По ее опыту, больше всего ущерба можно ждать от людей, действующих на основании высоких принципов.

Однако еще больше Вик беспокоила Судья. Эта женщина ходила в ржавой старой кирасе, увешанной брэнчащими краденными церемониальными цепями, поверх бального платья, усыпанного выщербленными осколками хрусталя. Впрочем, в седле она сидела по-мужски, а не по-дамски, так что оборки ее драной юбки задрались к бедрам. Она ехала, засунув босые, перепачканные грязью ноги в оббитые кавалерийские стремяна – лицо словно составлено из ножей, костистые челюсти яростно стиснуты, черные глаза гневно прищурены. Ее обычно пылающий огнем рыжий хохол побурел от дождей и свисал сбоку, прилипнув к черепу. Судью принципы интересовали только как оправдание для творимого ею хаоса. Когда сжигатели захватили здание суда в Вальбеке, ее присяжные не оправдали ни одного человека – и единственным вынесенным ею приговором для каждого была смерть. Если глаза Ризинау были постоянно воз-

ведены к небу, чтобы не видеть разрушений, через которые он ступает, Судья, напротив, не отводила свирепого взгляда от земли, стремясь не упустить ничего, что можно было бы растоптать.

А Пайк? На обожженной маске, которую представляло собой лицо бывшего архитектора, невозможно было прочесть ничего. Кто мог знать, какие цели преследует брат Пайк?

Вик кивнула в направлении серой от сажи, накрытой покрывалом дыма Адуи, которая неотвратимо, дюйм за дюймом приближалась к ним.

– И что будет, когда мы доберемся дотуда?

– Перемена, – отозвался Ризинау, самодовольный как индюк. – *Великая Перемена!*

– От чего к чему?

– Господь не благословил меня Долгим Взглядом, сестра Виктарина. – Ризинау хихикнул при этой мысли. – Глядя на куколку, трудно предсказать, какая именно бабочка появится из нее, чтобы приветствовать восходящее солнце. Но перемена *будет*. – Он погрозил ей толстым пальцем. – В этом вы можете быть уверены! Новый Союз, построенный на высоких идеалах!

– Миру не нужны перемены, – буркнула Судья, не отрывая взгляда темных глаз от столы. – Ему нужен костер.

Вик не доверила бы ни тому, ни другой даже загнать стадо свиней в хлев, не говоря о том, чтобы направлять мечты миллионов людей к новому будущему. На ее лице, конечно, ничего не отразилось, но Пайк, по-видимому, все же уловил какую-то толику того, что она чувствовала.

– Кажется, у вас по-прежнему есть сомнения?

– Я никогда не видела, чтобы мир менялся быстро, – ответила Вик. – Пожалуй, я вообще не видела, чтобы он менялся.

– Я начинаю думать, что вы так нравились Сибальту оттого, что были его полной противоположностью. – Ризинау игриво приобнял ее за плечи. – Ох, сестра, вы так циничны!

Вик повела плечом, стряхнув его руку.

– Думаю, я это заслужила.

– После того, как ваше детство украли лагеря, после того, как вы сделали карьеру тем, что заводили друзей, чтобы потом предать их архитектору Глокте, – чего еще можно было ожидать? – заметил Пайк. – Однако цинизма тоже может быть чересчур много. Вы еще увидите.

Вик не могла не признать: она ожидала, что их «Великая Перемена» развалится задолго до этого момента. Что Судья и Ризинау, устав от перебранок, вцепятся друг другу в глотки; что непрочное содружество ломателей и сжигателей, умеренных и экстремистов распадется на множество фракций; что решимость Народной Армии растает, размокнув под дождями. В конце концов, что на гребне любого из встреченных ими на пути холмов появится кавалерия лорд-маршала Рукстеда и порежет это воинство оборванцев на куски.

Однако Ризинау с Судьей продолжали терпеть друг друга, а королевской гвардии было не видно и не слышно – даже сейчас, когда они уже входили в лабиринт дурно спланированных, дурно построенных, дурно пахнущих лачуг под стенами столицы. Дождь понемногу утих, струйки воды сочились из разбитых водосточных труб в грязные немощенные проулки. Может быть, силы Орсо были истощены столкновением с Лео дан Броком? Может быть, они были брошены на усмирение других восстаний? А может быть, в эти странные времена его солдаты были вынуждены столько раз менять стороны, что больше не знали, за кого им сражаться... Вик подумала, что хорошо их понимает.

...В этот момент выглянуло солнце, и она увидела вдалеке ворота Адуи.

Несколько мгновений Вик размышляла, в городе ли Огарок. Может быть, ему грозит опасность? Но потом поняла, как это глупо – беспокоиться об одном человеке посреди всего, что творилось вокруг. В любом случае, что она могла для него сделать? Что здесь вообще можно было сделать для кого бы то ни было?

Ризинау нервно взглянул на стены столицы, покрытые потеками сырости.

– Мне кажется, лучше соблюсти меры предосторожности. Может быть, дождемся, пока подвезут пушку, и уже потом...

Судья, громко и презрительно фыркнув, вонзила босые пятки в бока своей лошади и припустила вперед.

– В храбрости ей не откажешь, – заметил Пайк.

– Разве что в здравом смысле, – парировала Вик.

Она чуть ли не надеялась на ливень стрел, но ничего подобного не произошло. В уютной тишине Судья рысцой подъехала к воротам, вызывая вздернув подбородок.

– Эй, вы там, внутри! – завопила она, придерживая лошадь. – Солдаты Союза! Горожане Адуи!

Она привстала в стремях, указывая назад, на огромную орду, ползущую по размокшей дороге по направлению к столице:

– Вот это – Народная Армия! Она пришла, чтобы освободить свой народ! От вас мы хотим знать только одну вещь! – Она воздела над головой скрюченный палец. – С кем вы? С народом... или против него?

Ее лошадь бросилась в сторону, но Судья, рванув за повод, заставила ее описать небольшой круг, по-прежнему держа палец в воздухе, под нарастающий громовой топот тысяч и тысяч ног.

Вик вздрогнула, когда позади ворот что-то гулко загремело. Потом между двумя створками появилась светлая щелка, заскрипели несмазанные петли, и ворота медленно растворились. С парапета свесился солдат, размахивающий шляпой, с безумной ухмылкой на лице.

– Мы с народом! – заорал он. – Да здравствует Великая Перемена!

Судья вскинула голову и повернула лошадь, отъезжая с дороги, потом нетерпеливо махнула рукой, приглашая Народную Армию внутрь.

– В жопу короля! – завизжал одинокий солдат, вызвав волну одобрительного хохота у приближающихся ломателей.

После чего, рискуя жизнью, он взобрался по мокрому флагштоку, чтобы сорвать висевшее над городскими воротами знамя – флаг Высоких королей Союза, реявший над стенами Адуи на протяжении веков. Золотое солнце Союза, эмблема, данная Гароду Великому самим Байязом; флаг, перед которым люди опускались на колени, которым клялись и которому приносили клятвы... трепеща, упал на усеянную лужами дорогу перед городскими воротами.

– Мир может меняться, сестра Виктарина. – Пайк взглянул на нее, приподняв одну безволосую бровь. – Вот увидите.

Он прищелкнул языком и пустил лошадь в направлении раскрытых ворот.

Было что-то почти чересчур символичное в том, как Народная Армия входила в Адую, попирая ногами флаг прошлого, валяющийся в грязи.

Маленькие люди

– Они здесь! – Якиб был в таком волнении, что у него перехватывало горло, и голос звучал надтреснуто, срываясь на визг. – Ломатели! *Здесь*, черт подери!

Столько дней, столько недель, столько месяцев они ждали – и вот он стоял посреди маленькой гостиной их дома, дико озираясь, сжимая и разжимая кулаки и не зная, что делать дальше.

Петри не казалась взволнованной. Скорее встревоженной, даже недовольной. Парни предупреждали его не жениться на такой брюзге, но тогда он этого не видел. Он вечно на что-то надеялся. «Ты вечно на что-то надеешься», – говорили ему. А теперь вид у нее становился все брюзгливее с каждым днем... Однако сейчас был едва ли подходящий момент, чтобы беспокоиться об их неудачном браке.

– Здесь, черт подери!

Он схватил свою куртку, смахнув со стола памфлеты, рассыпавшиеся по всему полу. Не то чтобы он их читал. Он, в общем, и читать-то не умел. Но даже просто иметь их уже казалось неплохим шагом по направлению к свободе. Да и кому нужны памфлеты, когда ломатели явились в город во плоти?

Подойдя к камину, он потянулся за дедушкиным мечом, висевшим на крюке, и шепотом выругал Петри, заставившую его повесить его так высоко. Ему пришлось встать на цыпочки, чтобы достать эту треклятую штуковину, едва не уронив ее при этом себе на голову.

В нем шевельнулось чувство вины, когда он увидел ее лицо – пожалуй, даже не столько недовольное, сколько испуганное. Вот чего всегда было нужно этим ублюдкам – инквизиции и Закрытому совету. Чтобы все были напуганы. Он ухватил ее за плечо, потряс, пытаясь передать ей хоть немного своей надежды:

– Теперь цены на хлеб быстро упадут, вот увидишь. Хлеб будет для всех!

– Ты думаешь?

– Я знаю!

Она дотронулась кончиками пальцев до помятых ножен.

– Не бери его с собой. Если у тебя будет меч, тебе захочется пустить его в дело. А ты не умеешь.

– Еще как умею, – отрезал Якиб, хотя они оба знали, что это не так.

Он рванул оружие на себя, повернув не той стороной вверх, так что покрытый пятнами ржавчины клинок наполовину выскользнул из ножен прежде, чем он перехватил его и загнал обратно.

– Мужчина должен быть вооружен, хотя бы в день Великой Перемены! Если мечи будут у многих, их вообще не придется вынимать.

И, не дожидаясь, пока она озвучит новые сомнения, он выскочил наружу, с силой хлопнув за собой дверь.

Улицы снаружи были чистыми и светлыми – после недавнего дождя все блестело и сверкало как новенькое. Повсюду были люди, нечто среднее между бунтом и карнавалом. Кто-то бежал, кто-то вопил. Некоторые лица были ему знакомы, но большинство были чужаки. Какая-то женщина обхватила его за шею и поцеловала в щеку. Местная шлюха взгромоздилась на ограду, одной рукой придерживаясь за стену, а второй приподнимая платье, чтобы дать толпе взглянуть на свой товар. «Весь день за полцены!» – вопила она.

Он был готов драться. Идти на ряды роялистских копий, и пусть свобода и равенство послужат ему доспехом! Впрочем, Петри эта идея была не очень по вкусу, и, честно говоря, у него и у самого понемногу начинали возникать сомнения. Однако солдат ему попало лишь

несколько, и на их лицах были улыбки, а мундиры нараспашку, и они орали, прыгали и веселились не хуже любого другого.

Кто-то пел. Кто-то плакал. Кто-то танцевал прямо в луже, обдавая всех брызгами. Кто-то лежал в дверном проеме – наверное, пьяный... Потом Якиб увидел на его лице кровь. Может быть, ему нужна помощь? Но бегущие люди уже увлекли его за собой. Он сам не знал, зачем бежит с ними. Он не знал ничего.

На Балочную улицу, что широкой полосой прорезала фабричные районы Трех Ферм, выходя к центру города. Здесь он увидел вооруженных людей – начищенные доспехи, новенькие, сверкающие... Якиб замер на углу, с колотящимся во рту сердцем, спрятав меч за спиной – он решил, что встретился с королевской гвардией. Потом он заметил их бородатые лица, их размашистую походку, транспаранты в их руках с криво вышитыми разорванными цепями – и понял, что это и есть Народная Армия, марширующая к свободе.

Из дверей мануфактур валом валили рабочие, вливаясь в толпу, и он принялся проталкиваться сквозь них, хохоча и крича до хрипоты. Ему на пути попала пушка! Пушка, черт подери! Ее катили улыбающиеся во весь рот красильщицы. Их руки были покрыты разноцветными пятнами. Люди пели, обнимались, плакали. Якиб больше не был башмачником – он был борцом за справедливость, гордым братом ломателей, участником величайшего события эпохи.

Он увидел во главе толпы женщину на белом коне, в солдатской кирасе. Судья! Точно, Судья. Разглядывая ее сквозь слезы на глазах, он даже не смел надеяться, что она окажется такой прекрасной, и яростной, и праведной. Это был чистый дух, идея, облекшаяся плотью. Богиня, ведущая людей навстречу их судьбе.

– Братья! Сестры! Вперед, к Агрионту! – И она показала вперед, на дорогу, ведущую к свободе. – Мне не терпится поприветствовать его гребаное августейшее величество!

По толпе прокатилась еще одна бурная волна смеха и восторга, и Якибу показалось, что в каком-то переулке он увидел, как кого-то лежащего на земле бьют ногами, пинают снова и снова, и он вытащил ржавый дедушкин меч, и поднял его высоко над головой, и присоединился к поющим.

* * *

– Идут, – шепнул Грей.

Капитан Лееб вытащил меч. Пожалуй, самое время это сделать.

– Я слышу, капрал.

Он пытался вселить в окружающих ощущение уверенности. Уверенность – основное качество офицера. Так говорил ему его брат.

Судя по звуку, их было значительное количество. *Весьма* значительное. И неуклонно приближающееся. Леебу вспомнился гомон толпы на турнире: сотни голосов, возбужденно и восторженно вопящих. Тысячи голосов. Однако сейчас в них была определенная нотка безумия, оттенок гнева. Время от времени сквозь гомон прорезались звон разбитого стекла, треск дерева.

Лееб испытывал сильное желание сбежать куда-нибудь подальше. Он вовсе не хотел пятнать себя кровью, в особенности своей собственной. К тому же не то чтобы он не испытывал симпатии к их движению, до определенного предела. Свобода, справедливость и так далее – кто же не хочет всех этих вещей? Ну так, в принципе? Однако он принес присягу королю. Не самому королю лично, разумеется, но как бы там ни было, он ее принес. Если он с радостью дал клятву, когда дела шли хорошо, едва ли было бы справедливо забрать ее обратно, как только запахло опасностью. Иначе что бы это была за клятва?

Полковник заверил его, что помощь на подходе. Королевская гвардия их поддержит. Потом это был Вестпорт. Потом Старикланд. Потом еще менее вероятные места. В конце концов, никакая помощь не пришла ниоткуда.

Лееб бросил взгляд на своих людей, растянувшихся поперек Балочной улицы. Хлипкая редкая цепочка в красных мундирах. Человек сорок арбалетчиков да восемьдесят копейщиков. Половина роты вообще не вышла. Некоторые оказались не настолько принципиальными, как он. Лееб всегда считал, что в человеке нет качества, более достойного восхищения, чем умение держать слово. Верность долгу – основное качество офицера. Так говорил ему отец. Однако сейчас ему начинало казаться, что некоторая гибкость тоже может порой пригодиться.

– Идут, – снова прошептал Грей.

Ветерок немного рассеял пелену, тянувшуюся от литейной в дальнем конце улицы. Вокруг у Лееба пересохло.

– Я вижу, капрал.

Их поистине было много – и из дымки возникали все новые. Многие выглядели как обычные горожане, с женщинами и с детьми; они потрясали ножками от стульев, молотками, ножами, пиками, сделанными из швабр. Другие были похожи на профессионалов: в свете проглянувшего солнца поблескивали доспехи и лезвия клинков. Понемногу, с медленно раскрывающимся ртом Лееб начал осознавать масштаб надвигающейся толпы.

Похоже, что меры, предпринятые Закрытым советом – все эти визгливые воззвания, комендантские часы, угрозы, показательные экзекуции, – не достигли желаемого результата. Скорее наоборот.

– Во имя Судеб... – выдохнул кто-то.

– Спокойно, – проговорил Лееб, но его голос прозвучал мышинным писком, не способным успокоить никого. Разве что лишить спокойствия тех, у кого оно еще оставалось.

Было мучительно очевидно, что их хлипкая цепь не имеет никаких шансов остановить этот вскипающий прилив. Абсолютно никаких шансов.

Увидев Лееба и его солдат, бунтовщики остановились, неуверенно сбиваясь в кучу. Песни и выкрики затихли на их губах. Наступило напряженное, неловкое молчание, и из глубин Леебовой памяти всплыло неуместное воспоминание: вот такая же напряженная, неловкая пауза возникла после того, как он, пьяный, попытался поцеловать свою кузину Ситрин на той танцульке. Ситрин в ужасе отпрянула, так что он в результате просто ткнулся губами в ее ухо. Эта пауза была похожа на ту. Только она была гораздо более страшной.

Что делать? Во имя Судеб, что делать? Просто дать им пройти? Присоединиться к ним? Вступить с ними в бой? Броситься бежать без оглядки? Хороших вариантов не было. Нижняя губа Лееба глупо затряслась, но он не мог издать ни звука. Даже наименее плохой вариант не приходил в голову. Решительность – основное качество офицера, но к такому их не готовили. Никто не может подготовить тебя к тому, что мир внезапно переворачивается с ног на голову.

Сквозь толпу в передние ряды протиснулась женщина верхом на коне, с копной мокрых рыжих волос и презрительной, свирепой усмешкой. Как будто ее гнев был заразительным, он мгновенно распространился по толпе. Повсюду вокруг нее лица исказились, оружие вздымалось вверх, с губ рвались вопли, боевые кличи и насмешки, и внезапно Лееб понял, что выбора у него нет.

– Луки к бою! – пролепетал он. Как будто кончилось время, отведенное ему на придумывание лучших идей, и осталась лишь эта, ужасная в своей очевидности.

Его люди беспокойно задвигались, переглядываясь.

– Луки к бою! – проревел капрал Грей, напрягая жилы на толстой шее и одновременно глядя на Лееба с выражением смутного отчаяния. Наверное, так может глядеть кормчий тонущего корабля на своего капитана – молчаливо спрашивая, неужели они действительно сейчас пойдут ко дну вместе с судном.

Возможно, поэтому-то капитаны и тонут вместе с кораблем: у них просто нет лучших идей.

– Пали! – взвизгнул Лееб, рубанув мечом сверху вниз.

Он не мог бы сказать, сколько человек действительно выстрелило. Меньше половины. Боялись стрелять по такой толпе? Не хотели стрелять в мужчин, которые могли оказаться их отцами, братьями, сыновьями; в женщин, которые могли быть их матерями, сестрами, дочерьми? Пара человек взяла слишком высоко – то ли нарочно, то ли в спешке. Послышался крик. Кажется, в передних рядах этой бушующей массы все же упало два-три человека? Это не имело ровным счетом никакого значения. С чего бы?

Кошмарная дьяволица ткнула в Лееба скрюченным пальцем:

– Убейте этих говнюков!

И сотни человек кинулись к ним.

Лееб был умеренно храбрым человеком. Умеренно честным человеком. Умеренным монархистом, который принимал свою присягу королю очень близко к сердцу. Но Лееб не был глупцом. Повернувшись, он бросился бежать вместе со своими людьми. Они больше не были ротой – это было похоже на визжащее, толкающееся, всхрипывающее от ужаса стадо свиней.

Кто-то отпихнул его в сторону, и он упал, покотившись по земле. Кажется, это был капрал Грей, черт бы его побрал. Они все уже разбежались в разные стороны, бросая оружие, и он тоже устремился к ближайшему проулку, споткнувшись о ноги какого-то изумленного нищего и едва не полетев снова. В самом деле, как может один человек остаться верным присяге, когда все вокруг ее нарушают? Армия в большой степени зависит от единства целей составляющих ее солдат.

«Надо бежать к Агрионту» – вот все, о чем он мог думать. Он углубился в кривые боковые улочки, загроможденные от страха, дыхание сипло вырывалось из груди. Чертовы легкие! Проклятье всей его жизни. «Назови мне хоть одного лорд-маршала со слабыми легкими, – говорил его брат. – Легкие – вот основное качество офицера!» Конечно, адуанский смог тоже делал свое дело. Тяжело дыша, Лееб нырнул в какую-то подворотню, пытаясь подавить кашель. Меч он где-то выронил. Или выбросил?

«Проклятье!» – он уставился на свой офицерский мундир. Ярко-красный. Краснее, кажется, некуда. Разумеется. В этом же и была идея – сделать так, чтобы он выделялся. Словно яблочко на мишени...

Спотыкаясь, он выбрался из подворотни, продолжая сражаться с медными пуговицами, – и угодил прямиком в середину группы плотных, коренастых людей. Должно быть, рабочие из какого-нибудь соседнего литейного цеха. Однако сейчас в их глазах было диковатое выражение, на темных от сажи лицах ярко блестели белки глаз.

Они уставились на него, он – на них.

– Погодите, – начал он, поднимая ослабевшую руку, – я просто выполнял...

Но их это не интересовало. Ни его долг, ни его присяга, ни его сочувствие их делу, ни его умеренный монархизм. Сегодня никому не было дела до умеренности, не говоря уже об основных качествах офицера. Один из них набычился и ринулся на него. Лееб успел нанести ему лишь один удар – совершенно безобидный, скользнувший по лбу, не нанеся никакого ущерба.

Брат когда-то показывал ему, как надо бить, но он плохо слушал. Сейчас он жалел, что не слушал внимательнее. Впрочем, его брат и сам не так уж хорошо умел драться.

Нападавший врезался Леебу плечом в бок, выбив из него дух и сбив с ног. На мгновение Лееб оказался в воздухе, потом с жутким хрустом врезался в мокрую бульжную мостовую.

А потом они всем скопом накинудились на него и принялись пинать ногами, изрыгая ругательства, словно безумцы. Словно дикие звери. Лееб скорчился на земле, всхлипывая при каждом ударе. Что-то шмякнулось ему в спину с такой силой, что его стошнило. К своему ужасу, он увидел, что один из них вытащил нож.

* * *

Для него было шоком, когда Кэл вытащил нож. Хотя, вроде, с чего бы – Дорз знал, что он с ним ходит. Дорз перестал пинать офицера и уставился на лезвие. Хотел было крикнуть, чтобы Кэл не делал этого, – но тот уже ткнул его ножом, и еще раз, и еще.

– Дерьмо, – прошептал Дорз.

Он не планировал никого убивать, когда ушел со своего места на фабрике и сбежал, чтобы присоединиться к ломателям, заполонившим Балочную. Он сам не знал, чего хотел. Навести порядок, чего-нибудь в таком роде. В кои-то веки добиться справедливости. Во всяком случае, не этого. Они все выглядели потрясенными – и Кэл больше всех.

– Иначе нельзя, – выговорил он, глядя вниз на несчастного ублюдка, сипящего и сплевывающего красным. Он уже пол-улицы залил своей кровью. – Иначе нельзя...

Дорз не очень понимал, почему нельзя. Вроде бы зарплату им платил не этот бедолага. Могли бы попинать его, поучить как следует и оставить. Но можно там или нельзя, а дело было сделано. Уже не поправишь.

– Пойдем отсюда.

Дорз повернулся, оставив умирающего офицера на мостовой, и торопливо двинулся по направлению к Балочной. К Агрионту. Никто не знал, что будет, когда они дотуда доберутся, – так же, как никто не знал, чем это кончится, когда они принялись бить этого офицера.

Жалеть они будут завтра.

* * *

– Они пришли.

Шоули смотрел, как одна группа бежит по улице вниз; шлепки их шагов прыгали между узких фасадов. Он опрокинул в рот остатки вина и спустил ноги с подоконника.

– Кто пришел? – заплетающимся от шелухи языком спросила Рилл, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Ломатели, дура тупая!

Он накрыл ее лицо ладонью и пихнул обратно на кровать. Падая, Рилл ударилась головой об изголовье. Она приложила пальцы к ушибленному месту – кончики были в крови. Шоули не мог не расхохотаться. Он всегда был веселым парнем.

Он взял со стола свой топорик и сунул в рукав рукояткой вперед.

– Похоже, сейчас неплохой момент, чтобы уладить кое-какие счета.

Шоули надел шляпу на голову – как раз под нужным углом; глядясь в зеркало, выправил воротник, взял последнюю понюшку жемчужной пыли и беспечно сбежал по ступенькам на улицу.

В воздухе пахло бучей. Бучей, которая может порвать все так, что потом можно будет сложить совершенно по-новому. Мимо пробежала женщина, визжа то ли от страха, то ли от смеха, и Шоули приподнял шляпу, приветствуя ее. Все знали, что у него хорошие манеры. Потом отступил в сторону, чтобы пропустить группу бегущих мужчин, и подождал, держа руку на топорике – так, просто на всякий случай. Он был не единственным, у кого имелись незакрытые счета. У Шоули было множество врагов. Такой уж талант – ссориться с людьми.

В переулке пожилая пара оборванцев раздевала мертвого офицера, лежавшего в луже крови. Шоули шел развинченной походкой, опустив голову, держась боковых улочек и срезая через дворы. Он всегда был мастер находить дорогу. Он боялся, что не получится миновать Арнольтову стену. Даже подумывал о том, чтобы проскользнуть в город через канализацию, но тогда он бы испортил отличные ботинки, которые стянул у того купца. Однако Соболи

ворота стояли широко открытыми. Похоже, тут была стычка – толпа затаскивала на стену окровавленные трупы королевских гвардейцев. У одного из живота свисали кишки, другой был без головы. Кто знает, куда она подевалась? Спрашивать было бы невежливо. Он приподнял шляпу, приветствуя отвратительную женщину, во рту которой оставалось всего четыре зуба, и проскользнул в ворота.

Впереди слышались звуки творящихся беспорядков – сумасшедший грохот и гвалт наполнял богатые кварталы внутри Арнольтовой стены. Можно сколько угодно звать это Народной Армией; может быть, где-то там даже замешалась пара принципов, но если хотите знать его мнение, головорезов всегда хватает – головорезов, которым достаточно любого предложения. А многим не нужно и предложения, чтобы по-быстрому навариться в общей неразберихе. Свидетельства их работы были повсюду. Шоули приостановился, чтобы стащить красивое колечко с пальца трупа, который кто-то оставил валяться на виду. У него был дар примечать всякие мелочи.

А вот и дом. Сколько раз он стоял здесь снаружи, в тени, раздумывая о том, как отомстить? И вот, благодаря счастливому стечению обстоятельств, месть сама шла к нему в руки, нужно было только не упустить момент. Ворота были закрыты, но он стащил с себя куртку и набросил ее на прутья, торчавшие поверх стены. Все равно никто не смотрел. Разбежавшись, Шоули перемахнул через стену и скользнул в мокрый сад с кустами, подстриженными в виде каких-то птиц или бог знает чего еще. Сплошная трата денег, если хотите знать его мнение. Денег, которые по праву принадлежали ему.

Окно столовой по-прежнему плохо закрывалось, и Шоули тихонько отворил его, скользнул через подоконник и бесшумно прыгнул в темную комнату. Он всегда был мастер ходить бесшумно. Здесь почти ничего не изменилось – темный стол, темные стулья, темный буфет с поблескивающим серебряным подносом. Который по праву принадлежал ему.

До него донеслись смех, звуки голосов, снова смех. Вроде бы женский голос – молодая женщина и мужчина постарше. Похоже, они еще не знали о том, что творится в городе. Странное дело: полсотни шагов в сторону от этого безумия, а тут словно бы самый обычный день... Мягко ступая, он прошел по коридору и заглянул в дверной проем.

После резни на улицах открывшаяся сцена выглядела необычно. Девушка лет двадцати, с массой светлых волос, стояла, разглядывая себя в зеркале виссеринского стекла, которое одно стоило, должно быть, больше, чем весь дом Шоули. На ней было надето незаконченное платье из сверкающей материи, вокруг хлопотали две швеи – молодая, с полным ртом булавок, и пожилая, которая стояла на коленях, подшивая подол. Фюрнвельт сидел в углу с бокалом вина в руке, спиной к Шоули, но в зеркале было видно, как он улыбается, глядя на эту картину.

И тут до Шоули дошло: девчонка, должно быть, Фюрнвельтова дочка! Вот как долго он ждал. Надо было бы прикончить старого мерзавца на месте, но Шоули хотел, чтобы тот знал, кто его убил. Поэтому он шагнул через порог и приподнял шляпу.

– Дамы, приветствую! – проговорил он, ухмыляясь своему отражению.

Они обернулись, обескураженные. Еще не испуганные. Это еще впереди. Шоули не мог припомнить ее имя, но Фюрнвельтова дочка выросла настоящей милашкой. Вот что бывает, когда растешь, имея все эти преимущества. Преимущества, которые по праву должны были принадлежать ему.

– Шоули? – Фюрнвельт вскочил с кресла. По его лицу разливалось восхитительное потрясенное выражение. – Кажется, я говорил тебе никогда не возвращаться сюда!

– Ты мне много чего говорил. – Шоули позволил топорику выскользнуть из рукава и схватил его за рукоять. – Старый лицемерный говнюк!

И он ударил богача сбоку по голове.

Тот успел поднять руку, отражая удар, но лезвие все равно задело череп. Кровь брызнула через комнату.

Фюрнвельт смешно ойкнул, пошатнулся и выпустил бокал, разбившийся об пол.

Молодая швея завопила, роняя изо рта булавки. Дочка Фюрнвельта уставилась на него, на ее бледных босых ногах проступили сухожилия.

Во второй раз Шоули врезал Фюрнвельту аккурат промеж глаз – топорик со звонким хрустом вошел в череп.

Швея снова завопила. Черт, ну и противный же голос!

Фюрнвельтова дочка рванула из комнаты, проворная, как хореk, особенно если учесть, что на ней по-прежнему болталась эта недошитая тряпка.

– Проклятье! – Надо было бы достать и ее тоже, но топорик крепко засел в Фюрнвельтовой черепушке, и как Шоули ни тянул, вытащить не получалось. – А ну вернись, с-сука!

* * *

Лилотта неслась со всех ног. В голове не было ни единой мысли. Охваченная ужасом, она миновала прихожую, подстегиваемая воплями портних. Трясущимися руками отперев замок, промчалась сквозь сад, выскочила за ворота. Она бежала, сжимая в руках подобранный полупрозрачный подол свадебного платья, шлепая босыми ступнями по мокрому булыжнику.

Площадь. Люди повсюду. Ошеломленные, торжествующие, любопытные, рассерженные. Незнакомые люди, охваченные эмоциями незнакомой для нее интенсивности, превратившими их бледные искаженные лица в звериные маски. Откуда они все взялись?

На деревянном ящике стоял человек и вопил что-то насчет голосования. Ухмыляющиеся рабочие поддерживали его одобрителем ревом. Какая-то женщина с всклокоченными волосами прыгала на плечах здорового громилы, потрясая мечом и изрыгая ругательства в бледное небо. Сперва Лилотта собиралась закричать «На помощь!», но инстинктивное чувство заставило ее прикусить губу и прижаться к стене. Она стояла, переводя дыхание, не понимая, что происходит. Ломатели – вот это кто! Наверное, это ломатели.

Однажды ей довелось побывать на их собрании. Она держалась в задних рядах, укрывшись шалью, позаимствованной у горничной. Ей казалось, что это такой отважный поступок, она ожидала встретить гром и молнии, шум и ярость... какую-то *опасность*. Однако все, что она слышала, звучало так разумно! Честная зарплата. Справедливый график работы. Уважительное обращение. Даже непонятно, почему их все так боятся. Позднее, раскрасневшаяся и возбужденная, она повторила услышанные аргументы своему отцу – и слышала, что у нее нет никакого представления о сложностях управления рынком труда. Что то, что кажется ей абсолютно разумным, для некоторых ушей может прозвучать как измена. А также что благовоспитанной даме, какую он пытается из нее сделать, никогда не понадобится беспокоиться о подобных вещах.

По крайней мере, в отношении последнего пункта он жестоко ошибся.

Прихрамывая, Лилотта шла по заполоненной людьми улице. Солнце зашло за тучи, подул зябкий ветерок, начал снова накрапывать дождь. Кто-то пиликал на скрипке чересчур быструю мелодию; люди танцевали, вскрикивая и хлопая в ладоши, словно гости на какой-то особенно буйной вечеринке, а совсем неподалеку поверх ограды свисал хорошо одетый труп, капая кровью из разбитого черепа в канаву вниз.

Неужели ее отец мертв? Лилотта тихо застонала и прикусила костяшку пальца, чтобы не закричать.

И ведь были предупреждающие знаки. От поварихи она слышала, что цены на хлеб и мясо неуклонно растут. От Харбина она знала, что лояльность войск неуклонно падает. Потом было это восстание в Вальбеке. Смутная озабоченность, что могут быть новые мятежи, когда бунтовщики высадились в Срединных землях. Вести о победе короля принесли некоторое облегчение. Но потом дошли слухи о том, что к Адуе приближаются ломатели. Потом ввели комендантский

час. Потом инквизиция начала аресты. Потом Закрытый совет начал устраивать показательные повешения.

Она предлагала отложить свадьбу, но ее отец был глух к ее доводам так же, как раньше к аргументам ломателей. Он и слышать не хотел о том, чтобы отсрочить счастье своего единственного ребенка из-за каких-то бандитов. Харбин высмеял идею о том, что крестьянская армия может взять столицу, так что Лилотте пришлось тоже выдать из себя смешок – ведь молодой даме пристало во всем соглашаться с будущим мужем, во всяком случае, до свадьбы. Так они убедили себя, что этого не может произойти.

На этот счет они также жестоко ошиблись.

Она почти не узнавала улиц, на которых выросла, – их затопили обезумевшие люди, увлекаемые незримыми течениями веселья и гнева. Она ужасно замерзла. Хотя она и не плакала, из глаз и носа текло не переставая. Ее голые плечи были холодными и влажными от мороси; ее босые ноги были сбиты безжалостными булыжниками мостовой. Дыхание вырывалось перепуганными всхлипами, кожу под невышитым жемчужным корсажем покрывали мурашки.

Лишь сегодня утром ей казалось так важно, чтобы все гости получили приглашения! Чтобы они с Харбином не спутали слова клятвы. Чтобы подол ее платья был подшит на нужной высоте. Теперь подол ее платья был черным от дорожной грязи, и, помогай ей Судьбы, в бурых пятнах крови ее отца... Все перевернулось с ног на голову и вывернулось наизнанку.

Лилотта продолжала ковылять вперед, сама не зная, где находится и куда направляется. Ее платье зацепилась непришитой оборкой за сломанную изгородь, и она едва не полетела на землю от неожиданного рывка. Кто-то засмеялся, еще кто-то захлопал в ладоши. В любой другой день доведенная до отчаяния босая девушка в забрызганном кровью свадебном платье привлекла бы к себе некоторое внимание. Но сегодня в этом не было ничего примечательного. Весь город, весь мир сошел с ума.

Над крышами промелькнул парашют Цепной башни – самой высокой башни в Агрионте, – и Лилотта застонала от облегчения. Но когда она, запыхавшаяся, выбежала на каменный тротуар возле рва, ее радость сменилась ужасом.

Через этот мост она лениво переходила счастливыми летними днями, вместе с другими богатыми отдыхающими, направляясь в парк Агрионта, чтобы посмотреть на людей и показать себя, поаплодировать фехтовальщикам на летнем турнире... Она вспомнила, как улыбалась при виде утят, чинной цепочкой плывущих следом за матерью, как они с Харбином считали зеленые, красные и лиловые листья водяных лилий в тот день, когда он сделал ей предложение. Все было так живописно!

Теперь ворота были закрыты. Перед ними теснились люди, колыхался отчаянный лес рук, к надвратной башне летели вопли с просьбами впустить. Пожилая женщина в изысканном платье скребла по дереву ногтями. Лилотта, пошатываясь, перешла мост и присоединила свой голос к остальным. А что еще ей оставалось?

– Помогите! – верещала она. – Помогите!

Бледный человек в красном шарфе смотрел куда-то за ее спину, и она обернулась, следуя за его взглядом. Вся ширина Прямого проспекта была заполнена приближающейся толпой. Над головами колыхались транспаранты, блестели наконечники копий и доспехи.

– О нет, – прошептала Лилотта.

У нее больше не было сил бежать. Ей больше некуда было бежать. Неподалеку горел дом; клубы дыма выкатывались из верхних окон в брызжущее дождем небо.

Люди принялись разбегаться, сбивая друг друга с ног, топча друг друга в бессмысленной спешке. Лилотта получила локтем в лицо и пошатнулась, чувствуя вкус крови во рту. Ее нога запуталась в порванном платье, парашют ударил ее по коленям, и, отчаянно ахнув, она полетела кувырком.

Ров не был таким уж глубоким, но даже несмотря на это, вода с размаху ударила ее, лишив дыхания, и засосала в глубину в потоке пузырьков. Ее чудесное воздушное платье мгновенно превратилось в мертвый груз – ткань сковывала движения, тащила вниз. У нее не оставалось никаких сил. Даже на ужас. Какая-то ее часть хотела просто отпустить все и погрузиться на дно, но другая часть не соглашалась сдаваться, заставляя ее биться, бороться, дрыгать ногами.

Лилотта всплыла, отхаркивая грязную воду, сражаясь с гущей цепких, липнувших к телу водяных лилий, вблизи оказавшихся гораздо менее живописными. Ее окружала темнота – она была под мостом. Девушка прижалась к склизким камням; на лицо налипли мокрые волосы, в ноздрах стоял запах гнилых овощей.

Неподалеку, лицом вниз, плавал труп. Едва различимая в полумраке намокшая одежда, спутанные волосы... Вот он медленно повернулся, ткнулся в покрытую мхом стену рва, и его потащило прочь. Как знать, кто это мог быть? Как знать, кто такая она сама? Как знать, будет ли она еще жива через час? Все изменилось.

Народная Армия пришла в город. А *она* – разве она не народ? Когда она стала их врагом? Лилотта крепко зажмурилась, дрожа в ледяной воде, и перестала пытаться сдерживать рыдания – все равно никто не мог их услышать в оглушающем шуме толпы наверху. Грохот сапог, лязг металла, звон стекла, дребезжание колес... Демон с тысячью голосов.

– Хлеб! Дайте нам хлеба!

– Пускай Закрытый совет выйдет к людям!

– Великая Перемена наступила!

– Открывайте ворота, сукины дети!

– Впустите нас, или мы сами войдем!

И громче всего остального – буравящий воздух безумный визг:

– Тащи сюда его гребаное величество!

* * *

– Тащи его сюда! – надрывалась Матушка Мостли, проталкиваясь вперед.

Они дошли до самого Агрионта, в кои-то веки готовые взять правосудие в свои руки, вместо того чтобы, поджав хвост, отдаться на милость королевского. Но теперь люди умилили свою прыть, то ли из каких-то крупниц бывшего почтения к прежним хозяевам, то ли, по крайней мере, из страха перед ними. При входе на мост толпа замешкалась.

– Там наверху солдаты, – сказал кто-то. – Королевская гвардия. У них луки!

Глаза Матушки Мостли были уже не те, чтобы различить с такого расстояния, гвардейцы там или не гвардейцы. Вся надвратная башня казалась ей большим темным пятном, нависшим над головами толкающихся впереди. Конечно, гвардейцы не смогут перебить целую толпу, но некоторых они наверняка достанут, и никто не горел желанием оказаться первым.

Но Матушку Мостли так просто не запугаешь! Ее отец пытался это сделать, когда она была еще девчонкой, и она ткнула его вязальной спицей и сбежала из дома. Ее первый муж пытался это сделать, и она ткнула его разделочным ножом и сплвила его тело в канал. Стирийцы тоже пытались, когда наводили в Арках свои порядки. Они потребовали с нее денег, а она сказала им, чтобы убирались, откуда пришли. Тогда они ее избили – но она поправилась. Они отчекрыжили ей два пальца – но она в тот же день снова взялась за стирку. Они разбили ей дверь, разбили ставни, разбили лоханки – но она нашла себе новые. В конце концов, пришел их начальник, и она была уверена, что он ее убьет, но он только уважительно кивнул. «Пускай она не платит», – сказал он. Она одна на всем районе!

Теперь это знали все, каждая последняя собака в Арках: Матушку Мостли не запугать никому. Ни стирийцам, ни королевским гвардейцам, никому.

Так что она протолкалась сквозь толпу, подобрав юбки и заткнув их за пояс, как всегда, когда ее ждала работа. Она распахивала людей, пробираясь все дальше вперед, – то, что она так или иначе делала всю свою жизнь, – при помощи локтей, выпяченного подбородка и своего грубого зычного голоса:

– Прочь с дороги!

Она прокладывала себе путь среди этих больших, вооруженных, защищенных доспехами мужчин, которые по-прежнему неуверенно перетаптывались на месте. Снаружи они, может, и твердые, но там, где нужно, у них сплошная мягкость. Матушке Мостли судьба с рождения не отпустила особой мягкости, а жизнь в прачечной выщелочила последние остатки, сделав ее не более покладистой, чем моток проволоки.

Наконец оказавшись на пустом мосту, Матушка окинула стену с ее надвратной башней, зубцами и бойницами тем же мрачным уничтожающим взглядом, каким смотрела на людей, которые были должны ей деньги.

– Я женщина Союза! – проревела она. – Пятьдесят лет я работаю без продыху! Меня так просто не запугаешь, слышите вы?

Сзади слышались подбадривающие крики, свист и хлопки, словно люди смотрели представление цирка уродцев.

– Тащите сюда эту стирийскую суку! – завопила она снова в сторону стены, потрясая ножом. – Королевскую мамашу!

– Ее там нет! – крикнули из толпы. – Сбежала в Стирию, уж несколько месяцев как!

Матушка Мостли бросила испепеляющий взгляд на надвратную башню. Та по-прежнему оставалась расплывчатым пятном, но она знала, что там, наверху, стоят люди. И она не даст этим ублюдкам себя запугать.

Она сделала еще один шаг вперед.

– Тогда тащите этого сучьего сына, нашего короля!

* * *

Ритингорм приложил рот к бойнице и проревел во всю мочь, на какую был способен его голос:

– Стойте! Именем его величества!

Он отступил назад, чтобы взглянуть на результат. Прежде эти слова всегда оказывали магическое действие, волшебным образом рождая повиновение. Однако сейчас заклинание внезапно перестало работать.

– Я приказал вам остановиться, черт подери!

Очень может быть, что в толпе его просто не слышали за всем этим гамом. Он сам-то себя едва слышал, так колотилось у него сердце.

В начале этой недели маршал Рукстед обратился к их полку. Сказал, что они – последняя линия обороны. Что поражение немыслимо, а отступление невозможно. Ритингорм всегда восхищался Рукстедом. Великолепная борода. Безупречная отвага. Офицер высшей пробы, такой, каким бы хотел быть он сам. Однако сейчас Рукстед выглядел каким-то взъерошенным, даже его борода была в беспорядке. Теперь Ритингорм понимал почему.

Толпы народа продолжали валить из городских кварталов по ту сторону рва, сбиваясь во все более плотную пробку в конце моста. Ломатели! Изменники! Здесь, возле самых ворот Агрионта! И так много! Он едва мог в это поверить. Вот они начали понемногу заползать на мост. В особенности бросалась в глаза одна женщина, шедшая впереди всех, – какая-то грязная крестьянка, черт ее подери, с юбкой, заткнутой за пояс, так что были видны ее бледные, жилистые ноги. Она размахивала ножом, что-то пронзительно вопя – он не мог различить слова. Что-то про какого-то сына.

– Невообразимо! – прошептал Ритингорм.

Если бы он прочел об этом в каком-нибудь романе из тех, что читала его сестра, то решил бы, что это сплошные выдумки.

Надо отогнать их от ворот. И вообще убрать с этого моста. Надо преподать им *урок*, черти б их драли!

Ритингорм указал на вопящую женщину:

– Пристрелить ее!

* * *

– Сэр? – переспросил Парри, моргая.

Черт, как пересохло во рту! Приходилось постоянно облизывать губы.

Капитан Ритингорм подошел к нему и ткнул пальцем в бойницу. Он стоял совсем близко, так что Парри слышал звук его дыхания, отдающийся от стен тесного караульного помещения. Так близко, что Парри ощущал его запах. Должно быть, капитан пользовался каким-то парфюмом: от него пахло лавандой. Белый от ярости, он снова ткнул пальцем вниз, показывая на ту прачку:

– Я сказал: пристрелить ее!

Парри снова облизнул губы. Лук у него был наготове, в этом можно было не сомневаться. Его руки сами все сделали за него, следуя привычному распорядку. Он вскинул лук, прицелился, четко и аккуратно. Странное дело: она напомнила Парри его мать. Та тоже вот так подтыкала юбки, когда готовилась мыть полы.

– Ну, стреляй!

Парри был готов повиноваться. До сих пор он всегда повиновался приказам. Но его рука не хотела отпускать тетиву! Женщина подходила все ближе, вопя во весь голос – и это еще больше усиливало ее сходство с его матерью. Люди, следуя ее примеру, принялись тоже понемногу выдвигаться на мост, ближе к воротам.

Он еще раз облизнул губы. Черт! Как-то это неправильно – вот так взять и пристрелить ее. Парри медленно опустил лук.

– В чем дело?!

Парри снял стрелу с тетивы и, не зная, что с ней делать, спрятал за спину.

– Это неправильно, – проговорил он.

Ритингорм ухватил его за отвороты мундира:

– Я отдал тебе приказ!

– Это верно. – Все теперь смотрели на них. – Мне очень жаль, сэр.

Ритингорм потряс его.

– Что это, черт возьми, а? Измена?

Что он мог ответить? Он только моргнул и сглотнул, стискивая за спиной стрелу, и покачал головой.

– Нет, сэр... не думаю. – Честно говоря, он и сам не знал. – Просто... как-то это неправильно.

Ритингорм отшвырнул его к стене. По бокам его узкого лица сжимались и разжимались мускулы челюстей.

– Сержант Хоуп!

– Сэр! – рявкнул сержант.

Ритингорм ткнул пальцем в Парри:

– Убейте этого человека!

* * *

Сержант Хоуп, опустив голову, разглядывал свой короткий меч. Широкий клинок, попав в длинную полосу света из бойницы, поблескивал в полумраке. За своим старым капитаном Хоуп был готов идти хоть в ад. Он и ходил – тогда, в Стирии. Но не за этим маленьким говнюком. Этим мелким ублюдком с его чистым выговором, с его бледным лицом и тонкими пальцами, с его треклятым парфюмом. В особенности когда он приказывает убивать хороших людей. Приказывает стрелять в жителей Адуи. Сержанту пришло на ум, что у него больше общего с ломателями, распевающими песни по ту сторону моста, чем с этим Ритингормом. Это ведь просто люди. Люди, которые хотят, чтобы их выслушали. Люди, которые с трудом сводят концы с концами, в то время как другие имеют в десять раз больше, чем им нужно.

Двадцать лет он делал то, что ему велели. Никогда не думал о том, что может быть по-другому. Но сейчас, вдруг, в одно мгновение, словно у него под носом щелкнули пальцами, он решил, что с него хватит.

– Нет, – сказал он.

Ритингорм как-то странно ухнул, его рот и глаза расширились от неожиданности, когда короткий клинок вошел в его выглаженный форменный китель. Хоуп вытащил меч, и Ритингорм слабо схватился за его плечо, надувая щеки. Сержант отпихнул его, снова поднял меч и рубанул Ритингорма по черепу. Брызнула кровь. Его всегда удивляло, как много в человеке крови.

Несколько мгновений Хоуп смотрел на труп капитана и моргал. Он чувствовал необычайную легкость в голове. Да и во всем теле, если на то пошло. Словно с его плеч свалился тяжело нагруженный мешок.

Через прорези бойниц он видел, что на мосту уже полно народа. Ворота внизу скрипели под напором теснящейся толпы.

Хоуп повернулся к своим людям. Те смотрели на него во все глаза – Парри и остальные. Такие молодые... Хорошие ребята. Неужели он тоже выглядел таким юнцом, когда впервые завербовался? Они не знали, что сказать. Что делать. Хоуп тоже не знал, но что-то делать было надо.

Он показал мечом на лестницу:

– Сдается мне, нам лучше открыть ворота.

* * *

Лыба услышал тяжелый удар поперечного бруса, лязг засовов, а потом ворота поддались напору, и толпа хлынула вперед, словно река, прорвавшая плотину в наводнение. Людей прижимало к нему с такой силой, что он боялся, как бы кто-нибудь не напоролся на шип с тыльной стороны его боевого молота.

Вот какая-то горничная в съехавшем на лицо чепчике. Вот мастеровой – должно быть, колесник или бондарь. А тот парень выглядит не лучше какого-нибудь бродяги. Здесь были горожане Адуи, присоединившиеся только сегодня, были жители Союза, присоединившиеся во время их похода через Срединные земли. И все они смешались с Первым полком ломателей – такими людьми, как Лыба, людьми, которые прошли несколько войн в Стирии, потом участвовали в хлебных бунтах в Колоне, потом сражались на фабриках в Вальбеке и, наконец, вооруженные доброй английской сталью, отправились освобождать себя от тирании. Теперь все эти жертвы, вся эта борьба, в конце концов, принесут плоды – Великая Перемена наконец-то наступила!

Они восторженно ломились через проход, ведущий в гнилое сердце прежнего порядка – в Агрионт. По обе стороны вздымались великолепные здания. А вот и площадь Маршалов, где Лыба когда-то, еще мальчишкой, видел летний турнир и вопил до хрипоты, когда Джезаль дан Луфар побил Бремера дан Горста в финальном поединке.

Сегодня здесь тоже сверкали клинки. Поперек площади протянулась двойная цепь солдат, неровная, построенная в спешке. Щиты и оружие торчали во все стороны; офицер сорванным голосом выкрикивал команды.

Ломатели ринулись вперед. Им не нужна была команда. Они не смогли бы остановиться, даже если бы захотели, так сильно их подпирали сзади. За их плечами была вся Народная Армия, вплоть до последнего замученного работяги в Союзе. Но Лыба и не хотел останавливаться. Он хотел разнести всю эту затхлую лавочку вдребезги. Всех этих жадных ублюдков, которые посылали его друзей умирать в Стирии, умирать на фабриках, умирать в застенках. Он хотел выжечь всю эту гниль и сделать так, чтобы страна принадлежала своему народу.

Лыба выбрал, на кого будет нападать, – тот выглядывал поверх щита, и в его глазах было отчаяние. В реве Лыбы звучали ненависть, радость, торжество; каменные плиты заскользили под его ногами; его братья вокруг ринулись вместе с ним к свободе.

Их щиты с грохотом столкнулись. Они боролись, напрягая силы; Лыба мельком увидел оскаленные зубы своего противника, его расширенные глаза. Потом внезапно давление исчезло, тот пошатнулся, и Лыба увидел, что Ройс проломил ему шлем своей алебардой.

На самом деле это была просто бойня. Роялисты уже дрогнули, уже начали разбегаться, уже устремились к огромным статуям в дальнем конце площади; ломатели преследовали их с гиканьем и улюлюканьем, оставив Лыбу паяться на мертвого солдата в пробитом шлеме.

И тут ему пришло в голову, как легко он сам мог бы оказаться в этой цепи, если бы все сложилось немного по-другому. Если бы, вернувшись из Стирии, он остался в армии, вместо того чтобы плюнуть и уйти. Лишь бросок монеты отделял его от этих мертвецов...

– Ты герой! – Какая-то женщина с тяжелым подбородком и подвязанными красным шарфом волосами запрокинула к нему лицо и вlepила ему в челюсть сочный, мягкий поцелуй. – Вы все тут настоящие герои!

* * *

Солдат посмотрел на нее сверху вниз, недоуменно моргая, в съехавшем набок шлеме. «Удивлен, – подумала она, – но вроде не разочарован». Аднес так давно не целовала мужчин, что уже не знала, как определить реакцию. Впрочем, ею владело не столько романтическое чувство, сколько радость от того, что у нее опять есть надежда. Хотя... может быть, романтическое чувство здесь тоже было, потому что он ухватил ее за затылок и начал целовать в губы, и она прильнула к нему (что было довольно неудобно по причине его жесткой кирасы), и по всему ее телу прошла волна огромного тепла, и она жадно присосалась к его языку, у которого был вкус лука, и это был замечательный вкус.

Ей бы никогда и в голову не пришло, что она может вот так взять и поцеловать незнакомого человека, но сегодня все было по-новому, королевских солдат побили, все прежние правила были отменены, и солнце снова вышло из-за туч, так что доспехи солдат заблестели, и засверкали маленькие лужицы на каменных плитах площади. Наверное, это и была свобода?

Поток радостных людей растащил их в разные стороны, потом опять бросил друг к дружке, пронес через площадь Маршалов, вверх, по величественным ступеням Круга лордов и внутрь, через инкрустированные двери. Аднес подняла взгляд к куполу, высоко-высоко вверху – и повсюду вокруг, в огромной и тяжелой тишине, сотни людей, никогда в жизни не предполагавших, что им доведется войти в эти двери, также поднимали головы.

Она смотрела на позолоту, разноцветный мрамор и дерево редких пород, на золотые солнца, вышитые на подушках скамей, и витражные окна с изображениями сцен, которых она не понимала. Лысый человек, протягивающий корону... Бородатый человек с мечом, стоящий над двумя другими... Молодой человек, озаренный лучом солнца, в стороне от толпы... Все здесь было полно безукоризненной роскоши. Абсолютно ничего общего с фермой, которую она покинула, когда мимо проходила Народная Армия, – где они спали на соломе на полу своей хибары, сдирали руки до мяса на работе, а местный землевладелец обращался с ними так, словно они хуже, чем грязь.

Что ж, теперь они стали хозяевами.

Ризинау внесли на золоченом кресле, должно быть, выданном из какого-нибудь здешнего помещения, какого-нибудь кабинета или залы. Аднес схватила за одну ножку, добавив свою руку к лесу рук, помогающих его нести, и Ризинау засмеялся, и они все засмеялись, и торжественная толпа разразилась радостными воплями, и они пронесли колышающееся кресло вниз по проходу между полукруглыми рядами скамей и установили посередине, прямо на Высоком столе.

Наверху, на галерее для публики, было полно народу, они пели и хлопали в ладоши. Эхо их радостных криков прыгало по всему огромному пространству, наполняя его жизнью, какой в нем не бывало с тех пор, как возвели этот купол. Среди людей оказалась цветочница с мешком лепестков; она бросала их вниз целыми пригоршнями. Они порхали, словно бабочки, между столбов разноцветного света, устилая ковром плиты пола внизу. Аднес никогда не видела ничего более прекрасного. Ей поневоле пришли на память могила ее мужа и могилы ее сыновей, там, в лесу, где растут дикие цветы, и все в ее глазах расплылось от слез. Столько радости и столько боли одновременно! Ей казалось, что ее грудь сейчас разорвется.

– Вы воплотили мечту в жизнь, друзья мои! – гремел Ризинау, и ему отвечал рев настолько громкий, что у Аднес занули зубы и зазвенело в ушах, а сердце застучало как ненормальное.

– Ризинау! – вопили люди. – Ризинау!!

И Аднес присоединила к их крику свой всхлипывающий, бессмысленный вой, протягивая к нему руки.

– Равенство, братья мои! Единство, сестры мои! Начнем все с нуля! Страна, которой управляют все – в интересах всех! На смертном одре вы будете вспоминать – и вспоминать с улыбкой, – что были здесь! В тот день, когда Круг лордов стал Кругом общин! В день Великой Перемены!

Аднес рыдала, не сдерживаясь, и повсюду вокруг нее мужчины и женщины плакали и смеялись одновременно.

Сегодня сбывались все их мечты. Сегодня был рожден новый Союз.

Тот солдат схватил ее за руку, и на его лице тоже были слезы, но и улыбка тоже. «У него приятная улыбка», – подумала она.

– Я не знаю, как тебя зовут.

– Кому какое дело?

Она стащила с него шлем, чтобы запустить пальцы в его пропотевшие волосы, и они снова принялись целоваться.

* * *

Эттенбек выскользнул через боковую дверь Круга лордов на узкую улочку позади здания. Он-то думал, что будет здесь в безопасности! Где может быть безопаснее, чем в самом сердце Союза? Но теперь ломатели проникли внутрь. Он слышал, как они там веселятся. Он слышал, как они ломают двери и крушат мебель во всех окрестных домах!

Должно быть, так это выглядело, когда гурки напали на Союз и в Агрионт проникли едоки. Он помнил, как его дядя рассказывал об этом, устремив неподвижный взгляд водянистых глаз в пространство, словно видел там невообразимые ужасы. Но здесь-то были не какие-нибудь там чародеи-людоеды, не неведомые бесчеловечные демоны, не адепты запретных знаний! Самые обыкновенные люди.

В здании Комиссии по Землевладению и Сельскому хозяйству лопнуло окно, и из него вылетел стол, разбившись о мостовую неподалеку. Эттенбек чувствовал, как у него по черепу стекают струйки пота. Пот лился из него, словно из сжатой губки. Требовались последние остатки самоконтроля, чтобы не сорваться на отчаянный бег. Стены дворцового комплекса, возможно, еще держатся. Если только добраться дотуда...

– Вон еще один! – Он услышал стук шагов откуда-то со стороны зданий. – Держи его!

Теперь он бросился бежать – но убежал недалеко. Кто-то рванул его за руку и швырнул на землю. Мелькнуло бородатое лицо, новенькие с виду доспехи... Его снова втащили наверх, ухватив за локоть. Странная шайка – точно таких же людей можно видеть на любом крестьянском рынке. Только в этих клокотала ярость.

И тут Эттенбек понял, что самые обыкновенные люди тоже могут вселять запредельный ужас.

– Далеко собрался, мудачина? – прорычал человек со шрамом на подбородке.

– От народного суда не уйдешь! – взвизгнула женщина и влепила ему пощечину.

– Теперь мы главные!

Он с трудом понимал их тягучий выговор. Не знал, чего они от него хотят. Не представлял себе, что он может им дать.

– Мое имя Эттенбек, – сказал он, хотя в этом не было ровным счетом никакого смысла.

Они принялись толкать его вперед. Его щека пылала.

Оказывается, в толпе были и другие пленники. Администраторы, чиновники, клерки. Пара солдат. Их гнали вперед, как скот, подталкивая копьями. Ухмыляющийся возчик щелкал над их головами своим хлыстом, заставляя шархаться и вскрикивать. Одно окровавленное лицо показалось Эттенбеку знакомым, но он не мог вспомнить имени. Все имена повывлетали из памяти.

– Спекулянты! – вопил кто-то охрипшим голосом. – Барышники!

Какого-то темнокожего человека гнали по улице пинками, он спотыкался и падал, вставал, и его пинали, он снова падал, снова вставал... Кажется, это был посол какой-то страны. Может быть, Кадира? Воспитанный, доброжелательный человек. Эттенбек как-то слышал его очень трогательную речь в Солярном обществе, что-то об укреплении связей со странами за Круговым морем. И вот теперь с него сбили шляпу и плевали на него, как на мразь.

– Мразь! – рявкнул человек в солдатской одежде, но без мундира. Его рубашка была в пятнах крови. – Ублюдок!

И он с силой наступил послу на голову.

Что-то ударило Эттенбека по скуле, и он упал, жестоко ударившись об землю. Шатаясь, он поднялся на четвереньки. Скула наливалась болью.

– Ох, – пробормотал он, капая кровью на булыжник. – Ох, боже мой...

Из его онемевшего рта выпал зуб.

Его снова ухватили за локоть и вздернули вверх – боль пронзила подмышку. Толчок в спину – и он снова поплелся вперед.

– Барышники! – верещала женщина, брызжа слюной, с выпученными глазами тыча в него скалкой. – Спекулянты!

– Это один из тех мерзавцев из Закрытого совета!

– Нет! – Голос Эттенбека прозвучал отчаянным визгом. – Я простой клерк!

Это была ложь. Он был одним из старших помощников министра аграрных налогов и сборов. С какой гордостью он повторял себе этот титул, когда получил повышение! Уж теперь-то сестра начнет принимать его всерьез!.. Как он сейчас жалел, что вообще появился в Адуе, не говоря уже об Агрионте! Но желаниями сыт не будешь, как любила повторять его мать.

Они проволокли его, лежащего и извивающегося, через маленькую площадь перед зданием Кадастровой палаты, по направлению к фонтану. Безобразное сооружение – широкая, высотой по пояс, наполненная водой каменная чаша с массой торчащих из середины переплетенных, извергающих воду рыбьих тел. Композицию нисколько не украшал труп человека, висевший на бортике кверху задом, едва касаясь плит мостовой острыми носами модных ботинок.

Эттенбек внезапно понял, что его тащат туда, к этому трупу.

– Нет! Постойте! – взвизгнул он.

Уцепившись за каменный бортик, он отчаянно брыкался, чувствуя на лице водяную пыль, но его крепко держало множество рук. Одну его ногу оторвали от земли и потащили вверх, с другой свалился ботинок при попытке зацепиться за землю. Кто-то сграбастал ладонью его затылок.

– Выпей за счет народа в последний раз, советник!

И его пихнули лицом в воду. Сквозь бульканье фонтана он слышал крики, смех, пение... Эттенбек сумел на мгновение поднять голову, хватанул ртом воздух и увидел обезумевшую толпу, которая подступала к Допросному дому, потрясая мечами и копьями. На одном копье была насажена отрубленная голова, непристойно двигавшаяся вверх-вниз над толпой. Она казалась абсурдной. Словно дешевый реквизит в плохо поставленной пьесе. За исключением того, что это было реально.

Его голову снова окунули под воду. Забурлили пузыри.

Больше не ввязываться

Броуд был занят тем же, чем занимался с того самого дня, как его заперли в этой камере: ходил взад и вперед, взад и вперед, взад и вперед. От одной стенки до другой было всего лишь пять шагов, да и то самых коротких, но он все равно ходил. И на ходу снова и снова пережевывал все те сотворенные им глупости, в результате которых оказался здесь. Иногда он пинал стену, или ударял ноющим кулаком по своей ноющей ладони, или давал себе пощечину – крепко, до боли. Похоже, он просто не мог не причинять боль. И когда под рукой не оказывалось других людей, делал больно себе самому.

Он обещал, что ничего такого больше не будет, – и тут же позволил себе снова вляпаться. «Государственная измена», – вот как будет звучать обвинение, и он был действительно виновен, и наказание могло быть только одно. И Савин на этот раз его не спасет – она тоже сидит взаперти где-то здесь, в этом подземном кроличьем садке. На этот раз она даже себя не сумела спасти.

И тогда он дал себе зарок. Если по какой-то невероятной, незаслуженной им прихоти судьбы ему все же удастся вывернуться из этой ловушки, он станет жить только для Лидди и Май. «Больше не ввязываться, – прошептал он, прижавшись лбом к шершавой каменной стене. – Ни за что!» Он поклялся. Поклялся еще раз.

Потом за тяжелой дверью послышались шаги. Идут! Допрос? Или сразу виселица? Броуд сжал кулаки, хотя знал, что драка не поможет. Он и попал-то сюда как раз из-за того, что дрался.

Ключ заскрежетал в замке. Его дыхание вырывалось коротко и часто сквозь стиснутые зубы. Дверь со скрипом отворилась...

В щели показалось лицо – но не практик в черной маске, как он ожидал. Низенькая женщина с красными щеками в прожилках лопнувших вен. Она выглядела неуверенно, словно не знала, чего ожидать. Потом, увидев его, стоящего за дверью, она расплылась в сияющей улыбке:

– Брат! Ты свободен!

Броуд уставился на нее. Он не знал, что сказать.

– Чего?

– Ты свободен! – Она потрясла кольцом с нанизанными на него ключами. – Мы все свободны!

И она исчезла, оставив дверь широко открытой.

Теперь он начал слышать доносящийся откуда-то смех. Радостные крики, пение... А это что за звук? Вроде бы кто-то играет на дудочке? Прямо как у них в деревне в базарный день, когда он был мальчишкой... Он поправил на носу свои стекляшки, собрался с духом и шагнул к двери.

– Брат! – Какой-то человек в сияющих, новеньких, заляпанных кровью доспехах вытащил Броуда в затхлый коридор – но не так, как тащат осужденного, чтобы предать смерти, а скорее как встречают давно потерянного товарища. – Ты свободен!

Они отпирали камеры, и с каждой распахнутой дверью разражались радостными воплями, и с каждым вытащенным узником разражались новыми. Люди в доспехах обнимали женщину, которая, похоже, провела в темноте много месяцев – бледная и ссохшаяся, она щурилась на свет, словно он причинял ей боль.

– Как твое имя, сестра?

Она опустила голову, прислоняясь спиной к стене, безвольно, словно тряпичная кукла.

– Кажется... кажется, Гриз, – прошептала она. Броуд увидел, что одна ее рука была раздавлена: скрюченные пальцы, распухшие, как сардельки.

Кто-то схватил его за рубашку:

– Ты не видел моего сына? – Какой-то старик с одичавшими, слезящимися глазами. – Ты не знаешь, где мой сын?

Броуд отпихнул его от себя.

– Я ничего не знаю.

Кто-то обхватил его руками сзади, и он еле подавил инстинктивный порыв ударить локтем.

– Ну разве не чудесно? – Девчонка не старше шестнадцати, с пятнистой шалью, накинутой на плечи, плачущая и улыбающаяся одновременно. – Разве не чудесно?

И она схватила кого-то еще, и они, пошатываясь, принялись отплясывать нечто вроде джиги, тотчас же налетев на старуху, потрясавшую шваброй с примотанным к концу рукоятки ножом. Та полетела на землю, едва не выколов Броуду глаз своим оружием.

Может быть, в нем тоже должно было возникнуть желание поплясать при этом неожиданном глотке свободы. Да вот только Броуду уже доводилось видеть такую же смесь безумной радости с безумным гневом – прежде, во время Вальбекского восстания. Если вспомнить, как там все обернулось, его не особенно тянуло танцевать. Скорее уж украдкой забраться обратно в камеру и задвинуть за собой засов.

Среди толпы были ломатели. Ветераны в сияющем новеньком снаряжении, которое Броуд тут же опознал. Это оружие и доспехи он сам привез из Остенгорма по приказу Савин, передав их Судье в обмен на обещание поддержки со стороны ломателей. Похоже, они все же восстали. Правда, по собственному расписанию.

Распихивая людей, он пробрался против охваченного весельем потока вверх по лестнице, в другой коридор, более широкий и светлый. Мимо пробежал хохочущий человек в кожаном фартуке, прижимая к груди стопку документов; бумаги выскальзывали из-под его руки, спархивая на пол. Другой человек пытался сбить замок с помощью тяжелого бидона с элем. Вот откуда доносилась та музыка: на полу, скрестив ноги, сидела женщина с напыленным по самые брови цилиндром, явно снятым с какого-то писца, и с закрытыми глазами оживленно дудела в маленькую флейту.

...И сквозь все это безумие, едва переставляя ноги, освобожденные столь же неожиданно, как и он сам, навстречу Броуду шли его прежние наниматели – лорд и леди-губернатор Инглии. Он не сразу их узнал, хотя и был в стекляшках. Молодой Лев закинул правую руку на плечи жены, его изможденное, покрытое шрамами лицо было искажено болью. Он двигался судорожными рывками; его левая рука безвольно свисала вдоль туловища, штанина была закатана до культи. Савин одной рукой придерживала мужа, другой – свой раздувшийся живот; она тащилась вперед, сгорбившись, оскалив зубы. Из обмотанной бинтами головы торчали пучки темных волос.

Еще недавно этим двоим принадлежал весь мир. А теперь – взгляните на них.

– Броуд! – Савин крепко, до боли, вцепилась в его руку. Ее покрывшееся пятнами лицо блестело от пота. – Благодарение Судьбам, ты здесь!

Ее голос, дрожащий и срывающийся, заставил Броуда вспомнить ту охваченную ужасом бродяжку, которая умоляла его о помощи на баррикадах в Вальбеке.

Брок стоял, вцепившись ногтями в стену, чтобы не упасть.

– Что тут происходит, черт побери?

– Не знаю. Но это снаряжение... – Броуд кивком показал на одного из вооруженных людей и понизил голос: – Оно с вашего оружейного завода в Остенгорме.

Савин в мгновение ока сообразила то, что Броуду пришлось долго и мучительно складывать в голове.

– Ломатели захватили Агрионт? – прошептала она.

– *Что-о?* – выдавил ее муж.

– Лучше нам убираться отсюда, пока можем, – сказал Броуд. – Найти безопасное место. Глаза Савин глянули из полутьмы, большие, испуганные и налитые кровью:

– Безопасное место? Разве такое есть?

На это у Броуда не было ответа. Он протянул Броку вторую руку – ту, что с татуировкой на тыльной стороне ладони. Было видно, как мучительно для лорда признавать, что ему нужна помощь. Но сейчас было не время для гордости.

Непростая задача – провести беременную женщину и одноногого мужчину через эту мельтешащую толпу спасателей и мародеров. За разбитыми двойными дверями люди с гоготом переворачивали мебель, били стекла и швыряли в воздух пригоршни трепещущих бумаг.

– Здесь был кабинет моего отца, – прошептала Савин, когда они ковыляли мимо.

Вот в этой самой комнате всемогущий архитектор Глокта одним росчерком пера распоряжался жизнью и смертью людей... Да, поистине времена изменились.

– Маршал Бринт! – окликнул Брок. – Вы живы!

– Если это можно так назвать.

Седоволосого старика прижало толпой к стене. В нем, если приглядеться, еще можно было различить остатки военной выправки – где-то под грязным офицерским мундиром с сорванными знаками различия. Брок протянул ему руку для пожатия. Даже это было непростым делом, учитывая, что у Бринта рука была только одна, а у Брока только одна действовала.

– Меня арестовали еще до вашей высадки, – объяснил маршал. – Треклятый лорд Хайген выболтал им все, как только его схватили.

Брок покачал головой.

– Открытый совет... какой кучей бесполезных ублюдков они оказались!

– В самом деле, – выдавила Савин сквозь стиснутые зубы. – Кто бы мог подумать?

Они выбрались наружу, мигая на ярком дневном свете, и принялись спускаться по парадной лестнице Допросного дома. Ветер охлаждал лицо Броуда. Наверное, он должен был чувствовать облегчение, но толпа снаружи была еще безумнее, чем внутри, – все они орали и распевали песни, потрясали зажженными факелами, мечами и обломками мебели. Повсюду летали листы бумаги. Их нанесло по щиколотку, словно сугробы. Люди кидали их из окон целыми охапками, на милость ветра – вчерашние секреты, внезапно лишившиеся ценности. Повсюду воняло дымом. Человек с руками по локоть в крови хохотал и не мог остановиться. Броуд похолодел, осознав, что ублюдок с самодовольной ухмылкой в двух шагах от него держит в руках пику с насаженной на нее головой. Она была повернута затылком, так что он не видел лица. Ему вспомнилась Мусселия – мешок мерзких воспоминаний, который он надеялся никогда не развязывать.

– Это же Молодой Лев! – крикнул кто-то, и внезапно вокруг них начали скапливаться люди, протягивая руки к Лео. – Гляньте-ка! Это Лео дан Брок!

– Не может быть!

– Точно! Я видел его на параде, устроенном в его честь!

– А где его нога?

– Потерял в борьбе за свободу!

– Молодой Лев!

– Прошу вас! – Лео старался как-то удержать их своей здоровой рукой. – Позвольте...

– Он герой, черт подери!

Какой-то здоровяк позади Брока наклонился, и прежде чем кто-нибудь успел что-либо сделать, поднялся, держа Молодого Льва на своих плечах, так что тот оказался высоко в воздухе.

Кто-то принялся наигрывать на расстроенной скрипке военную мелодию – ту самую, под которую Броуд когда-то маршировал в Стирии. Кто-то плясал, кто-то отдавал салют, кто-то пытался дотронуться до культи Молодого Льва, словно это был какой-то гребанный талисман.

Трудно сказать, был ли в этом какой-то реальный смысл, но, по всей видимости, теперь, когда их собственное восстание увенчалось успехом, неудачный мятеж Брока каким-то образом при- мешался к нему.

– Все еще преклоняетесь перед знатью?

Какой-то парень с густыми бровями, сросшимися на переносице, появился рядом, недру- желюбно хмурясь.

– Мать твою растак, где твое достоинство? – набросился он на человека, который нес Брока. – Мы всю жизнь таскали этих мерзавцев на своих спинах! Разве теперь мы не все равны?

Броуд ощутил, как настроение толпы меняется. Кое-кто уже поглядывал на него с сомне- нием и на Савин тоже. Если они поймут, что перед ними дочь того самого человека, который замучил тысячи человек в том самом здании, что возвышается за их спинами...

– Подержите-ка, – Броуд сунул свои стекляшки Бринту, потом понял, что бывший мар- шал не может держать их и Савин одновременно. Тогда он засунул их Бринту в нагрудный карман и повернулся обратно к толпе, превратившейся в сплошное цветное пятно.

– Я был при Стоффенбеке! – рычал бровастый. – Не сражался он ни за какой народ! Все, что делал этот говнюк...

Кулак Броуда врезался в его расплывшееся лицо. Прежде чем он упал, Броуд ухватил его за ворот и врезал ему еще раз.

– Я тоже там был! Ты все врешь! – И Броуд ударил его еще раз. – Молодой Лев – насто- ящий *герой*, мать его растак! Отдал ногу и руку за свой народ!

Броуд уже давно не верил ни в каких героев, но людям, по всей видимости, по-прежнему нравилось это понятие. Он шмякнул бровастого об стену Допросного дома. Тот сполз и пока- тился по булыжнику, прижимая ладони к разбитому лицу.

– Молодой Лев! – проревел Бринт, выступая вперед с поднятым кулаком единственной руки.

В мгновение ока настроение людей переменилось в обратном направлении, и они снова разразились радостными воплями. Лео дан Брок бултыхался на плечах своего приплясываю- щего носителя, его культи торчала в воздухе, раненая рука беспомощно болталась.

– Хорошо бы как-то его снять, – сказал Броуд.

Савин покачала головой:

– У меня такое чувство, что для нас всех будет безопаснее, если он останется там.

– Вы действовали... быстро и решительно, – вполголоса сказал Бринт, вкладывая стек- ляшки Броуда в его ноющую ладонь. – Я вижу, вы были лестничником?

Броуд хмуро поглядел на свою татуировку, только сейчас обнаружив, что между двумя ободранными костяшками застрял маленький кусочек зуба.

– Ну да.

Скривившись, он вытащил зуб и щелчком отбросил прочь.

– В грядущие дни Союзу будут нужны такие люди, как вы, – произнес Бринт, наблюдая за толпой, радостно подбрасывающей Брока на своих плечах. – Кому-то придется наводить здесь порядок.

– Я нужен своей семье. Это все, что для меня важно.

– Несомненно, – отозвался Бринт. – Но... возможно, вы лучше всего послужите ей, служа здесь?

Броуд медленно зацепил свои стекла дужками за уши, аккуратно угнездил их в знакомой бороздке на переносице и издал глубокий вздох.

Он поклялся больше не ввязываться в неприятности, но вот проблема: неприятности находили его сами.

Тащи короля!

Орсо смотрел вниз из башенки над дворцовыми воротами, едва способный поверить свидетельствам собственных чувств.

Это можно было назвать только одним словом: нашествие. Кипящая волна людей катила по аллее Королей, втекала в парк, мимо повелительных изваяний его отца, Первого из магов, и все еще незаконченной статуи архилектора Глокты, и устремлялась к воротам дворца. Человеческий поток казался бесконечным.

– Откуда они все взялись? – пробормотал Орсо.

Дурацкий вопрос, на который он уже знал ответ: из Вальбека, из Колона, из Адуи, из всех уголков Миддерланда. Это были граждане Союза. Его подданные – по крайней мере, до настоящего момента.

Судя по всему, в задуманном им грандиозном турне по стране больше не было необходимости. Страна явилась к нему сама.

В ошеломлении и ужасе он смотрел, как вандалы срывают со зданий флаги Союза, устраивают победные пляски на крышах. Несколько зданий еще оставались в руках верных ему людей, но они были островками в штормовом море, безнадежно осажденными со всех сторон. Повсюду, куда ни взгляни, разворачивались маленькие кровавые драмы. Крошечные фигурки, убегающие от погони. Крошечные фигурки, вываливающиеся из окон. Крошечные фигурки, висящие на деревьях.

Дворец представлял собой самостоятельную, тщательно охраняемую крепость внутри крепости Агрионта. Однако ломатели уже толпились перед воротами, и с каждым слабым, сиплым выдохом Орсо их толпа становилась все гуще.

– Скажите, мастер Сульфур, нет ли какой-то возможности...

Орсо готов был поклясться, что маг еще только что находился рядом, однако, когда он повернулся, Сульфур нигде не было видно. По всей видимости, сегодня на магическую помощь надежды не было. И то сказать, эффектное спасение короля от дюжины ломателей – это одно, но когда их бесчисленные тысячи – очевидно, совсем другое. Видимо, бывают ситуации, когда даже таким могущественным кредиторам, как банкирский дом «Валинт и Балк», приходится списывать со счетов убыточное предприятие.

– Короля тащи! – завопил кто-то настолько пронзительно, что этот выкрик прорезал общее сумрачное бормотание. Толпа зашевелилась, кто-то в середине с воплем упал, и его тут же затоптали. Что это, кажется, тяжелые ворота скрипят под напором? Что-то разбилось о парапет невдалеке от Орсо, и он инстинктивно отступил назад.

– Прикажете стрелять, ваше величество? – спросил один из офицеров. Его лицо над малиновым воротником казалось очень бледным.

– Нет! – Орсо старался придать своему голосу как можно больше авторитетности. – Не смей стрелять! Я не собираюсь сражаться с собственными подданными... снова, – неловко добавил он, помимо воли вспомнив массовые захоронения под Стоффенбеком.

Канцлер Городец вытянулся во весь рост. Рост был невеликий, но Орсо оценил попытку.

– Мы все готовы умереть за вас, ваше величество!

Стоит ли говорить, что при этих словах на дворцовых укреплениях обнаружилось множество мужественно выпяченных квадратных подбородков: рыцари-телохранители, рыцари-герольды, избраннейшие из элитных подразделений. Однако за героическим фасадом можно было различить и струйку все более усиливающегося сомнения. Отдать жизнь за короля звучит очень неплохо в принципе, но когда доходит до того, чтобы действительно это сделать, и человек вспоминает, что жизнь у него только одна, энтузиазм осязаемо убывает.

– Я очень надеюсь, что до этого не дойдет, – сказал Орсо. – Кроме того, ведь во дворце есть и дамы...

Он взглянул на Хильди, изо всех сил старавшуюся напустить на себя бесстрашный вид, и выдавил улыбку.

– С моей стороны было бы верхом неучтивости просить их отдать за меня жизнь. И, в любом случае, насильственными действиями мы ничего не добьемся. – Орсо снова вспомнил тот очаровательный кусочек сельской местности, который он превратил в огромную братскую могилу, и встряхнулся. – Я не уверен, что они вообще бывают эффективны.

– Вы не должны отчаиваться, ваше величество! – воскликнул лорд Хофф, заламывая руки. – Тридцать лет назад, когда вашего отца только что короновали, наш город попал в руки гурков...

– Врага гораздо более грозного, чем эта шушера! – прохрипел маршал Рукстед, чья внешность претерпела прискорбные изменения, перейдя от художественной растрепанности в царство абсолютного хаоса.

– *Едоки*, ваше величество! Они были в Агрионте! Внутри самого *дворца*!

– Я помню. Отец рассказывал мне эту историю, – сказал Орсо. Он помнил также, что его мать выслушивала эти рассказы с невероятно скучающим видом.

– Но он не сдался! – Рукстед ударил кулаком по своей ладони. – Гурков прогнали! Едоки были разбиты! У нас еще есть...

– Гурков прогнал мой дед, великий герцог Орсо, и лорд-маршал Вест с его преданными войсками, вовремя подошедшими из Инглии. – Орсо поднял бровь. – Но моего деда давным-давно убила Талинская Змея, английские войска взбунтовались против нас, а что до преданных войск... Лорд-маршал Форест отступает к востоку под сильным натиском противника, и у него осталось совсем немного людей. Да, конечно, мы побили гурков. Но...

Орсо беспомощно махнул рукой в направлении беснующейся под стенами толпы:

– Может ли Союз побить сам себя?

Хофф огляделся вокруг с раскрытым ртом, словно ища убедительные аргументы. Орсо потрепал его по отделанной мехом руке. Лорд-камергер никогда ему не нравился, но сейчас он испытывал к нему жалость. В самом деле, ведь этот человек любил монархию больше чего-либо другого. Сам-то Орсо никогда не придавал ей большого значения.

– Что до едоков, – продолжал он, – с ними справился Первый из магов, по ходу дела разрушив половину Агрионта. Сегодня, как легко заметить, Байяза с нами нет. Даже у мастера Сульфюра, по всей видимости, нашлись более срочные дела.

Орсо поглядел в сторону Дома Делателя, высившегося за стенами Агрионта суровой, черной, явно не сулившей помощи громадой.

– Боюсь, эпоха магов поистине закончилась. И, в конечном счете, нельзя не усомниться, не была ли цена, которую они запрашивали, чересчур высока.

– Но в таком случае... – канцлер Городец нерешительно облизнул губы, – что же... дальше?

«Что дальше»... – этот вопрос Орсо задавал себе с тех самых пор, как вернулся в свою столицу и узнал, что к ней стекаются бесчисленные полчища ломателей.

Поистине, что же дальше?

Он засунул палец за воротник, попытавшись его расслабить, потом понял, что делает это, не расстегнув крючок на шее. Разумеется, ничего не получилось. Для этого там и был этот чертов крючок.

Было бы неплохо спросить мнения Танны. В конце концов, у него инстинкт самосохранения был развит лучше любого другого. Но Танны, конечно же, последовал этому инстинкту и куда-то подевался сразу же, как только начались мятежи. Никаких слезных прощаний – просто однажды утром его не оказалось на месте. Какой такой король? Не знаем никакого короля!

Орсо едва не фыркнул от неуместного смеха при этой мысли. Капрал никогда не делал вид, будто предан кому-либо другому, помимо себя.

На самом деле Орсо и без того прекрасно знал, что он должен делать. Просто было бы здорово, если бы кто-нибудь попробовал его отговорить.

«Тащи сюда короля!» – Этот воинственный клич, донесшийся снизу, был самым разумным из всех услышанных им предложений. Орсо вздохнул.

– Лорд Хофф, боюсь, что я должен отдать себя в руки ломателей.

– Но ваше величество... – Лорд-камергер побледнел настолько, что стал похож на собственный призрак, к тому же донельзя перепуганный. – Вы не можете всерьез...

– Могу. В кои-то веки я совершенно серьезен. – Орсо взглянул на хаос, творящийся под стенами. – Настало время кому-нибудь благородно принести себя в жертву. В отсутствие других, более квалифицированных кандидатур... боюсь, придется обойтись моей.

Оставшиеся почтенные члены Закрытого совета зашаркали по ступенькам следом за ним. Семеро стариков, согбленных под грузом тяжелых одежд, церемониальных цепей, ответственности... Внезапно они стали похожи на группу престарелых пенсионеров, выведенных сиделкой на прогулку.

– Короля сюда! – раздался пронзительный вопль, и за ним глухой гул множества голов. – Тащи короля!

– Иду, иду, черт вас побери, – пробормотал Орсо.

...Дворцовый сад переполняли воспоминания. Вот среди этих статуй он играл в прятки с сестрами – веселой маленькой Карлоттой и серьезной маленькой Катиль. А вон там отец учил его, как держать клинки. В этой беседке мать показывала ему, как выразить крайнее неудовлетворение, не переставая улыбаться. Их семья никогда не была особенно счастливой, но, во имя Судеб, как ему их не хватало сейчас, когда он остался один!

– Хильди, – тихо проговорил Орсо, наклоняясь к ней, – когда ворота откроются, я хочу, чтобы ты исчезла.

Проницательный взгляд, который она на него бросила, был в точности тем же самым, как когда он впервые ее увидел – десятилетнюю и упрямую, как гвоздь.

– Кажется, вы сказали, что эпоха магов закончилась?

Он улыбнулся. Было приятно видеть, что она по-прежнему не спускает ему ни малейшей оплошности.

– Я имел в виду, замажь грязью свои веснушки, натяни фуражку на самые глаза и слейся с толпой. Ты ведь когда-то мыла полы в борделе, так что вполне сможешь сойти за свою.

– Я вас не брошу.

– Разумеется, нет! Это будет просто тактическое отступление. Если мне удастся остаться в живых, я буду пленником. Мне понадобится верный человек, который поможет мне бежать. Запечет фомку в пироге или что-нибудь в этом роде.

– Я не умею печь пироги.

– Но, ручаюсь, ты сумеешь найти пекаря.

– Наверное...

Она вытерла щеку тыльной стороной ладони. Орсо подумал, понимает ли она, что он лжет. Вероятно. Только самый неисправимый оптимист мог бы вообразить, что он проживет дольше часа, а ни один из них не соответствовал этому определению.

– Вы все еще должны мне денег, – буркнула Хильди.

– Придется отложить расчеты на потом, – ответил Орсо, похлопывая ее по плечу на прощание. – Оставил кошелек во дворце.

Если он еще немного промедлит, то может вообще передумать, а сейчас всем требовался пример царственного самообладания. В конце концов, вероятно, это его последний шанс продемонстрировать, как это делается. Будет жаль, если он пропадет впустую. Так что Орсо обдер-

нул свой мундир и захрустел по гравийной дорожке, так безупречно выровненной, что можно было решить, будто по ней никто никогда не ходил. Приятно видеть, что хоть какие-то стандарты все еще поддерживаются на высоте.

Теперь он чувствовал в себе странное спокойствие. Совсем как при Стоффенбеке, когда вокруг дождем сыпались пушечные ядра.

Крики по ту сторону ворот перешли в нечто вроде песнопения:

– Та-щи... ко-ро-ля! Та-щи... ко-ро-ля!

Ритм отмечался металлическим лязгом, воплями и смехом, топотом сапог, настолько многочисленных, что казалось, будто трясется земля.

– Та-щи... ко-ро-ля!

Орсо подумал о том, был ли у него какой-нибудь выбор. Какой-нибудь способ избежать этого. Если и был, то он прошел для него незамеченным. Вероятно, в этот момент он думал о своей матери, или о крючке на своем воротничке, или о том, что подумают о нем другие. Жаль, что он не смог быть хоть немного более целеустремленным. Но что поделать, люди такие, какие они есть.

Он набрал в грудь воздуха:

– Полковник Горст, прошу вас, откройте ворота.

Горст молча уставился на него.

– Я все понимаю, – мягко сказал Орсо. – С этого момента я освобождаю вас от любых обязательств и клятв. Вы больше не начальник моей стражи.

Во взгляде Горста было странное потерянное выражение.

– Кто же я тогда?

– Полагаю... это вам решать. – В любом случае речь шла о нескольких последних мгновениях, прежде чем толпа разорвет их на части. – Выполняйте.

Горст сглотнул, повернулся и просипел:

– Открыть ворота!

Ну и голос. Сколько бы ты его ни слышал, никогда не привыкнешь.

С ворот сняли брус, отодвинули засовы, и между огромными створками показалась щелка света. Пение смолкло. Ворота растворились, открыв взгляду массу изумленно взирающих людей. Они спотыкались, теряя равновесие из-за напора задних рядов. Орсо стоял один, лицом к ним, с высоко поднятой головой. На его голове блестел королевский венец. На боку висел украшенный драгоценными камнями меч. С плеч спускался плащ, застегнутый заколкой в виде золотого солнца Союза. Воплощение царственного величия.

Он шагнул к ним, и бунтовщики невольно опустили оружие. Несколько человек даже спрятали его за спины, словно несколько смущенные тем, что оно оказалось у них в руках. В зловещем молчании Орсо прошел вперед, с колотящимся сердцем, но абсолютно невозмутимым лицом, пока не оказался под самой аркой. Настолько близко, что если бы он протянул к ним руку – или они к нему, – их пальцы соприкоснулись бы.

– Итак? – проговорил он твердым и ясным голосом. Даже немного строгим. Голосом недовольного отца. Тем тоном, к которому был часто вынужден прибегать его собственный отец. – Я здесь.

Его взгляд скользнул по толпе, остановившись на немолодой женщине в заплатанном платье и перепачканном переднике, с закатанными, несмотря на холод, рукавами, открывающими мясистые багровые предплечья.

– Позвольте поинтересоваться, какое дело привело вас сюда, мадам?

Она со стуком захлопнула рот и попятилась, ничего не ответив.

Подняв бровь, Орсо перевел взгляд на лысеющего человека с красным, в прожилках лицом, держащего в руке старенький топор:

– А вы, сэр? Какова ваша цель, могу ли я спросить?

Тот глянул направо, налево, его нижняя губа пошевелилась, и, возможно, едва слышное сипение вырвалось из его морщинистой глотки – но не более того.

Орсо сделал еще один шаг вперед, и толпа с шорохом отступила. Как-то раз на собрании Солярного общества, куда он пришел по настоянию Савин, Орсо довелось видеть, как железные опилки двигаются под влиянием магнетического отталкивания. Эффект был практически таким же.

Его горло перехватывало все сильнее. Он подвигал плечами, охваченный – как бы это ни было невероятно – внезапным раздражением из-за заминки.

– Ну же, давайте приступим наконец к делу!

Однако вместо того, чтобы наброситься на него, как стая голодных волков, молчаливая толпа расступилась, открыв в своей середине человека в простом темном костюме. Его лицо, обезображенное ужасным ожогом, было лишено растительности. Возле него стояла суровая женщина, хмурившая брови.

Орсо уставился на него с невольным изумлением.

– Архилектор Пайк? – прошептал он.

– Я думаю, мы можем считать это моим заявлением об отставке, ваше величество. Хотя, как вы видите, на самом деле я никогда не был вашим слугой.

Пайк явно не был пленником этих людей. Судя по их взглядам, он пользовался у них почтением. Пожалуй, они даже повиновались ему. Во имя Судеб... он был их *лидером*!

Осознание этого принесло Орсо почти что облегчение. Теперь было ясно, что он ничего не мог сделать. Все это время рядом с ним находился предатель.

– Так это вы – Ткач? – шепотом спросил Орсо.

– Я использовал это имя время от времени.

– Надо же. А я ничего не подозревал. – Подняв бровь, Орсо взглянул на Тойфель. – А вы? Вы всегда казались мне женщиной, которая подозревает всех и каждого.

Взгляд Тойфель скользнул к Пайку.

– Нет, – коротко ответила она.

Ее чувства относительно происходящего, как всегда, было невозможно разгадать.

– Ну что ж. Видимо, я должен сдать вам дворец. Прошу вас выказать милосердие по отношению к моим телохранителям и свите. Они всего лишь пытались мне служить.

– Было пролито достаточно крови, – проговорил Пайк, но тут же зловеще добавил: – На сегодня.

Они замолчали. Со стороны площади Маршалов по-прежнему слышались отдаленные радостные крики. Более угрожающие звуки доносились от Допросного дома. Однако, по всей видимости, никто не собирался рубить его на кусочки прямо сейчас.

– Итак... – Орсо неловко откашлялся. – Что дальше?

– Это решит народ, – отозвался Пайк.

Орсо поглядел вокруг. На так называемый народ.

– В самом деле? – спросил он с недоуменной улыбкой. – Вы думаете, он способен это сделать?

Все карты

Через высокие окна замка Скарлинга задувал ветер, зябкий от речного тумана. Он шелестел деревьями в долине, хлопал и шуршал висящим над огромным камином полотнищем с вышитым символом Долгого Взгляда. Рикке плотнее закуталась в плащ и накрылась капюшоном, глядя на бурлящую далеко внизу серую воду и размышляя о том, что предстоит сделать.

Чтобы сидеть на троне Скарлинга, нужно быть твердым. Необходимо. Хочешь ты этого или нет.

– Подумываешь прыгнуть? – спросила Изерн.

– Отсюда упал Девятипалый. По крайней мере, так говорят.

– И какой же урок ты из этого извлекла? Что чем выше ты карабкаешься к власти по горе трупов, тем дальше будет падать?

Рикке глянула вниз, меряя взглядом немалое расстояние до воды, потом осторожно отступила на шаг от окна.

– Не скажу, что мне нравится такой урок.

Изерн ухмыльнулась, просунув кончик языка в дыру между зубами.

– Если слушать только те уроки, которые тебе нравятся, то никогда ничему не научишься. Хороший у тебя мех!

– Правда?

Рикке погладила его ладонью – тонкий, белый и такой мягкий. Его нашли поверх той красной тряпки, что дала ей Савин дан Брок. Получился плащ, достойный королевы из какой-нибудь легенды.

– Это жители Карлеона мне подарили, – похвасталась она.

– Малость оттаяли на твой счет, а?

– Люди всегда меня любили.

– Особенно когда у тебя за спиной несколько сот вооруженных людей.

– Такое чувство, что чем лучше они вооружены, тем больше меня любят. Небось благодарны, что я до сих пор не спалила их город. Похоже, доброе отношение все же дает свои плоды.

– Что говорить, оно бывает кстати, – согласилась Изерн. – И, понятное дело, народ к такому тянется, после Стура-то с его мрачным нравом и злобными выходками. Но только ты, девочка, нос-то особо не задирай. Благодарность – все равно что весенние цветочки, пахнет хорошо, да живет недолго. Я бы на твоём месте держала факел наготове где-нибудь в таком месте, где бы он напоминал о горящих городах. Чтобы быть уверенной в их благодарности.

– Может быть, тебе они тоже подарят мех.

– Он мне ни к чему. – Презрительно фыркнув, Изерн перекинула через плечо болтающийся конец своей изодранной шали. – Совершенство незачем улучшать.

Створка огромных дверей с грохотом распахнулась, и в залу ворвалась Корлет. Висевшая у нее на поясе секира запуталась рукоятью в ее коленях, так что она едва не упала, но сделала пару отчаянных шагов и остановилась, упершись ладонями в бедра и тяжело дыша.

– Интересно, – заметила Изерн, указывая на нее татуированным пальцем. – Обычно эта женщина ведет себя довольно спокойно.

Корлет махнула рукой в сторону двери:

– Они идут!

– Кто идет? – спросила Изерн.

– Все!

Теперь Рикке тоже слышала возбужденный шум – бормотание толпы, радостное и гневное одновременно. Любимое настроение воина. Она откинула капюшон и постаралась, как смогла, расчесать пальцами слежавшиеся волосы. Сердце вдруг забилося очень сильно.

– Они его взяли?

– Они его взяли, – кивнула Корлет.

Кто-то пинком распахнул вторую створку, и в зал ввалилась группа воинов, смеясь и толкаясь, сияя торжеством. Впереди шел Трясучка с бутылкой спиртного, которая уже побывала в деле, за ним Йонас Клевер, и при нем юркий паренек и девушка с каменным лицом. Гвоздь с каким-то здоровенным бородачом волокли за руки грязного, полугололого пленника. Его голова болталась, ноги безвольно скребли по земле.

– Во имя мертвых, – пробормотала Рикке. – Время его не пощадило.

В последний раз она видела короля Севера (если не считать мстительных мечтаний) на похоронах своего отца. Тогда он был гибким, как змея, и еще более ядовитым.

– Время никого не щадит, – отозвался Трясучка, вкладывая бутылку в ее обессиленную руку.

Они швырнули его на пол перед помостом, на котором был установлен трон Скарлинга, так что Рикке оказалась возвышающейся над ним, словно судья. На том самом месте, где он сам возвышался над множеством других. Камни, на которых он лежал, были покрыты пятнами крови, пролитой по его приказу.

– Рада снова приветствовать тебя в твоём тронном зале, Большой Волк, – сказала Рикке и сделала долгий глоток из бутылки. Зелье прожгло ее до самого пищевода, и она скривилась, в то время как ее воины вокруг мужественно соревновались в злорадстве.

Стур попытался встать на четвереньки, упираясь в пол трясущимися руками и не переставая подвывать. К нему подступил Черствый и пнул его в брюхо, так что он опять распластался на каменных плитах.

– Поползай, говнюк! – рявкнул Черствый, выказывая несколько больше черствости, чем Рикке ожидала от старого седого военачальника своего отца; но людское милосердие часто кончается как раз в тот момент, когда в нем возникает надобность.

– Что у него с ногами? – спросила она.

– Не хотели, чтобы он сбежал. – Трясучка пожал плечами. – Перерезали ему поджилки под коленями.

Изерн одобрительно выпятила нижнюю губу.

– Ладно придумано. Вот что бывает, если задирать нос.

И она бросила на Рикке многозначительный взгляд из-под бровей.

На этот раз Стуру удалось подняться на колени, но, судя по виду, он был готов в любой момент снова рухнуть. Его было почти не узнать: нос свернут на сторону, губы распухли, покрытые ссадинами щеки вздулись. Его язык постоянно облизывал окровавленную верхнюю губу с каким-то причмокиванием. Он озирался вокруг так, словно не узнавал, где находится. Один его глаз заплыл так, что почти не открывался, на белке второго было большое красное пятно. Рикке поймала себя на том, что потирает собственный слепой глаз, и была вынуждена отдернуть руку.

– Ты захватила Карлеон, – прохрипел Стур.

Даже его голос звучал разбито. Злорадство требовало от нее некоторых усилий, но люди этого ждали.

– Понимаешь, какое дело, – сказала Рикке. – Когда Лео задумал свою маленькую вылазку в Союз, я сразу подумала, что это предприятие для мальчиков. Я подумала, почему бы не пригласить короля Орсо присоединиться к вам, а самой остаться здесь? Чтобы не терять зря времени. Видишь, вот, разжигалась стульчиком.

Ее воины расхохотались, но Стур был не в том состоянии, чтобы оценить шутку.

– Мой отец жив? – прошептал он.

– До поры до времени, – сказала Изерн. – Прячется где-то в Высоких Долинах.

Стур повесил голову.

– Он отдаст все что угодно... чтобы вернуть меня к себе...

На пол упала капля влаги. Сукин сын плакал! Чтобы стоически переносить страдания, нужна практика. Вот уж чего у него никогда не было.

– Я – будущее Севера, – промямлил он таким тоном, словно сам не верил, что это может быть правдой. – Пожалуйста...

Сколько бы гордыни ни было в человеке, в конце концов, нужно не так уж много, чтобы выбить ее из него. Чтобы он не желал ничего другого, лишь бы его перестали бить.

У Рикке была заготовлена целая обвинительная речь насчет того, сколько бед он причинил Северу, и какую цену теперь должен заплатить, и что мы сами сколачиваем себе виселицу, и теперь ему пора повисеть на своей, и так далее и тому подобное. Она шлифовала ее целыми днями, как боец-поединщик свой парадный шлем. Но ей не доставляла радости перспектива каркать над этим полутрупом.

Она снова приложила к бутылке и едва не подавилась.

– Пожалуйста... – Покрытые струпьями пальцы Стур проползли по полу и ухватились за вышитый золотом подол ее нового плаща. – Пожалуйста...

Во имя мертвых, ну и вонял же он! Когда он дрался с Лео на кругу, Рикке казалось, что ее ненависть к нему не имеет границ. Но теперь колодец внезапно опустел, и все, что у нее осталось, – это отвращение ко всей этой затее. Однако она знала, что желают видеть ее парни. Если хочешь сидеть на троне Скарлинга, ты должен сделать свое сердце каменным.

– Ты смеешь ко мне *прикаса́ться*? – рявкнула она и пнула его в лицо. Поскольку Стур стоял на коленях, она попала ему прямо в подбородок, так что его голова дернулась назад, и он опрокинулся на спину.

– Прости, – шептал он, сворачиваясь в клубок и прикрывая дрожащей, разбитой рукой окровавленное лицо. – Не бей меня...

Такого Рикке не планировала. Она планировала для начала, что он будет держаться надменно, изрыгая насмешки и оскорбления, а она будет пылать праведным гневом и сразит его умнейшими доводами, каких тут еще не слыхивали. Но как можно кого-то сразить, если он и так не стоит на ногах?

Скривив губу, она бросила взгляд на Гвоздя.

– Хочешь посадить его в клетку?

– В ту, где он держал моего отца?

– Разве у меня есть другая?

Гвоздь улыбнулся. Ей нравилась его улыбка. Особенно когда она была обращена к ней. Потом он ухватил Стур за волосы и потащил его, хнычущего, с волочащимися ногами, по направлению к клетке.

– Что, мы его не уьем? – спросил Клевер, едва заметно сдвинув седоватые брови. – Если он останется в живых, едва ли он нас когда-нибудь простит.

– Такие не прощают, – подтвердила Изерн, вытаскивая кусок чагги и принимаясь отрезать себе маленький ломтик.

– А Черный Кальдер склонен к прощению еще меньше. – Клевер проводил взглядом Гвоздя и его жертву. – Не могу сказать, что будущее, в котором этот ублюдок останется в живых, сулит нам что-нибудь хорошее.

– О будущем не беспокойся. – Рикке кивнула на символ Долгого Взгляда и постучала по таким же рунам на своем лице. – Видеть будущее – моя забота.

Она ловко выхватила у Изерн кусочек чагги прежде, чем та успела донести его до рта, и засунула себе за губу.

– Я ведь могу тебе доверять, а, Клевер? Мой отец однажды сказал, что если ему понадобится человек, на которого можно положиться... это будешь не ты.

– Твой отец был честным человеком и хорошо разбирался в людях. – Клевер слегка пожал плечами. – По моему скромному мнению, было бы ошибкой чересчур полагаться на одного человека.

– В особенности на того, который уже предал одного хозяина, – добавила Изерн, отрезая себе другой ломтик чагги и скатывая его в комочек.

– Ты слишком великодушна ко мне, Изерн-и-Фейл. Я предал порядка пяти этих мудавков. – Клевер, выказав поразительную сноровку, в свою очередь выхватил катышек из пальцев Изерн и засунул себе за губу, щурясь в направлении потолочных балок, словно вызвать в памяти полный перечень своих измен было непростой задачей. – Сперва был Бетод, потом Глама Золотой, и Кейрм Железноголовый, и, пожалуй, я предал Черного Кальдера в то же самое время, когда предал его сына. Не удивлюсь, если найдется еще парочка, о которых я позабыл в спешке.

Он задумчиво похлопал себя по брюху.

– Не думаю, что сильно польщу себе, если скажу, что среди преданных мной имеются несколько величайших имен Севера. Но знаешь, что у них всех было общего?

– Ну-ка скажи, – отозвалась Рикке, передавая ему бутылку.

– Они сами устроили так, что для меня было бы глупостью их не предать. Надеюсь, у тебя будет больше мастерства.

И он вытащил что-то из внутреннего кармана. Золотую цепь с массивными звеньями и алмазом, сверкающим в свете, падавшем из высоких окон. Ту самую, что была на Скейле Железноруком во время поединка. Ту, которую Стур Сумрак носил на похоронах ее отца. Цепь, которую выковал Бетод еще до ее рождения, когда огнем и мечом заставил Север объединиться.

– Я бы сказал, что это теперь твое.

– Оставь ее себе, – сказала Рикке.

Брови Клевера уехали на лоб:

– Я?

Брови Изерн вздернулись еще выше:

– Он?

– Ее носил Бетод, и Скейл, и Стур. И погляди, чем для них все обернулось. И чем все обернулось для Севера. Не сказала бы, что мне это подходит. – Рикке зацепила большим пальцем свое ожерелье из зеленых камней и мягко покрутила его вокруг шеи. – Пожалуй, пока что с нас хватит королей.

Клевер поднял цепь и хмуро взглянул на болтающийся алмаз.

– Мне она подходит еще меньше.

– Ну, расплавь ее на монеты. А камень вделай в рукоятку столового ножа. Можешь считать это платой за то, что притащил ко мне ее владельца.

– А что, я так и сделаю! – Клевер засунул цепь обратно в карман. – Твоя мудрость уступает только твоей щедрости... вождь.

– Я бы не стала слишком рассчитывать ни на то, ни на другое, – отозвалась Рикке, сузив глаза. – Расскажи-ка, что там произошло в Союзе?

– Мы не стали задерживаться, чтобы посмотреть на финал. – Клевер отхлебнул из бутылки, аккуратно обтер горлышко и передал ее Изерн. – Там разразилось немаленькое сражение, а я стараюсь их избегать. Насколько я могу судить, Орсо победил.

Рикке обнаружила, что рада этому известию, – и не только потому, что она предала его противника, и если бы победил Молодой Лев, то она оказалась бы в довольно неловком положении. Ей не требовалось слишком больших усилий, чтобы направить свои мысли к тому дворцу в Адуе, залитому струящимися из окон лучами утреннего солнца. Время смягчило жуткую головную боль, от которой она тогда страдала. Ей вспомнился Орсо, стоящий в дверях с широ-

кой улыбкой на лице и подносом в руках. «Я принес тебе яйцо»... Надо сказать, он не показался ей человеком, способным побеждать в битвах. Однако этого нельзя было сказать и о ней, и, тем не менее, вот она, сидит в замке Скарлинга, и главный зал служит ей гостиной.

Послышался лязг – это Гвоздь захлопнул дверцу клетки. Стур скорчился внутри, прижавшись грязной спиной к прутьям и свесив между ними руку.

– Похоже, у нас на руках все карты.

– Но их еще нужно правильно разыграть, – возразил Клевер, сумрачно глядя на то, что осталось от Стура Сумрака.

– Карлеон наш, – заметил Трясучка.

– А с ним и половина Севера, – просипел Черствый. – Люди Большого Волка разбежались по норамлизывать раны, да и у Черного Кальдера, сдается мне, мало кого осталось.

– Надо ударить по нему сейчас, – сказал Гвоздь. – И посильнее.

– Кальдер слаб! – прорычал бородатый громила.

– Кальдер хитер, – возразила Изерн. – Не сомневаюсь, что у него здесь есть шпионы.

Стур был врагом того сорта, что нападают на тебя сразу. Черный Кальдер принадлежал к другому.

– Сомневаюсь, что он хотя бы вполтину так слаб, как кажется, – сказала Рикке. – У него все еще есть друзья, и он наверняка уже их собирает.

– К тому же дело идет к зиме, – добавил Трясучка, кивая в сторону белесого неба за окнами.

– Нужно, чтобы он сам пришел сюда. – Рикке шлепнулась на сиденье трона и перекинула ногу через подлокотник, пытаясь выглядеть по-домашнему, хотя, видят мертвые, в этой чертовой штуковине не было ни капли уюта. – Чтобы мы могли выбирать, где сражаться и когда сражаться.

– И как же ты это устроишь? – иронически спросил Черствый.

– О, я знаю, как. – Рикке приложила кончик пальца к татуированной щеке и театрально подмигнула Трясучке своим слепым глазом. – Я это видела!

Никто больше не смеялся над такими заявлениями. Никто не глумился и никто не спорил. Фактически ее слова были встречены почтительным бормотанием. А также пугливыми взглядами и нервным переступанием с ноги на ногу. Все эти Названные, закоренелые убийцы, испытывали благоговейный трепет перед Тошей Рикке и ее Долгим Взглядом. Еще год назад она пряталась от Стура Сумрака в ледяной воде горной речки. А сейчас он сидит, запертый в собственной клетке! Припадочная Рикке, которая, бывало, обсиралась посреди улиц Уффриса, завладела половиной Севера! При мысли об этом ей хотелось разразиться диким хохотом, но это сбило бы нужное настроение.

– Терпение, – мягко проговорила она, постукивая ногтем по облупившейся краске на подлокотнике Скарлингова трона. – Мы должны прожевать то, что откусили, прежде чем кусать заново. Пока вы, ребята, развлекались по дороге из Уффриса, тут поднакопилось работенки.

– Я от работы никогда не отлынивал, – сказал Трясучка.

– Мы тут делаем запасы еды на зиму, и у меня такое ощущение, что ребята в соседней долине что-то от нас утаивают. Может быть... – Она искоса взглянула на Изерн. – Может быть, я была с ними слишком мягкой. Надо бы тебе съездить к ним с парочкой других каменных сердец.

В металлическом глазу Трясучки блестело изогнутое отражение высокого окна.

– Просто предупредить или поучить?

«Просто предупредить», – вертелось у нее на языке. Но все смотрели на нее. Смотрели и оценивали. Перед такими ублюдками, как эти, она не могла себе позволить выглядеть слишком снисходительной.

– Решай сам. И возьми с собой Черствого, раз уж он нынче в таком кроважадном настроении.

– Конечно.

Трясучка, поманив за собой Черствого и нескольких других, направился к двери.

– Клевер!

– Рикке?

– Съезди со своими людьми в долину Красной речки. Кальдер с его ребятами там порезвились, сожгли пару ферм. Дай им ясно понять, что этот берег реки мой.

– Снова на холод! – Клевер с вождением посмотрел на пылающий очаг и вздохнул. – Это большая честь для нас, правда, Шолла?

Каменнолицая девушка повернула к нему каменное лицо.

– Неопишуемая.

Пока Клевер и его люди выходили, Рикке подозвала к себе Корлет.

– Скажи, чтобы вскипятили воды, и вымой этого ублюдка в клетке, ладно?

– Милосердие? – спросила та, подняв бровь.

– Разве что к моему носу. Он воняет, как адское дерьмо.

– Я по-прежнему считаю, что луна бы улыбнулась, если бы он вернулся в грязь. – Изерн потыкала синим пальцем прутья, и клетка начала тихо поворачиваться. Большой Волк лежал на дне, не шевелясь, словно груда грязных тряпок. – Помнишь, как он гонял нас по лесам, замерзших, голодных, пожранных комарами? Помнишь, какие чувства ты к нему испытывала?

– Я ничего не забыла, – сказала Рикке.

– Он сказал, что пошлет твоему отцу твои кишки в шкатулке. «Сломай то, что они любят», – это его слова.

– Я ничего не забыла. Но он нам еще может пригодиться.

– Признаю, из него получилось отличное украшение. Сидит в клетке, которую сам же и выковал, э? Получил по рогам в той же комнате, где получил по рогам его герой Девять Смертей. – Она хихикнула. – Мой папаша бы долго смеялся, если б узнал, как все обернулось!

Она похлопала Рикке по подбитому мехом плечу и всунула ей в руку почти опустевшую бутылку.

– Ты всегда говорила, что твой папаша был полное говно.

– Еще бы! Такое говно, какое ни одна задница в Земном Круге больше не высирала. – Она помахала своим синим пальцем. – Но он видел холодную суть вещей гораздо чаще, чем многие.

Изерн зашагала к двери, у порога демонстративно потянулась и сплюнула на пол.

– Так что не задирай нос, девочка.

Она закрыла за собой дверь. Щеколда с гулким лязгом встала на место, и Рикке осталась наедине с бывшим королем Севера и Гвоздем, устремившим на нее взгляд своих белесых глаз.

– Я по-прежнему считаю, что мы должны ударить по Черному Кальдеру, пока можно, – проговорил он.

– Еще бы. Бить – это ты любишь.

– А ты нет?

– Не ради одного удовольствия. Я предпочитаю ударить один раз, но так крепко, чтобы не пришлось бить во второй.

– Кажется, твой отец поклялся спровадить Черного Кальдера обратно в грязь?

– Так говорят. Но мой отец был не слишком-то высокого мнения о мести. К тому же, поскольку он уже мертв, сдается мне, он не откажется чуток подождать.

Гвоздь скупно улыбнулся, просунув кончик языка между зубов.

– А ты умная штучка, а?

– Делаю все, что могу.

Рикке поняла, что снова теребит свое изумрудное ожерелье, пропуская его между пальцев, чувствуя, как прохладные пальцы щекожут перепонки.

Она бросила на Гвоздя оценивающий взгляд. Его нельзя было назвать красавцем. Длинный и нескладный, он стоял, вольготно прислонясь к стене, запустив большие пальцы за пояс и выставив локти в стороны, а подбородок вперед. Однако Рикке сомневалась, что «красавица» было бы первым словом, пришедшим кому-нибудь на ум относительно нее самой в последнее время. К тому же в нем что-то было. Спокойный, уверенный, неторопливый. Словно ему нравилось быть в собственной шкуре – чувство, ей практически незнакомое. Нас всегда притягивают наши противоположности. Притягивают и одновременно пугают. Но что интересного в человеке, который тебя не пугает хоть капельку?

Рикке встала и подошла к нему, по пути сделав еще один глоток из бутылки. Вкус был еще хуже, чем прежде, смешавшись с горечью чагги, но горло больше не обжигало. По нему просто разливалось приятное тепло, словно тлеющие угли в большом очаге.

– Как тебя зовут твои друзья? – спросила она, протягивая ему бутылку.

Он нахмурился, глядя на оставшуюся на дне каплю спиртного, не больше плевка.

– Гвоздем.

– Ну да, но я говорю о близких друзьях.

Не отводя от нее взгляда, Гвоздь допил последний глоток.

– Таких близких у меня больше нет. С тех пор, как помер папаша.

– А он как тебя звал?

Пауза.

– Гвоздем.

– Могу я позаимствовать у тебя плащ?

Он поднял свои белесые брови, расстегнул пряжку и кинул ей плащ. Рикке прошла в угол зала – не торопясь. Она чувствовала себя напряженно, словно что-то собиралось случиться, и ей это нравилось. Что бы там ни говорила Изерн, Рикке считала, что заслужила право немного задрать нос. Привстав на цыпочки, она накинула плащ на клетку со Стуром.

– Не хочу, чтобы он смотрел.

Наклонившись, она стянула с ноги один ботинок, оставив его лежать на полу. Дрыгнула ногой, скинув второй, и он отскочил от стены и упал боком. Гвоздь, нахмурясь, посмотрел на нее.

– Почему ты снимаешь ботинки?

Она расстегнула пряжку ремня.

– Потому что в них я не смогу снять штаны.

Тут она поняла, что сколько бы недостатков ни было у юбок, их зато можно скинуть в любой момент. Или задрать, если уж очень приспичит. Со штанами так просто не разделаешься. Она стащила их ниже колен, это было легко, зато потом едва не упала, вытаскивая правую ногу – пришлось прыгать на левой, пока она наконец не высвободилась.

Можно было сказать, что запланированная ею страстная непринужденность не задалась. Похоже, с задиранием носа она все же перебрала. Но теперь ничего другого не оставалось, кроме как довести дело до конца. Рикке юркнула на трон Скарлинга и постаралась расположить вокруг себя свой замечательный новый плащ таким образом, который сохранил бы тонкий баланс между избытком загадочности и ее недостатком.

Гвоздь поглядел на эту композицию, потом на накрытую его плащом клетку Стура, потом почесал в затылке:

– Надо сказать, этот вечер принял неожиданный оборот.

Короткая пауза. Снаружи грохотала река.

Это была плохая идея. Одна из худших ее идей. Рикке попыталась вспомнить, куда она зашвырнула свои штаны, и прикинуть, сколько постыдной возни понадобится, чтобы заползти в них обратно, чтобы можно было сделать вид, будто ничего не произошло.

– Ты ведь не собираешься меня отшить, а? Потому что это поставило бы меня в довольно неловкое положение.

– Еще чего. – И его лицо расплзлось в улыбке. – Просто подумал, что нужно запечатлеть эту сцену в памяти, пока есть возможность. – Он постучал бутылкой себя по голове. – Уж больно она хороша!

Гвоздь высосал из бутылки последние капли и подошел к Рикке, на ходу расстегивая португую и сбрасывая ее. Что, надо сказать, было большим облегчением, поскольку, помимо всего прочего, холодный сквозняк от окна уже забирался под плащ, и ее бедра покрылись гусиной кожей.

– Это тебя не беспокоит? – Гвоздь поставил огромный сапог между ее голых ног и взглянул через плечо в направлении клетки в углу, слегка поскрипывавшей под накинутым плащом. – То, что он там?

– В этом половина задумки. Он как-то сказал, что даст меня оттрахать своим псам.

Гвоздь поставил второй сапог рядом с первым.

– Как грубо.

– Так что пусть знает, что я сама решаю, кто и как меня трахает.

– То есть... ты используешь меня, чтобы преподать ему урок?

Рикке повернула голову и выплюнула катышек чагги.

– Пожалуй.

Он тихо хохотнул.

– Вот это здорово!

И он вышвырнул пустую бутылку в окно, наклонился над троном, опершись на подлокотники, и поцеловал ее в губы. Мягкий, аккуратный поцелуй – сперва он сжал губами ее верхнюю губу, потом нижнюю. Так мягко и аккуратно, что она едва не рассмеялась.

Поцелуй – в каком-то смысле дело незамысловатое, однако у каждого имеется в нем свой стиль, как и в разговоре, ходьбе, драке, письме. Гвоздь продолжал целовать ее – одну губу, потом другую, – и ей пришлось вытянуть шею, чтобы ответить, чтобы сделать поцелуи немного глубже, чтобы подключить к делу кончик языка. Теперь ей больше не хотелось смеяться, вовсе нет. Она скользнула ладонями по исцарапанным подлокотникам Скарлингова трона, пока они не встретились с его руками, пока она не схватила его за запястья, пока его колени не начали тереться о внутренние поверхности ее голых ляжек – не сильно, словно в этом не было ничего особенного, однако на ее вкус в этом было на самом деле очень много.

Он все время держал глаза открытыми, глядя на нее, и она тоже держала глаза открытыми, глядя на него, – ну, во всяком случае, зрячий глаз, – и по какой-то причине в этом было ощущение опасности, словно каждый маленький поцелуй нес в себе риск. Она выгнула шею, чтобы целовать глубже, но он отодвинул лицо, так что она не могла полностью дотянуться, и она поневоле сделала тихий возбужденный вдох, а он тихий удовлетворенный выдох, и их дыхание смешалось между ними, горячее, наполненное запахом спиртного.

Это была отличная идея. Одна из лучших ее идей.

Она расстегнула его ремень одной рукой, радуясь тому, что у нее такие ловкие пальцы, потом запустила их вовнутрь и принялась шарить, пока не вытащила наружу его член, уже наполовину твердый и определенно видоизменяющийся в нужном направлении. Нельзя сказать, что она была совсем пьяна, но пьянела все больше, глядя его одной рукой, а другой обхватив за затылок и скребя ногтем большого пальца его светло-рыжую бороду.

– Я хочу попросить тебя о помощи в одном деле, – выдохнула она.

– Не знаю... как я могу выказать больше желания...

– Не в этом. Ну, то есть в этом тоже. Но и еще кое в чем. Боюсь, тебе не понравится.

– Ты выбрала... не самое удачное... время... чтобы просить... об одолжении, – шепнул он, пощипывая ее губы своими.

– Говорят, торговаться нужно всегда с позиции силы.

– Вот как?

Настал ее черед ахнуть, когда он подсунул ладони под ее зад, опустился на колени и потянул к себе, так что ее голова скользнула вниз по спинке трона, а задница по сиденью, и она оказалась наполовину лежащей, наполовину свешивающейся с трона, ее босые ступни стояли на холодном каменном полу, колени были раздвинуты по обе стороны его головы, а бедра притиснуты к нему; тепло от очага грело сбоку ее голую ногу, а холодный ветерок от окна щекотал голый живот. Она извивалась так и этак, но не могла найти даже отдаленно удобное положение среди всех этих безжалостных углов. Да уж, чтобы сидеть на Скарлинговом троне, нужно быть выносливым, а чтобы трахаться на нем – выносливым вдвойне.

Гвоздь ухмыльнулся ей снизу, глядя вверх ее растительности, и Рикке ухмыльнулась в ответ.

– Все никак не могу разжиться подушкой, – пробормотала она.

Вопросы

– Эй, там! – во весь голос заорала Вик. – Вы меня слышите?

Кажется, с тех пор, как Народная Армия вошла в Адую, она не делала ничего другого, только кричала. Ее глотка была уже сорвана до хрипоты. В новом Союзе ничего нельзя было добиться, говоря тихо.

Из-за чудовишных, усеянных заклепками дверей в высоченной, усеянной по верху острыми стенами этого банка-крепости донесся слабый отклик:

– Я вас слышу.

– Я инквизитор... – она скрипнула зубами, – то есть главный инспектор Тойфель! У меня ордер, подписанный комиссаром Пайком, на обыск всех филиалов банкирского дома «Валинт и Балк».

Она высоко подняла документ, хотя будь она проклята, если понимала, как они смогут отличить, подлинный он или фальшивка. Все теперь должно было быть напечатано, при том что все хорошие печатные станки разломали, когда брали Агрионт, так что ордер был весь в серых пятнах, печать расплывалась кляксой, а подпись была размазана.

– И нам было бы гораздо проще разговаривать, если бы вы открыли мне *дверь*!

На последнем слове ее голос окончательно сорвался.

– Я не уполномочен это делать, инспектор.

Перед банком начала собираться толпа любопытных. В эти дни толпы возникали по малейшему поводу. Ризинау настаивал, что так и надо. «Необходимо поддерживать диалог с народом»... «Нужно политизировать массы»... Ризинау много чего говорил, но, по крайней мере, для Вик ничто из сказанного им не имело большого смысла. На ее вкус, массы и без того были слишком политизированы.

– А кто уполномочен? – рявкнула она. Этот вопрос в новом Союзе задавали то и дело.

Ей пришлось напрячься, чтобы расслышать ответ:

– Управляющий...

– И где же он?

Пауза.

– Его здесь нет.

У Вик лопнуло терпение. В последнее время она вообще была гораздо менее терпеливой, чем прежде.

– Тащите сюда пушку! – гаркнула она.

Среди наблюдающих пронесся возбужденный шепоток, когда практики собрались вокруг повозки. Теперь их называли констеблями, но на их лицах до сих пор была видна граница загара там, где прежде были маски. Вик уперла руки в бедра и принялась нетерпеливо постукивать пальцем, глядя, как они с натугой подталкивают колеса, брызжа слюной сквозь стиснутые зубы. Когда она не кричала, то нетерпеливо постукивала пальцем. Пушка еле ползла по неровному булыжнику.

Огарок наблюдал за происходящим, дуя в сложенные лодочкой ладони со своим обычным виновато-покорным видом.

– Так что, мы больше не инквизиция?

Вик была чертовски рада, что он остался жив, но ничем этого не показывала. Вместо этого она буркнула, как всегда, нетерпеливо:

– Комиссар Пайк решил, что это название может вызвать нежелательные ассоциации.

– В смысле, с шестью веками пыток, ссылок и повешений?

– Вот именно. Однако кто-то по-прежнему должен держать народ в узде. – Один из констеблей поскользнулся и упал, и повозка тут же откатилась назад. – Даже если эту узду приходится связывать из обрывков.

– Конечно, кто лучше справится с работой, чем те, кто уже выполнял ее прежде?

– Нас можно обвинить в чем угодно, только не в недостатке соответствующего опыта.

– То есть... это те же люди, делающие то же самое, только под другим именем?

– Возможно, ты ухватил суть Великой Перемены лучше, чем председатель Ризинау в десятке сотен речей. Добро пожаловать в обновленный Союз с его Народным инспектором, базирующимся в Доме Истины – это в Агрионте, такое большое здание с маленькими окошками, если ты не понял.

– Так что, там больше не задают вопросов?

– О, задают, и еще как.

– Но... вежливо?

– Очень сомневаюсь.

– Может быть, теперь для них стало важнее выяснить истину?

– Время покажет. – Хотя насчет этого у Вик тоже были большие сомнения.

– Я слышал, что Народная Армия выпустила всех заключенных.

– Кое-кого из которых мне стоило большого труда туда засадить. Большинство даже не были ломателями – воры, контрабандисты, множество убийц и один идиот, который любил устраивать пожары. Это если не вспоминать о Молодом Льве и его соратниках-заговорщиках... Братья, вы все свободны! Кстати, твою сестру ведь тоже выпустили?

– Да.

– Хорошо.

Вик тут же пожалела, что сказала это. Новый там Союз или старый, а позволять себе выражать свои чувства – все равно что указывать на дыру в своей броне. Почти приглашение ткнуть туда ножом. Она нахмурилась, искоса поглядывая на Огарка. Теперь, когда его сестру выпустили, у него не оставалось причин работать с ней. И еще меньше – быть ей верным.

– Ты, однако, все еще здесь, как я погляжу.

– Держусь вместе с победителями. – Он неуверенно улыбнулся ей. – К тому же, куда мне идти?

– И то верно.

Учитывая, сколько народу нахлынуло в Адую с Народной Армией, сколько фабрик и мануфактур позакрывалось или было разрушено, какой беспорядок царил на дорогах, на каналах и в портах, найти работу было трудно, а цены взлетели выше, чем когда-либо. К тому же, как было узнать, кто теперь кому верен? Старые друзья оказывались по разные стороны баррикад, бывшие враги становились союзниками. В этом новом Союзе все связи были разорваны, все перевернуто вверх дном, и кто мог поручиться, что то, что было скреплено сегодня, завтра не будет порвано заново?

– У тебя, по крайней мере, есть мундир, – добавил Огарок.

Вик, хмурясь, оглядела себя. Чертова куртка была слишком тесной в подмышках, а сапоги жали.

– Похоже, черный цвет никогда не выходит из моды.

– Тебе идет. Ты выглядишь очень грозно.

– Что ж, в таком случае можно предположить, что все это было не напрасно.

В самом деле, было трудно сказать, чего еще достигла Великая Перемена на настоящий момент. Нет, конечно, кто-то выиграл, а кто-то проиграл, но тот лучший мир, на пришествие которого она позволила себе надеяться, казался столь же далеким, как и прежде.

Практики, в конце концов, вытащили повозку на нужное место и развернули так, чтобы жерло пушки указывало на двери банка. Вик наклонилась к командиру расчета, широкопле-

чему крепышу с лицом, настолько обезображенным сыпью, что, наверное, он выглядел менее пугающе, когда они ходили в масках.

– Эта чертова штука хоть заряжена?

– Заряд есть, – отозвался он. – Пороху бы еще достать...

Заряд есть, пороху нет. Коротко и ясно. Просто ей придется взрывать дверь при помощи лжи, как обычно.

– Запалите, по крайней мере, фитиль, чтобы было похоже, будто хотя бы *мы* ожидаем, что эта треклятая штука выстрелит.

Вик прочистила саднящее горло и повернулась к банку.

– Эй, там! Вы меня слышите?

– Я вас слышу.

– А видите?

Пауза. В створке двери открылась крошечное окошечко.

– Я вас вижу, – донеслось из отверстия, на этот раз значительно громче.

Вик снова скрипнула зубами. Похоже, к тому моменту, когда эта дверь откроется, от них останутся одни корешки.

– Почему вы не открыли это окошечко сразу, черт вас дерит?

Нет ответа.

– Вы видите, что мы направили на вас пушку?

Нет ответа.

– Будем считать, что это «да». – Посыпались искры: одному из констеблей наконец удалось поджечь запальный шнур, и несколько человек среди их растущей аудитории опасливо отступили на шаг назад. – Я считаю до десяти. Если, когда я скажу «десять», эта дверь не будет открыта, я разнесу ее на куски.

Нет ответа. Однако ей показалось, что она увидела пару глаз, нервно выглянувших в окошечко.

– То же самое относится ко всему, что находится от нее на расстоянии двадцати шагов.

– Что вы имеете в виду?

– Тебя, – сказала Вик. – Тебя я тоже разнесу на куски. Тебя и всех говнюков, какие там еще есть.

– Э-э, возможно, мы могли бы...

– Раз, – сказала Вик.

Послышался звон ключей, грохот засовов, потом одна створка дверей отворилась, и наружу высунулась голова с проплешиной на макушке, поворачиваясь в зябком осеннем воздухе.

– Мы сдаемся, – проговорила голова.

Вик взглянула на бригадира констеблей – хотя предпочла бы проделывать это как можно реже.

– Чего вы ждете?

– А! Конечно.

Он затушил фитиль и шагнул вперед, взмахом руки приказывая остальным следовать.

– Вообще, почему комиссара так интересуют банки? – бормотал Огарок. – Почему, я не знаю, не арсеналы? Или казармы? Или зернохранилища?

– Уверена, до них мы тоже доберемся.

– Да, но почему банки в первую очередь?

Когда она служила под началом архилектора Глокты, Вик уяснила себе, что лучше не тратить слишком много времени, отвечая на вопрос «почему?». Скорее всего, то же самое относилось и к комиссару Пайку. Возможно, даже в двойном размере. Так что она молча пожала плечами.

– Но, наверное, лучше устраивать облавы на банкиров, чем на ломателей, – продолжал Огарок.

– Разве?

– Ну да. Ты как бы на правильной стороне, в историческом смысле.

Вик фыркнула:

– В истории нет правильных сторон, в том-то вся и штука! Какая сторона была правильной, выясняется сильно позже, когда всем на это уже наплевать.

– Так обычно говорят те, кто знает, что они на неправильной стороне.

– Ну, наверное, – уступила Вик, устало хмыкнув.

– Все чисто! – крикнул из-за двери констебль, и Вик, соблюдая предосторожности, шагнула в открытую парадную дверь адуанского филиала банковского дома «Валинт и Балк».

Банковские служащие, сбившиеся в кучку в холле, вовсе не были похожи на угрозу для обновленного Союза. Они были похожи на горстку перепуганных клерков, на которых направили пушку. Вик выбрала одного, одетого лучше других, – того самого, с проплешиной, пытающегося спрятаться за спинами своих коллег.

– Вы здесь главный? – спросила она.

– Н-ну... – Он нервно огляделся по сторонам, но никто не рвался брать на себя ответственность. – Пожалуй, я действительно дольше всех служу в этом отделении, так что... Мое имя Арио Маттерно, я заведующий отделом займов...

– Стириец?

– Это... – он сглотнул, – это проблема?

– Не для меня.

Вик отлично понимала, что многочисленные страдания, которые ей довелось испытать в жизни, в основном были делом рук ее собственных сограждан. Однако толпы никогда не любят чужестранцев. Несколько дней назад в Трех Фермах сожгли дюжину гуркских иммигрантов, сочтя их шпионами. В обновленном Союзе было опасно иметь слишком темную кожу – или чересчур светлую, или быть слишком богатым, или слишком бедным, или слишком безумным, или слишком здравомыслящим. Полученная свобода, кажется, ничуть не уменьшила народный гнев. С другой стороны, цены на хлеб продолжали расти, а речи председателя Ризинау не наполняли желудки.

– Где хранилище? Там?

Вик направилась в ту сторону. Маттерно торопливо засеменил рядом, нервно потирая руки.

– Инквизитор...

– Инспектор, – поправил его Огарок.

– Прошу прощения, да... Столько перемен, за всеми и не уследишь... Вы в самом деле уверены, что хотите это сделать?

– Вопрос не в том, чего я *хочу*. – Вик сомневалась, что этот вопрос вообще когда-либо стоял в ее жизни. – Просто комиссар Пайк приказал, чтобы все филиалы «Валинта и Балка» были закрыты. Незамедлительно.

Старый клерк выглядел потрясенным. Словно комиссар Пайк приказал воде течь вверх.

– Но... это же «Валинт и Балк»! Вы не можете это сделать!

– Вы видели пушку?

Он снова попытался объяснить:

– Наш банковский дом ссужает деньгами всех. *Всех!* У нас *огромное* множество друзей – и здесь, в Союзе, и за границей. Было бы крайне неразумно... было бы абсолютным *сумасшествием*...

– Вы давно выходили наружу? Здравый смысл больше никому не нужен, а сумасшествие как раз в моде. Все бухгалтерские книги порваны; друзья, которые прежде считались ценными

вкладами, перешли в графу обременений. – Вик продолжала шагать. – Завтрашние опасности не кажутся такими уж серьезными, когда перед тобой так много сегодняшних. Так что, возможно, вам стоило бы придержать свои угрозы при себе.

...В холле банка было холодно – пожалуй, даже холоднее, чем снаружи. Вик подавила желание ступать как можно мягче, чтобы каждый шаг не разносился гулким эхом. Потолок был где-то далеко вверх, как в гуркском храме; их окружали темный мрамор и темное дерево, позолота поблескивала в пыльных лучах света, падавшего из высоких окон. Там и сям были разбросаны островки дорогих стульев, на которых просители могли подождать, пока банк даст им свое благословение или развеет их планы в прах. Впрочем, сегодня здесь никаких дел не вели. Холл был пуст, если не считать мраморные бюсты богатейших людей в истории, алчно хмурившихся на них из прошлого.

– Вот это дверь так дверь! – вырвалось у Огарка.

Дверь была поистину впечатляющей. Она занимала большую часть дальней стены конторы, доминируя над помещением: огромное полотно черного металла с внушительной золотой гравировкой по центру: «ВАЛИНТ И БАЛК». Внизу, ближе к полу, имелся латунный штурвал, как на корабле, с двумя замочными скважинами по обе стороны, которые казались совсем крошечными.

Огарок глазел на все это с распахнутым ртом.

– Это и есть хранилище?

– Для двери кухни немного слишком претенциозно, как ты считаешь?

Вик махнула констеблям в направлении конторы, и те принялись вытаскивать ящики из столов, рыться в бумагах и раскидывать все вокруг с обычным для них видом рассеянного безразличия.

– Разве она не должна находиться где-нибудь подальше от глаз? – спросил Огарок. – В каком-нибудь подвале?

– В том-то и задумка, чтобы никто из входящих не смог ее не заметить. Каждый поневоле начинает представлять себе, сколько денег может находиться за такой большой дверью. Сколько власти.

Она кивком указала Маттерно на латунный штурвал:

– Открывайте.

– Я не уполномочен это делать, инспектор, – едва слышно отозвался заведующий отделом займов.

Вик снова уперла руки в бедра:

– Только не заставляйте меня закатывать эту чертову пушку *сюда*!

– Здесь в толщину два фута английской стали. Пушка разве что оставит вмятину.

Вик поглядела ему в глаза:

– Я направлю ее не на дверь. Я направлю ее на *вас*.

Маттерно сглотнул, вытащил из кармана ключ и протянул ей. Очень длинный и тонкий, ключ выглядел хрупкой безделушкой по сравнению с этой необъятной дверью. Замысловатая бородка напоминала крошечный лабиринт.

– У меня только один ключ. Вам нужен еще второй.

– Дайте угадаю: второй ключ у управляющего?

Маттерно медленно развел руками:

– Я... боюсь, что так.

– Арестовать его, – распорядилась Вик. – И остальных тоже. Помещение опечатать.

– Но... инспектор! – Двое констеблей подхватили под мышки все еще не верящего заведующего отделом займов и поволокли его прочь. – Это же «Валинт и Балк»!

– Объясните это комиссару Пайку! – крикнула Вик ему вслед. – В Допросный дом его!

– В Дом Истины, – поправил Огарок.

– Какая разница! – отмахнулась Вик, морщась и растирая онемевшее бедро. Чертов сустав всегда начинал ныть, как только погода становилась холоднее. – В любом случае там нынче освободилась куча камер.

– Это точно. – Огарок еле слышно вздохнул. – Я так понимаю, нам пора их снова заполнять.

Граждане

– Более *глубокий* вопрос... – Ризинау откинулся на спинку некогда принадлежавшего Орсо резного кресла, жалобно скрипнувшего под его тушей, и устремил взгляд на позолоченный купол наверху, – это чем мы теперь *являемся*?

Орсо подумал, что это один из лучших вопросов нынешнего времени. Несколько плиток облицовки треснуло, несколько скамей были сломаны, одно из великолепных витражных окон было разбито и наспех заколочено досками, так что по залу время от времени проносился холодный сквозняк, но в остальном Круг лордов почти не изменился. Правда, теперь его называли Кругом общин. Они перевернули вышитые подушки, чтобы солнца Союза были не видны, а сидевшее на них буйное собрание теперь называлось не Открытым советом, но Ассамблеей представителей.

Насколько он понял, во всех районах Адуи провели голосование. В котором приняли участие все уроженцы Срединных земель, какими бы жалкими и невежественными они ни были. Результатом явилась ассоциация представителей – насколько мог видеть Орсо, такая же жалкая и невежественная, как каждый из них по отдельности. Голосование... Можно вообразить, что сказала бы на это его мать! Тирания большинства... Через какое-то время представители должны были быть избраны и в других городах Союза, но пока что их скамьи пустовали. Тем временем в Ассамблее шли споры относительно правил. Здесь спорили даже больше, чем спорили в Открытом совете, если такое возможно. Спорили по каждому пункту. Спорили относительно порядка этих пунктов. Спорили касательно методов ведения спора.

– Чем мы *являемся*? – с огромным апломбом провозгласил один из приспешников Ризинау. – Или же... чем мы *должны являться*?

Любая фраза произносилась с огромным апломбом. Самые банальные замечания становились глубочайшими откровениями, слезными протестами, страстными воззваниями с биением себя в грудь.

– Очевидно, республикой?

– Как вы это себе представляете? – Говоривший хмуро взглянул в сторону Орсо. Он выглядел смутно знакомым. Внушительные бакенбарды. – У нас до сих пор есть *король*!

– Да, это весьма прискорбно. – Орсо не разглядел, кто это сказал.

Вероятно, того же мнения придерживались здесь все. В конце концов, он и сам долгое время так думал. Он не очень понимал, почему ломатели не разделились с ним сразу же, в день Великой Перемены. Возможно, не могли вот так сразу отказаться от остатков почтения к королевской особе. А возможно, считали, что его присутствие придаст происходящему какой-то налет легитимности. Возможно, он был для них предпочтительнее в роли бутафорского монарха, которого все презирают, нежели мученика, за которого кто-то может захотеть отомстить. Но, скорее всего, они просто боялись разрушать прошлое сразу, в один присест, и придерживали его для зрелищного финального акта.

Каковы бы ни были их соображения, ломатели соорудили для содержания королевской особы смехотворную загородку – нечто среднее между театральной ложей и скамьей подсудимых, – выкрашенную дешевой золотой краской, уже начинавшей отслаиваться. Орсо не очень понимал, играет ли он роль символической фигуры, придающей их действиям некоторый авторитет, или ненавистного напоминания обо всем, что они пытались оставить в прошлом. Он чувствовал себя чем-то наподобие того нелепого павлина, которого посол какой-то южной страны однажды подарил его матери. Она держала птицу в серебряной клетке, чтобы показывать посетителям. Павлин выглядел глубоко несчастным, извергал невероятное количество помета и прожил совсем недолго.

Ему было бы хоть немного легче, если бы Великая Перемена смела с мест всех прежних обитателей Открытого совета – но горстка наихудших врагов Орсо каким-то образом умудрилась остаться на прежних позициях. Лорд Ишер, словно змея, выскользнул из своего укрытия. Лорда Хайгена выпустили из тюрьмы. А в переднем ряду вместе с несколькими другими выжившими мятежниками-аристократами сидел Молодой Лев. Тем временем немногочисленные дворяне, оставшиеся верными короне, томились в подземных камерах Дома Истины. Мир поистине вывернулся наизнанку: изменники теперь были патриотами, перебежчики – верно-подданными, разврат считался чистотой, а правдивые речи – ложью.

Помимо укороченной версии лорда Брока от Инглии больше не было делегатов. Там снова заправляла леди Финри, тщательно взвешивая свои возможности. Старикланд тоже не был представлен. Лорд-губернатор Скальд официально осудил Великую Перемену и, если Орсо хоть сколько-нибудь знал своего зятя, уже сейчас прикидывал, как можно будет повернуть ее к своей выгоде. Единственными зарубежными представителями были несколько встревоженных вестпортских старейшин, без сомнения, с каждым новым днем жалевших о принятом решении остаться в стране. Орсо рассеянно подумал, не сможет ли передать через них весточку своей матери и сестре в Сипани, заверить их, что у него все в порядке. В конце концов, успокоительная ложь всегда была тем клеем, что скреплял их семейство.

– Союз *всегда* являлся и *посейчас* является монархией, – донесся до него голос Ризинау, как всегда, избыливающий ненужными акцентами.

«Председатель Ризинау» – так он себя называл. Более чем уместно, учитывая, что он почти не вставал с кресла.

– Набрасывая контуры нашего будущего, мы *не можем* не признавать наше прошлое. Однако отныне это будет новой *разновидностью* монархии, а следовательно, мы должны изобрести для нее новый термин! – Ничто не приносило Ризинау большего наслаждения, чем возня с терминами. Это был не человек, а настоящая фабрика словоблудия. – Мы можем назвать ее *представительской* или, возможно, *конституционной* монархией...

Среди новых народных избранников были рабочие, купцы, печатники, изготовители оптики, часовых дел мастера, свечные литейщики; имелись даже пара горничных и одна воинствующая прачка. Но также здесь было непропорционально большое количество разнообразных артистов, поэтов и – самое туманное из определений – «интеллектуалов». Ризинау явно считал себя неким сочетанием того, другого и третьего, хотя в его извилистых словесных конструкциях Орсо не находил большого артистизма, поэзия там если и была, то лишь самого дешевого толка, а интеллект отсутствовал вовсе.

– Я думаю, что у нас должна быть письменная конституция!

Снова тот, с бакенбардами – склонился над свитками, разложенными на Высоком столе, зажав в перепачканной чернилами руке перо. До Орсо наконец дошло, кто это: Спиллион Суорбрек, тот самый чертов писателишко, в чьем кабинете они когда-то встречались с Савин. Вопреки всему это воспоминание вызвало нечастую теперь улыбку на его лице.

– Мне представлялось что-нибудь наподобие, э-гм... «Мы почитаем самоочевидными следующие факты...»

В среде великих мыслителей мгновенно возникли возражения:

– Как это? Не может быть ничего самоочевидного!

– Претенциозно! Самонадеянно!

– Сама идея плоха.

– Ужасная первая строчка.

Перо скребнуло по бумаге, вычеркивая начало.

– Да уж, непростое это дело! С самых первых набросков... Совсем не то, что писать беллетристику.

Судья в очередной раз громко и презрительно фыркнула. Она сидела, развалившись в кресле и закинув одну босую ногу на Высокий стол, так что грязная подошва указывала прямоком на председателя. Ее губы были искривлены в застывшей высокомерной усмешке, глаза раз и навсегда сошурены. Среди ее последователей – сжигателей – распространилась мода окрашивать разные части своей одежды в красный цвет. Некоторых из них можно было видеть на скамьях: красные шляпы, красные рукава, красные штанины. Словно их вымочили в крови. Возможно, так оно и было.

- Давайте пока что пропустим первую строчку.
- Мы еще не начали, а уже пропускаем?
- Разве писатели не говорят, что первую строчку нужно писать в последнюю очередь?
- От писателей только такую вот чепуху и услышишь...

И так далее и тому подобное. Курс дебатов направлялся либо прихотями Ризинау, либо теми из присутствовавших, кто кричал громче всех. Посередине одного обсуждения они плавно переходили на другое. Это была воистину самая удручающая демонстрация дурного управления, какую Орсо доводилось видеть с тех пор, как он в последний раз сидел в этом помещении, еще до Великой Перемены. Он наклонился вбок, протягивая бокал:

- Хильди, ты не могла бы плеснуть мне еще?

В день падения Агрионта она, как ей и было приказано, растворилась в толпе – однако тут же сконденсировалась обратно, как только убедилась, что толпа не разорвала его на месте. Орсо сделал ей строгий выговор за непослушание, но, по правде говоря, он был до слез благодарен девочке за эту не заслуженную им крупницу верности. У нее конфисковали фуражку – что вызвало поток ругательств, все еще не до конца иссякший, – но в остальном позволили ей остаться на своем посту и носить свою абсурдную ливрею. Подход, типичный для нового режима: какие-то вещи они яростно ниспровергают, другие оставляют и даже порой слезно превозносят. И во всем этом – ни малейшей закономерности или цели.

- Вы уверены? – пробормотала она, не разжимая губ.

– Боишься, им не понравится, что я много пью? Ну так я им и без того не нравлюсь настолько, что они даже низвергли монархию. Они оставили мне вино – плохое вино, но это лучше, чем ничего. Так что, я считаю, лучше им воспользоваться.

Его взгляд на мгновение встретился со взглядом капрала Танни, грузно сидевшего на скамье в задних рядах. Это причинило Орсо больше боли, чем он ожидал, – видеть своего старого знаменосца в рядах врагов. Но нельзя ожидать от оплачиваемых прихлебателей, что они будут продолжать прихлебательствовать после того, как им перестанут платить, а никто не выражал собой изменническую, упадочную и подлую натуру простонародья лучше, чем капрал Танни.

Суорбрек продолжал жужжать:

– Если мы примем, просто на данный момент, в качестве временной меры, в дальнейшем подлежащей пересмотру, что мы все же рассматриваем определенные факты как самоочевидные... – Последовала исполненная многозначительности пауза. – То что это могут быть за факты?

– А! – Ризинау приставил палец к губам и снова задумчиво направил взгляд к куполу. – Да, вот *это*, пожалуй, *значительно* более глубокий вопрос!

Орсо со стоном распростерся в кресле и позволил своему взгляду лениво скользнуть вдоль переднего ряда. Лишь один из сидевших там осмелился посмотреть ему в глаза. Молодой Лев больше не выглядел ни особенно молодым, ни хоть сколько-нибудь похожим на льва. Его лицо было опустошенным, покрытым морщинами боли, а с левой стороны исполосовано до сих пор не зажившими шрамами, один из которых оттягивал угол рта, придавая этой половине лица постоянное страдальческое выражение.

Орсо поднял бокал в молчаливом приветствии. В конце концов, зачем тратить силы на ненависть? Мир, в котором они были соперниками, уже ускользнул в небытие под их ногами, словно пошедший на дно корабль. Все они барахтались в воде, пытаясь выжить.

* * *

Лео сидел, испытывая непередаваемые мучения. Раздавленная рука немела и пульсировала, отдаваясь в плечо. Во рту было солоно, обеззубевшие десны саднили. Непрестанно ныла стопа, которой у него больше не было. Мучительно чесался обрубок ноги.

– Во имя мертвых, – беззвучно выдохнул он, елозя на сиденье.

Ему хотелось разорвать зашитую брючину, вцепиться в кровавые раны, рвать их ногтями, грызть швы, словно волк, пытающийся отгрызть застрявшую в капкане лапу. Он плотно зажмурил глаза, пытаясь сосредоточиться на дыхании, пытаясь слушать – но не мог разобрать ни слова. Толпа ревела и лопотала, сливаясь с гулом крови у него в ушах, и в ее шуме было не больше смысла, чем в шуме штормового моря.

От него осталась искалеченная оболочка. Измученный призрак. Он больше никогда не будет собой.

– Вы в порядке? – спросил Хайген.

Лео постарался, как мог, изобразить на лице улыбку. Оскал черепа.

– Все отлично.

Он никогда не умел лгать, но это, должно быть, было самой жалкой ложью в его жизни.

– Если бы я был на вашем месте, – протянул Ишер, – я постарался бы как можно скорее выбраться из этого сумасшедшего дома и припустил бы в Инглию со всех ног! – По-видимому, осознав, насколько неудачен его выбор слов, он поспешил поправиться: – Со следующим же приливом, я хотел сказать.

– Савин вот-вот рожать, – буркнул Лео. – Вряд ли она сможет сразу отправиться в плавание. – Даже говорить было больно, черт! – В любом случае, комиссар Пайк пригласил нас остаться. В том смысле, что мы по-прежнему пленники. Не сомневаюсь, что его люди следят за нами.

– Его люди следят за всеми, у кого есть «дан» в имени, – пробормотал Хайген.

– Мы сами следим для него друг за другом. – Хайген с подозрением окинул взглядом окружающие скамьи. – Выходит даже дешевле.

– Господа, позвольте? – крикнул кто-то.

– Граждане! – заревел кто-то в ответ.

– Граждане, разумеется! Мои глубочайшие извинения! – Новый оратор казался перепуганным до смерти. Здесь никого не покидало ощущение, что твои малейшие ошибки подмечаются, запоминаются и очень скоро будут использованы против тебя. – Я хотел поговорить о стенах! О городских стенах и стенах Агрионта. С практической точки зрения они являются препятствием для роста города. Символически же они напоминают нам о притеснениях монархического режима!

Ишер вскочил с места – когда хотел, этот человек мог двигаться стремительно. Например, когда он покидал поле боя при Стоффенбеке... Или когда спешил вернуться, увидев, что может этим что-то выгадать.

– Тем не менее они чертовски необходимы для обороны города! – Лео показалось, что он специально огрубляет свой отрывистый выговор, характерный для миддерландской знати, чтобы звучать более похоже на простолюдина. – У нас будут зарубежные враги, завидующие нашей свободе. Будут враги в провинциях, желающие утащить нас обратно в прошлое. Будут враги в нашей собственной среде, жаждущие снова посадить нам на головы короля!

Ишер указал на Орсо, который наблюдал за этим представлением с выражением усталого презрения.

Те, кто захватил власть обманом или силой, всегда боятся, что ее у них отберут. Со скамей послышалось одобрительное бормотание, прокатилась волна кивков. «Впрочем, публика на галерее выказывала меньше энтузиазма – не столько по отношению к сказанному, – подумал Лео, – сколько к тому, кто это сказал».

– Аристократы! – прокричал кто-то сверху. – Вечно цепляются за свою аристократическую символику!

С галереи посыпались оскорбления, объедки, смятые памфлеты. Король приветствовал этот ливень, подняв бокал и сделав ленивый глоток.

– А что скажет Молодой Лев?

– Давайте послушаем Брока!

Ризинау ударил молотком по столу, требуя порядка, и Лео вздрогнул: звук напомнил ему тот пушечный залп в Стоффенбеке. Разрушенное здание ратуши. Его лошадь, падающая на него сверху. Антауп, придерживающий окровавленными руками живот. Йин, утыканный арбалетными стрелами.

Он попытался вытереть лицо, скользкое от холодного пота.

– Вы должны сказать что-нибудь, – пробормотал Ишер, хмурясь в направлении глумливо ликующей галереи.

Мысль о том, чтобы встать, вызвала в нем ужас, однако где-то глубоко внутри него, должно быть, еще оставался какой-то упрямый кусочек прежнего Молодого Льва. «Лучше сделать дело, чем жить в страхе перед ним», – как любил говорить Ищейка. Может быть, Лео и потерял ногу и руку, но он покажет этим мерзавцам, что сердце у него еще осталось!

Хайген помог ему подняться, в то время как Ишер втиснул ему под мышку костыль, после чего оба уселись обратно, рукоплеща его мужеству. Конечно, он не тот человек, что был прежде – он никогда не будет прежним, – но калека в качестве диковинки всегда способен сорвать парочку аплодисментов.

С дрожащей ногой, с полыхающей культей Лео вытянулся во весь рост, поднял подбородок и взревел на весь гулкий зал, так же, как некогда в Инглии ревел своим кавалеристам, поднимая их в атаку:

– Граждане! Мы изменили мир! Это была Великая Перемена! – Перемена от плохого к значительно худшему, в его случае. Однако он услышал хлопки. Во всяком случае, он надеялся, что это хлопки, а не просто кровь шумит в его раскалывающейся голове. – Но нам еще очень много предстоит сделать!

Пот щекотал ему скальп, щекотные капли скатывались по лбу. Он остановился, переводя дыхание, пытаясь думать сквозь боль. Всю свою жизнь он думал только о том, что хотел сказать сам, не уделяя ни единой мысли тому, что от него хотели услышать.

– Стены... больше нас не защитят! Только единство! – Во имя мертвых, весь зал плыл перед его глазами. – Те, кто получил великие привилегии, должны быть готовы идти на большие жертвы!

Им нужен какой-то благородный жест. Лео оскалил зубы:

– Поэтому... я отказываюсь от приставки «дан» в своем имени! Я отвергаю ее! Я вырываю ее с корнем! Мы все должны... быть равными!

Без сомнения, теперь ему хлопали – это была настоящая овация. Люди вставали с мест. Кто-то орал: «Молодой Лев!», снова и снова. Казалось, ушла целая вечность, прежде чем Лео смог повернуться, пошатываясь на единственной ноге, вцепившись в липкий от пота костыль ноющей рукой. Ишер, Хайген и остальные лорды смотрели на него с немалым беспокойством.

– Я уверен, что мои товарищи... те, кто прежде сидел в Открытом совете... с радостью последуют моему примеру. По крайней мере, я... – Он собрал все силы для последнего рывка

и проревел срывающимся голосом прямо в купол: – Не могу представить титула более гордого, чем «гражданин»!

Бешеные аплодисменты и топот ног с галереи для публики, казалось, слились с его грохочущим сердцем, с пульсирующей болью в обрубке ноги. Он с трудом мог расслышать то, что говорит Ризинау:

– Несомненно, Ассамблея желает поблагодарить Молодого Льва за его жертвы во имя Великой Перемены! Всех нас не может не вдохновлять то, что он так скоро оправился от своих ран и вернулся на службу нации. Пусть стены Агрионта будут разрушены! Нам, тем, кто обладает властью, больше нет нужды отделять себя от народа. – Ризинау шлепнул по столу пухлым кулаком. – Мы *сами* народ!

Снова аплодисменты. Еще один колеблющийся, неверный полушаг-полупрыжок, и Лео рухнул на переднюю скамью. Ишер подхватил его под руку, хлопнул по спине, маша рукой в направлении галереи, и яростно прошипел сквозь застывшую на лице улыбку:

– Мы на это не соглашались!

– Ничего, согласитесь.

Лео было глубоко наплевать на неудобства, которые он причинил этому трусливому червяку. Ему было вполне достаточно собственных.

– Когда вы потеряете руку и ногу, – прорычал он, сжимая пульсирующую культю, – кусочек вашего имени не покажется такой уж большой жертвой.

* * *

Броуд стоял в военном мундире, который поклялся больше никогда не надевать.

Теперь его звали «капитан Броуд» – черт возьми, кто бы мог подумать! Интересно, что сказала бы на это Лидди. Скорее всего, спросила бы, какого черта он тут делает. Хотел бы он сам это знать... Он не напрашивался на это. Даже не соглашался. Но и не противился, когда это произошло.

– Символы обладают *могуществом*! – Снова тот треклятый писатель, Суорбрек, только что пену со рта не роняет от увлеченности. – И статуи на аллее Королей являются самыми могущественными символами из *всех*! Неужели представители народа будут обязаны каждый день проходить в буквальном смысле под стопами таких угнетателей, как Гарод Великий или маг Байяз? О нет! Я скорее отдам свою *жизнь* – отдам ее на *эшафоте*, где столько мучеников погибли от лап инквизиции, – чем еще хоть день буду смотреть на такой позор!

– Гражданин Суорбрек желает дать людям свободу, – пробормотал Бринт, каким-то чудом преобразовавшийся за несколько недель из лорд-маршала при старом режиме сперва в заключенного изменника, а затем в генерала Народной Армии. Подобные взлеты и падения нынче можно было видеть в Аду повсеместно.

Броуд вспомнил Вальбек. Улицы, заваленные обломками. Толпы и костры. Суп из обоев.

– Людям нужен хлеб, – сказал он. – Потом безопасность. Потом крыша над головой. Свобода где-то ближе к концу списка, а принципы еще дальше.

– Возможно, вам стоило бы стать представителем.

Броуд поднял брови, оглядывая ряды скамей. На них сидело какое-то количество неплохого народа. Честные люди со светлыми идеями и добрыми намерениями. Жаль, что им почти что не удавалось вставить слово.

В первый день, когда собралась Ассамблея, был момент, когда они все принесли присягу служить народу, потом были громоподобные овации, от которых затрясся купол, и все принялись бросать в воздух свои головные уборы. Чья-то кепка до сих пор висела, зацепившись за резьбу пониже галереи. В тот момент Броуд был уверен, что отныне дела пойдут на лад. Что теперь всем станет лучше жить. Но еще до окончания сессии все начало закисать. Даже если

они приходили к согласию насчет того, чего хотят люди, то не могли согласиться, как этого достичь. И с того самого момента они топтались на месте, словно повозка, у которой на каждом углу запряжено по лошади.

Броуд сложил руки поверх выданного ему нагрудника.

– Спасибо, генерал, у меня и без того работенка достаточно дерьмовая.

– Добрые люди должны держаться вместе. Чтобы попытаться как-то сдержать все это безумие.

Если такова была цель, то, на взгляд Броуда, она уже потерпела поражение.

– Не могу вам ничего обещать.

– И не надо. Все равно обещания никто не держит.

– Мы должны снести Дом Делателя! – пронзительно вопил человек с огромной бородой, потрясая огромной пачкой бумаг. Должно быть, планы на будущее. Этого добра нынче везде было в избытке. – Этот символ регресса!

– Наша проблема не Дом Делателя! – горланил мощный здоровяк с татуировкой якоря на щеке. – Не статуи и не чертовы стены! – Он набрал в грудь воздуха, раздувая ноздри. – Гребаные *чужестранцы* – вот наша проблема!

Броуд скривился. Гнев переполнял здесь всех и каждого. Все искали кого-то, кого можно обвинить. Любая ситуация грозила перейти в физическую расправу. Он чувствовал себя так, словно вернулся в Стирию, на войну. Сжатый кулак, чешущийся, готовый ударить. И хуже всего – Броуд не был уверен, что ему не нравится это чувство.

– Граждане, прошу вас! Мы должны действовать заодно! – Со скамьи вскочил костлявый старик с копной спутанных седых волос. В его голосе было что-то отчаянное, заставившее всех остальных на мгновение затихнуть. – На протяжении последних двенадцати лет я распоряжался благотворительностью на Трех Фермах, и я клянусь вам, что положение никогда не было таким ужасным! Никогда!

Несколько наиболее оборванных представителей простонародья одобрительно закивали. Несколько представителей знати закатили глаза.

– Мы вырвали бразды правления у Закрытого совета. Отлично! Я аплодирую этому! Эти люди тащили нашу страну в пропасть. Зернохранилища стоят пустые как никогда. Угля почти не достать. Те бедствия, которые привели к народному восстанию – нищета, дефицит, упадок, болезни, – все это не исчезнет само собой просто потому, что мы перделаем несколько статуй! Все знаки указывают на то, что эта зима будет суровой. Мы должны принять меры, граждане! Мы должны быть готовы!

Броуд поймал себя на том, что одобрительно кивает, однако шум в зале снова усилился. Кто-то хлопал, кто-то свистел; звучали выкрики в поддержку и возгласы протеста. Голос старика был слишком слаб, чтобы с ними справиться, и вот с места уже вскочил Суорбрек и замер, перекрывая его:

– Разумеется, мы должны быть готовы – но мы не должны поддаваться *пораженческим настроениям*! Мы не должны поощрять в себе опасную *ностальгию* по «старым добрым временам», которых никогда не было! Я скорее отдам свою *жизнь*, чем буду смотреть, как эта благородная Ассамблея занимается придирками, отписками и грызней. Мы не имеем *права* порочить свою нацию!

– Прежде чем наполнять желудки людей, мы должны снабдить пищей их *умы*, – согласился Ризинау. – Лишь имея правительство, основанное на здоровых принципах равноправия и справедливости, сможет наша нация процветать!

И в то время как старик, лишенный последних сил, рухнул на свою скамью, остальные представители поднялись на ноги, чтобы поаплодировать своему председателю – они проде- лывали это постоянно. Броуд крепче стиснул кулаки и бросил взгляд на Судью, которая расслабленно полулежала на своем кресле, положив затылок на спинку и почесывая вытянутую

шею. То ли с ужасом, то ли с возбуждением он вдруг осознал, что она тоже смотрит ему прямо в глаза.

Броуд вспомнил, как сидел, привязанный к стулу, а она сидела у него на коленях и терлась об него пахом, – и снова ощутил ту виноватую щекотку глубоко внутри. Он вспомнил ее ухмыляющееся, забрызганное кровью лицо, когда он раскроил череп тому банкиру, – и щекотка стала еще отвратительнее... еще восхитительнее...

В уголке ее рта дрожала едва заметная улыбка. Словно она в точности знала все, о чем он думал. «Против своей природы не попрешь...»

– Я хотел бы уточнить один вопрос!

Когда все представители расселись по местам, один человек остался стоять в проходе. Самого обычного вида, в поношенной, заляпанной грязью одежде, с дорожным посохом в руке. Ризинау воззрился на него.

– Я не узнаю вас, гражданин. Какой район вы представляете?

– О, это мастер Сульфур! – Король попытался сделать глоток из своего бокала, нахмурился, перевернул его кверху дном и вытряс пару капель себе на штаны. Потом перевел ленивый взгляд в сторону скамей. – Он представляет орден магов.

При этих словах собрание взволнованно загудело и галерея тоже. Броуд, подняв бровь, взглянул на Бринта. Генерал пожал плечами. Их теперь мало что могло удивить. Если бы со скамьи поднялся дракон, скорее всего, ему бы спокойно сообщили, что его иск отклонен ввиду несоблюдения процедуры.

– Мой хозяин, Байяз, весьма озабочен последними событиями, – провозгласил Сульфур, – происходящими в Союзе, который он основал. В городе, который он построил. Касающимся короля, которого он короновал.

Он указал на Орсо, который откинулся на спинку кресла, протянув бокал, чтобы его снова наполнили.

– Прошу, поблагодарите своего хозяина за его заботу, – отозвался Ризинау, – но скажите ему, что он может больше не беспокоиться! – (Смех, одобрительный стук кулаков по скамьям.) – Свободные люди Союза не нуждаются в его вмешательстве!

– Как скоро вы забываете, – сощурил глаза Сульфур. – А ведь не сменилось даже одного поколения с тех пор, как он спас Аду от угрозы едоков!

– Разрушив половину города и принеся смерть тысячам людей! – парировал Ризинау. – Возможно, Байяз действительно спас нас от едоков, но я не могу не спросить... кто спасет нас от Байяза?

Снова смех и гневные выкрики. Ризинау сверкнул скупой натянутой улыбкой:

– Генерал Бринт, не могли бы вы проводить нашего посетителя? Эпоха магов закончилась, мастер Сульфур. Настает эпоха разума!

– Разума? – Сульфур обвел взглядом скамьи и зашипел от негодования: – Надеюсь, я ее не увижу!

И он зашагал вверх по проходу, стуча посохом о ступени.

Не успел он дойти до двери, как кто-то другой уже принялся орать, чтобы его услышали:

– Я требую, чтобы мы заново рассмотрели вопрос о том, действительно ли это собрание должно называться *Ассамблеей* представителей! Я хотел бы предложить вариант «Коллоквиум»...

Ответом ему был хор стонов.

– Опять?!

Чудеса

Горло Савин было сорвано от воплей.

Снаружи было темно. Ни лучика света не проникало между ставнями. Значит, прошло несколько часов. Ей казалось, что прошла вечность.

Один и тот же вопрос безостановочно крутился у нее в мозгу: сколько ее знакомых женщин умерли при родах?

– Миледи... – начал акушер.

– Черт... подери... *не зовите...* меня так! – огрызнулась она через плечо между судорожными вздохами, едва не задохнувшись собственным языком от ярости. – Так больше... никого... не называют.

– Конечно, конечно, приношу свои извинения! К новым временам не так быстро привыкаешь. – Он говорил самым благодушным, монотонным голосом, словно они обсуждали погоду и его пальцы вовсе не были засунуты в ее влагище. – Вы можете тужиться, если почувствуете необходимость...

– Да что вы, ..., говорите? – завопила Савин ему в лицо.

Мысль, что она может *перестать* тужиться, казалась абсурдной. Тужиться было всем, что у нее осталось в мире.

Идиотская сорочка, которую ей выдали, сбилась вокруг шеи, душила ее. Савин попыталась ее сорвать, запуталась, принялась рвать ее с себя, брызжа слюной. Затрещали швы, и сорочка, наконец высвободившись, упала на кровать, намотанная на ее запястья. На ней были пятна крови. Руки Зури быстро схватили ее и убрали прочь, сложив так, чтобы крови не было видно.

Сколько ее знакомых женщин умерли при родах?

Она закричала, и боль в нижней части живота усилилась, и крик перешел в стон, стон стал воем, вой – криком, а крик превратился в душераздирающий вопль. Савин обоими кулаками стиснула простыни, попыталась взобраться вверх по спинке кровати, но так было еще хуже, и она шлепнулась обратно, но так было еще хуже, и она принялась отчаянно извиваться, стоя на четвереньках, – но ей становилось все хуже и хуже.

– ..., – выдохнула она. – ...! ...! ...!!

Савин пожалела, что не знает более крепких ругательств. Жаль, что Зури не научила ее кантийскому – у них на юге есть совершенно дикое проклятие... Черт, как жарко в комнате! Пот щекотал ей голову, но онемевшие руки так сильно дрожали, что она не могла даже почесаться.

Люди входили и выходили. Вламывались в комнату с водой, с одеждой, с какими-то сообщениями. Стоя на четвереньках, голая, кверху задницей, вереща как свиноматка, Савин не обращала на них внимания. Если на то пошло, она была даже благодарна за струю свежего воздуха, когда дверь в очередной раз открылась.

– Прошу простить за всю эту суету, – пробормотал акушер.

– Да ладно, впускайте сюда хоть весь чертов город, – рявкнула она, – только вытащите из меня чертова ребенка!

Схватки теперь происходили так быстро, что превратились в сплошную непрекращающуюся пытку. Савин снова стиснула зубы с такой силой, что они, казалось, вот-вот рассыплются.

Все говорят: «Это самая мучительная боль, какая только бывает» – слегка злорадным тоном, с понимающе поднятой бровью поглядывая на твое раздутое брюхо. Все так говорят, но ты убеждаешь себя, что они слишком драматизируют. Ее мать то и дело вспоминала о своих детородных муках, словно это был долг, который Савин никогда не сможет выплатить, – ну так на то ее мать и была одной из наиболее склонных к преувеличению людей в мире. Теперь

Савин казалось, что она скорее недоговаривала... Во имя Судеб, как ей хотелось, чтобы ее мать была здесь! Конечно, та наверняка была бы в подпитии, но в критических ситуациях она всегда умела сохранять трезвую голову.

Савин почувствовала на своем плече твердую руку Зури. Та принялась растирать ей ноющую спину, и Савин испытывала к ней бессильную благодарность за это. Она хотела заплакать, но обнаружила, что уже плачет.

– Возможно, будет легче, если вы ляжете на спину... – начал акушер.

– Легче для *кого?*..

– Вот! Боевой дух – это то, что нам нужно.

Она разразилась очередным хриплым воем, пыхтя и содрогаясь, извиваясь всем телом, но из этой ситуации было не вывернуться. Савин хотела в жизни так много всего! Победить всех, завоевать всё, заполучить всё сразу, причем так, чтобы все видели... Теперь ей нужно было лишь одно: чтобы это побыстрее закончилось.

Сколько ее знакомых женщин умерли при родах?

Если это продлится еще какое-то время, то, возможно, смерть будет предпочтительнее.

– Еще немного поднатужиться и...

– Иди на!..

– Отлично, отлично.

Савин снова завопила. Она вопила, пока у нее не треснул рот. Она вопила, пока из нее не вывалились кишки. Она вопила так, словно ее резали, – она и чувствовала себя так, словно ее режут. Жгучая, пылающая, рвущая боль прибавилась ко всему остальному, а потом у нее кончилось дыхание, ее вопль выродился в сиплый стон, и она почувствовала, как из нее что-то выскользнуло.

Зури обняла ее голову обеими руками.

– Все, – прошептала она. – Все кончено.

Это были лучшие слова, какие Савин доводилось слышать. Она обмякла, уткнувшись лицом в постель. Дыхание вырывалось судорожными всхлипами.

Кто-то помог ей перевернуться. Кто-то вытирал ее бедра. Кто-то накрыл ее простыней, прохладной, льняной, натянув до подбородка.

Постель была мокрой. Мокрой и липкой. Но ей было все равно. Она лежала с закрытыми глазами и просто дышала. Агония закончилась. Осталась только тупая боль в пояснице.

Она словно бы плыла, возлежав на облаке. Кто-то промакивал ей лицо фланелевой тряпкой. Савин сомневалась, что это сильно поможет, но если им это нравится – пускай продолжают. Она не станет им препятствовать.

Откуда-то доносилось пение – один из ломательских маршей, где-то на Прямом проспекте. Их долго держали взаперти, поэтому они любили маршировать. Им долго затыкали рты, поэтому они любили петь. Изрекать свое мнение на каждом углу. Пищи и топлива не хватало, но мнений было всегда предостаточно.

Откуда-то слышались рыдания – протяжные, отчаянные, безумные. Словно раненая кошка. Очень громкие... Может быть, это здесь, в комнате? Может быть, это она сама? В последнее время люди только и делали, что плакали. Выставлять свои эмоции напоказ стало модным. Еще лучше – вываливать их в толпу. Впрочем, возможно, у них было много причин плакать. У некоторых больше, чем у других.

Разумеется, в круге ее знакомых начали появляться пустые места. Те, у кого были особенно плохие отношения с рабочими, или те, кому особенно не повезло. До нее доходили самые отвратительные слухи. «Кстати, вы слышали: такого-то вчера выловили из канала?» – «И, между прочим, того-то зарезали и раздели, а тело бросили в помойную яму»... Она пыталась делать вид, будто это всего лишь слухи. Делать вид, будто она не помнит лиц этих людей, смеявшихся на каком-нибудь приеме, еще до Великой Перемены.

Разумеется, в Агрионте царил хаос. После внезапной и безвременной кончины Закрытого совета бюрократический аппарат продолжал двигаться вслепую, шатаясь, словно курица с отрубленной головой. Ломатели разломали большую часть механизмов управления, и теперь Ризинау и его прихлебатели размахивали вырванными рычагами, очевидно, даже не понимая, что те больше ни к чему не прикреплены. Савин спросила у Лео, как идут дела в Ассамблее представителей, и он ответил, что ему доводилось проигрывать битвы, но никогда не доводилось видеть такого бардака.

Однако в то же самое время жизнь продолжалась. Горны в районах Арок и Трех Ферм по-прежнему пылали – большей частью. Колеса по-прежнему вертелись – большей частью. Товары по-прежнему производились, цены по-прежнему назначались и уплачивались, деловая жизнь продолжала вестись – возможно, на пониженных тонах, с покачиванием голов относительно нынешнего положения вещей. Актеры по-прежнему вышагивали по сценам Адуи – хотя им пришлось в срочном порядке выпустить новые пьесы, восхваляющие простого человека, а при поднятии занавеса они просили у публики аплодисментов для председателя Ризинау, а не для его величества.

По крайней мере, так Савин слышала. Сама она в последнее время практически не выходила из дома. Она не была уверена, как ее теперь примут. Встретят презрительными возгласами и свистом, словно злодея в уличной пьесе? Или восторженными криками, какими всегда приветствовали ее мужа, хотя он не делал ничего особенного, помимо того, что ему заблагорассудится? Или же кулаками и палками, и петлей, свисающей с балки где-нибудь в складском помещении, какие ждали некоторых из ее менее популярных деловых партнеров на протяжении тех первых кровавых дней?

Всю свою жизнь она выставляла себя напоказ. Однако бывают времена, когда здравый смысл подсказывает, что человек со вкусом должен держаться подальше от общественной деятельности...

– Это мальчик, – сказала Зури.

Савин уже уплывала в объятия сна. Свет лампы заблестел в ее мокрых глазах, когда она снова их открыла. Зури стояла над ней, протягивая ей что-то – белоснежный сверток, тщательно запакованный, словно подарок. Белоснежный сверток с крошечным, сплюснутым личиком.

У Савин вырвалось нечто вроде всхлипа, откуда-то из самого нутра.

Она протянула к нему руки. У нее почти не оставалось сил даже на то, чтобы их поднять, но ей так хотелось поддержать его! Она сама не понимала почему. Слезы текли из нее ручьем, в носу хлюпали сопли, а воспаленный рот непроизвольно искривился. Она прижала сверток к груди, издавая нечленораздельные звуки.

– Я стала матерью, – прошептала она.

Зури подняла черные брови:

– Единственный из возможных выводов.

До Савин донесся звук журчащей воды – акушер мыл в раковине окровавленные руки.

– Вы прекрасно справились, – сказал он ей с аккуратной улыбкой на опрятном лице. – Просто замечательно. Передайте лорду Броку, что он может познакомиться со своим сыном!

Савин испытала смутное желание снова послать его подальше, но, вероятно, теперь это было бы уже плохим тоном. К тому же она была занята тем, что смотрела на лицо своего малыша и улыбалась ему. Улыбалась слезливой, дрожащей, ничем не защищенной улыбкой, абсолютно на нее не похожей.

Человек! Крошечное, беспомощное человеческое существо, возникшее внутри ее тела.

Савин всегда презирала детей, даже больше, чем домашних животных. Когда другие женщины принимались лопотать и агукать над ними, она обычно снисходительно улыбалась и говорила то, что принято говорить в таких случаях, думая про себя о том, какие это безобраз-

ные, морщинистые, бессмысленные существа – пронзительно вопящие, требующие постоянной помощи во всем и ежечасно пачкающие пеленки.

Конечно же, все говорят: «Когда у вас будет свой, он покажется вам прекрасным» – с самодовольным видом, словно извергнуть из себя ребенка – это какое-то тайное знание, словно они стали какими-нибудь членами магического ордена. Все так говорят, но ты убеждаешь себя, что они просто пытаются хоть чем-то оправдать свалившееся на них проклятие родительства. И черт с ними, пускай обманывают себя!

Теперь ей казалось, что они скорее недооценивали ситуацию. Ее ребенок был невероятно, потрясающе прекрасен; каждое его шевеление казалось чудом... Какая банальность!

– Мальчик, – прошептала Савин.

Она смутно припоминала, что раньше предпочитала дочь. Но теперь каким-то образом оказалось, что сын – это в точности то, чего ей всегда хотелось.

До нее доносились разговоры откуда-то возле двери. Мужские голоса. Теплые слова. Поздравления... Словно они были хоть как-то к этому причастны!

Она услышала неровное постукивание костыля по доскам пола и подняла полные слез глаза. Над кроватью стоял Лео. Его плечи теперь были непривычно перекошены – одно было ниже, поскольку бесполезная рука была заткнута за отворот куртки, другое выше, поскольку этой подмышкой он налегал на костыль.

– Столько крови, – хрипло выговорил он, широко раскрывая глаза.

– Совершенно нормальное явление, – заверил акушер. – Нет причин волноваться.

– Это мальчик, – сказала Савин, улыбаясь и плача одновременно.

Нахмутив лоб, он уставился на крошечное личико ребенка. Словно все это явилось для него полнейшей неожиданностью.

– У меня сын!

– У нас... А! – Савин скрипнула зубами, когда внезапная колющая боль пронзила ее живот, спустившись к ногам. – А-а!

Еще один спазм, еще хуже первого, так что она дернулась всем телом.

– В чем дело?

– Возьми его, – выдавила она, протягивая ребенка трясущимися руками.

Лео попытался опереть свой костыль о кровать, но его запястье застряло в перекладине, и он едва удержался на ногах, когда Зури скользнула мимо него.

– Проклятье!

– Возьми его... А-а!

Савин выгнула спину. Новый приступ боли, гораздо продолжительнее, гораздо сильнее. Она повернулась на бок, лягаясь, всхлипывая, извиваясь на окровавленных простынях; потом снова встала на четвереньки, со стоном хватая ртом воздух, трясаясь от слабости, трепеща от страха.

Сколько ее знакомых женщин умерли при родах?

– Что с тобой? – пролепетал Лео, привалившись к стене возле кровати.

Акушер был уже рядом с ней, он хмурился, нажимая холодной рукой ей на живот.

– Лорд... я хотел сказать, *гражданин* Брок, возможно, вы бы предпочли подождать снаружи...

– ...твою мать! Кому какое дело, что бы он предпочел! – прошипела Савин сквозь стиснутые зубы. – Что со мной?

– Ничего особенного. – Акушер поглядел на нее поверх поблескивающих глазных стекол. – Но боюсь, вам предстоит сегодня еще немного потрудиться.

Савин ощутила, помимо боли, охватившую ее волну холодного ужаса.

– В чем дело?!

Зури, державшая ребенка на сгибе локтя, взяла свободной рукой ладонь Савин и сжала ее.

– Двойня.

Небольшое публичное повешение

Ребенком Орсо обожал гул далекой толпы. Толпа означала зрелище, праздник, волнение: напряжение летнего турнира, торжественность парада. Став юношей, он начал находить этот шум утомительным. Толпа стала означать выполнение должностных обязанностей, церемонии, ответственность: разочарование званных приемов, скука официальных визитов. Теперь звуки, издаваемые толпой, наполняли его ужасом. В новом Союзе толпа означала мятежи, террор, беспорядочное насилие. Рычащая свора.

Затерянные в анонимности толпы, люди были готовы совершать кошмарные вещи, которые в одиночку вызвали бы у них тошноту. Которые наверняка вызывали у них тошноту впоследствии. Но их раскаяние вряд ли могло служить утешением для их жертв.

– Что там происходит, Хильди? – вполголоса спросил он.

– Не знаю. – Хильди прикусила губу, словно собираясь с духом. Теперь она всегда выглядела так, будто готовится к худшему.

Впрочем, стоило им выйти на площадь Маршалов, как суть происходящего стала вполне ясна.

– О черт, – проговорил Орсо, и его плечи поникли. – Как же я ненавижу повешения!

Виселицы теперь были нового типа – очевидно, веяние прогресса. Вместо поперечного бруса с привязанными к нему веревками позади платформы, словно жадно протянувшиеся пальцы, торчали под углом пять высоких штанг. На их концах были приделаны шкивы, и позади каждой имелся противовес в виде железной пластины. Петли тоже больше не были веревочными, но сделаны из стального троса. Пока конвой сопровождал его к огражденной ложе, где ему, как обычно, предстояло играть роль экспоната для любопытных, Орсо заметил, что в одной петле болтается кукла в человеческий рост.

Председатель Ризинау сидел впереди толпы, с Судьей по одну руку и Пайком по другую. Лидеры Великой Перемены. Тот чертов писателишко, Суорбрек, склонялся к ним, помахивая рукой в сторону высящегося над ними эшафота:

– Проблема прежней системы состояла в том, что тела падали *ниже* люка. Правосудие осуществлялось, но люди не *видели*, как оно осуществляется! Теперь же, стоит только высвободить противовес...

Он театрально взмахнул рукой, словно конференсье. Ничего не произошло.

– Ну же, давайте!

Раздался лязг механизма, противовес упал, свистнул трос – и кукла, вздернутая за шею, заполоскалась на ветру шагах в пяти над платформой. Толпа ахнула, потом принялась аплодировать, одобрительно улюлюкать и выкрикивать добродушные оскорбления. Атмосфера карнавала. Орсо сморщился и попытался ослабить пальцем воротник.

– Очень изобретательно. – Ризинау задумчиво покивал, словно ему продемонстрировали работу машины по очистке фруктов. Может быть, он и не был толковым администратором, но он понимал могущество хорошего спектакля. – Вы должны *невероятно* гордиться собой.

– Счастливое сочетание моего пристрастия к театру и технической смекалки гражданина Карнсбика.

И Суорбрек приобнял рукой великого машиниста, дружески его стиснув. Карнсбик, отказавшийся от своих великолепных жилетов и демонстрировавший теперь неприметную одежду разных оттенков грязи, выглядел так, будто его вот-вот стошнит.

– Маловато крови, вам не кажется? – вставила Судья со своей обычной убийственной усмешкой.

Ризинау закатил глаза:

– Ей-богу, гражданка Судья, вы бы приказали разрывать осужденных дикими псами, если бы это можно было устроить!

Она откинулась назад, задумчиво поглаживая свое покрытое сыпью горло, словно взвешивала преимущества публичной казни посредством собак.

– Посмотрим сперва, как это работает. Ввести осужденных!

– О нет, – пробормотал Орсо.

...Первым шел лорд-камергер Хофф. Орсо вспомнил, как тот показывал ему бесконечные портреты потенциальных невест в гостиной его матери. Какая это была скука! И насколько счастливым то время казалось сейчас!.. Следующим был лорд-канцлер Городец. За ним – верховный консул Матстрингер. Следом – генеральный инспектор (во имя Судеб, он так часто отсутствовал на заседаниях Закрытого совета из-за своего мочевого пузыря, что Орсо даже не мог вспомнить его имени). Замыкал шествие лорд-маршал Рукстед, заметно хромя. Кажется, ему повырывали половину растительности на лице. В звяканьи цепей их вывели на платформу и поставили в тени этих пяти высоких штанг. Великие лорды Закрытого совета... Люди, правившие Союзом от имени Орсо. Что за жалкое зрелище они представляли собой теперь: одетые в мешковину вместо прежних мехов и золотых шнуров, в кандалах вместо церемониальных цепей, седые волосы и бороды спутаны и немыты.

– Сограждане! – Ризинау никогда не упускал шанса обратиться к толпе. – Мы собрались здесь, чтобы увидеть, как пятеро врагов народа получают по заслугам. Чтобы увидеть справедливое возмездие, налагаемое от имени всех угнетенных жителей Союза. Чтобы распрощаться наконец с эпохой тирании. – Он широко развел руки в стороны. – И распростертыми объятиями приветствовать эпоху равенства!

Радостные вопли, свист, смех. Куски всякой дряни, полетевшие на эшафот, когда петли закрепили на шеях осужденных. Великая Перемена никак не изменила поведение толпы на публичных казнях. По щеке бывшего канцлера разбрызгался гнилой апельсин.

– Мы несколько веков плясали для их развлечения! – провизжала Судья, поворачиваясь в кресле, чтобы быть лицом к толпе. – Пускай теперь они попляшут для нас!

Орсо никогда не питал большого расположения к своему Закрытому совету. Он думал о его членах так, как люди думают о своих кредиторах, землевладельцах, тюремщиках. Однако сейчас, видя их в таком положении, он едва мог сдержать слезы.

Хофф прошаркал вперед, насколько позволял ему трос, то есть недалеко.

– Ваше величество! – выкрикнул он поверх петли. – Я прошу вашего прощения!

– О, это я должен просить прощения у вас! – Орсо повернулся к Судье, Ризинау и Пайку. – Прошу вас, объясните, в каких преступлениях их обвиняют?

– В коррупции, спекуляции и эксплуатации, – ответил Ризинау.

– В измене народу, гражданам Союза! – прошипела Судья.

– Есть ли какие-нибудь доказательства? – продолжал Орсо.

Судья бросила на него пылающий взгляд.

– Они сидели в Закрытом совете. Каких еще доказательств вам надо?

– Будет ли им позволено защищаться?

– Они сидели в Закрытом совете. Какая тут может быть защита?

– Мы с вами тоже там сидели, ваше величество, – вкрадчиво произнес Пайк. – И вы знаете, что каждый из них был добровольным винтиком в чудовищной машине, закоренелым пособником чисток и несправедливостей. Можете ли вы воистину полагать, что эти люди лучше тех, кого они приказали повесить под стенами Вальбека?

Орсо сглотнул.

– Кого *вы* приказали повесить.

– За лучший мир приходится платить назначенную цену. Мы *все* должны приносить жертвы. К тому же поглядите вокруг, – Пайк обвел безмятежным взглядом неистовствующую толпу, – народ уже вынес свой вердикт.

– Давайте уже! Вздерните наконец этих ублюдков! – заорал кто-то, и другие голоса его поддержали. Очевидно, никто не был расположен к милосердию. А было ли когда-нибудь иначе?

– Что бы они ни сделали, они делали это от моего имени, – сказал Орсо треснувшим голосом. – По крайней мере, позвольте мне быть повешенным вместе с ними.

– Всею свое время, ваше величество, – промурлыкала Судья.

Ризинау поднял ладонь, веля ей умолкнуть и не сводя с Орсо маленьких жестких глазок:

– Если король не может хранить молчание, когда творится народное правосудие, его придется обуздать силой. Капитан Броуд!

Чудовищных размеров человек шагнул в королевскую ложу – в королевский загон. Не человек, а бык, практически без шеи, выглядевший еще более свирепо из-за пары глазных стекол в проволочной оправе, насаженных на плоскую переносицу. Он положил огромную лапищу на поручень рядом с Орсо. На ее тыльной стороне была татуировка: перекрещенные молния и боевой топор, и звезды на ободренных костяшках. Хильди шагнула к нему, сжав кулаки, словно котенок, шипящий на медведя. Здоровяк только грустно улыбнулся ей и снял свои стеклышки, обнаружив усталые, слабые глаза.

– Вы храбро себя вели, ваше величество. – В его мягком голосе не было угрозы, всего лишь утомленный прагматизм. Он осторожно подышал на стеклышки и начал протирать их обшлагом. – Но это ничего вам не даст. Вы наверняка не хотите, чтобы вам причинили боль, и я-то уж точно не хочу причинять вам ее.

Он нацепил стеклышки обратно на место и поглядел на Орсо, подняв брови:

– Все уже и так плохо. Зачем делать еще хуже?

Он был прав. Тысячи людей столпились на Площади Маршалов, чтобы увидеть, как этих людей повесят. Орсо был бессилен что-либо изменить более чем когда-либо. Он позволил Хильди оттащить себя к своему креслу и молча уселся, сложив на коленях обмякшие ладони.

Лорд Хофф шумно откашлялся.

– Если мне будет позволено... сказать несколько слов, прежде чем...

– Нет.

Судья щелкнула пальцами. Под платформой что-то лязгнуло. Стрекотнули шестеренки, противовес упал – и Хофф взлетел вверх, в точности как та кукла. Натянувшийся трос швырнул его к штанге, он ударился головой и обрушился вниз, бешено раскачиваясь, с кровью, струящейся по лицу, с гротескно вытянувшейся шеей.

Орсо вцепился в поручень ограждения. Его побелевшие руки оказались по обе стороны лапищи Броуда.

Судья щелкнула еще раз. Городец ахнул – и тоже оказался в воздухе. Пайк бесстрастно, с поблескивающими глазами наблюдал, как его бывшие коллеги болтаются в петле.

– Подождите!

Ботинок Матстрингера остался на платформе, когда петля затянулась на его горле и утащила его наверх.

Безымянный генеральный инспектор крепко зажмурился, потом его противовес тоже упал, и он взлетел следом за остальными.

Хофф все еще раскачивался. Его раздувшаяся шея почернела. Генеральный инспектор, по-видимому, не умер сразу – он все еще брыкался. Возможно, это был просто какой-нибудь нервный импульс. Орсо очень на это надеялся. Из штанины его дерюжных штанов выбежала струйка и закапала на платформу вниз.

Карнсбик закрыл лицо руками.

Рукстед оскалил зубы:

– Ну и идите вы все к черту!

Щелк! Упал последний противовес. Рукстед взлетел в воздух, но в механизме, должно быть, что-то испортилось: петля не осталась висеть под штангой, вместо этого ее затянуло наверх, к самому шкиву. Голова маршала отлетела в сторону, а тело с грохотом рухнуло на платформу, брызжа кровью.

– Ха! – восторженно завизжала Судья, вскочив на ноги.

Толпа разразилась неистовым ревом одобрения. Какая-то женщина принялась плясать, содрав с себя передник и размахивая им над головой, как флагом.

– Ох, – вымолвила Хильди тоненьким голоском.

Из-за ее острого ума и непокорного нрава Орсо порой забывал, что она еще совсем ребенок. Ему захотелось прикрыть ей глаза ладонью. Да что там, он бы и себе глаза прикрыл – но было уже поздно.

Охваченный ужасом, он сидел на заседаниях в Белом Кабинете, где при откровенно чудовищном попустительстве Первого из магов принципы попирались ради выгоды, коррупцию возводили до уровня искусства, а правосудие превращали в студень. Он знал, что это недопустимо, но только разводил руками, говоря себе, что так уж заведено. Что так уж, видимо, тому и быть. Он не сумел защитить свой народ от своих советников. И вот теперь он не сумел защитить своих советников от своего народа.

– Я ничего не сумел, – прошептал он.

Четыре трупа свисали с тросов. Городец по какой-то причине оказался немного ниже остальных, его тело, не спеша, поворачивалось то в одну сторону, то в другую. Толпа притихла; в задних рядах люди уже начинали понемногу расходиться. Над сборищем витал дух разочарования. Вероятно, они обнаружили, что, когда враги побеждены, после них остается пустое место. Впрочем, без сомнения, они очень скоро найдут новых, чтобы его заполнить.

– Ну что ж. – Ризинау поднялся с места, сложив руки на выпирающем брюшке. – Не знаю, как вы, а я рад, что с этим делом покончено. Теперь мы можем сосредоточиться на восстановлении справедливости!

– Покончено? – прорычала Судья, окидывая горящим взглядом болтающиеся тела. – Да мы еще даже не начали!

Орсо закрыл глаза. Он вдруг понял, что глубоко внутри надеялся, что все это временно. Какой-то преходящий морок, наваждение, от которого они все вскоре очнутся.

Но, возможно, отныне мир просто будет вот таким.

Возможно, он всегда был таким.

Гадючье гнездо

– Печенкой чую, – прошептала Изерн, – у этой маленькой сучки что-то на уме.

Корлет шагала через толпу перед ними, по скользкой от дождя булыжной улице, ведущей из замка Скарлинга в промозглый город, с холщовым мешком, закинутым за плечо.

– Я это вижу, – продолжала Изерн. – И луна это видит. Единственная, кто этого не видит, это ты!

– Не единственная, – возразила Рикке. – Кроме луны и твоей печенки всем остальным она нравится.

– То есть ты хочешь сказать, что окружена глупцами, ну так я это и сама знаю. Она сказала тебе, что собирается отлучиться?

– Нет. С какой стати?

– Она спрашивала разрешения уйти?

– Нет. С какой стати?

– Что у нее в этом мешке?

– Люди иногда ходят с мешками. Это еще ничего не доказывает.

– Разве я не говорила тебе не задирать нос?

– Примерно тысячу раз.

– И если бы ты хоть один раз прислушалась, мне бы сейчас не надо было молотить языком. – Изерн оскалилась, демонстрируя дырку в зубах и по-прежнему не сводя взгляда с Корлет. – Говорю тебе, от нее неправильно пахнет.

– Кому бы и жаловаться на запахи, но не тебе.

– Погляди, как она украдкой выбирается из замка.

– Мы и сами украдкой туда забрались, и ты вроде бы не возражала.

– Мы туда забрались, чтобы укрыться от наших врагов!

– Ну, мы ведь в некотором роде бросили Броков со спущенными штанами, при том, что незадолго до того приветствовали их улыбками.

– Это ты приветствовала. Ты вообще слишком много улыбаешься. – Изерн скользнула за угол, таща Рикке за собой через горстку людей под прикрытие повозки, откуда они могли наблюдать за идущей Корлет. – Чертовы Броки! Они воткнули бы тебе нож в спину, если бы ты не сделала это первой. Я это вижу, и луна это видит. Единственная, кто этого не видит...

– О нет, это-то и я прекрасно видела. – Рикке засунула палец за изумрудное ожерелье, которое подарила ей Савин, и слегка передвинула. Оно не было тесным. Оно не было тяжелым. Но в последнее время оно ей как-то натирало, с тех пор, как она уселась на трон Скарлинга. – Должно быть, теперь мы все равно уже не узнаем наверняка...

Изерн с отвращением тряхнула своей косматой головой.

– Мы здесь не для того, чтобы почесать мягкое подбрюшье твоей вины – чувство, которое вождь по-любому должен выкинуть в сральник вместе с милосердием, – но для того, чтобы выяснить, с какой стати твоя подружка Корлет крадется через Карлеон, такая вся из себя пугливая и скрытная.

– Вовсе она не крадется, – возразила Рикке. – Просто идет по городу.

И действительно, девочка вовсе не пыталась держаться незаметно, опасно огибая углы и поглядывая через плечо – что, несомненно, проделывала бы сама Рикке, если бы затевала какое-нибудь темное дельце.

– Это да, но куда она идет?

Изерн прижалась к стене, заглядывая за угол, и Рикке поняла, что непроизвольно повторяет ее движения. Корлет по-прежнему была впереди, непринужденно скача вверх по ступе-

ням по направлению к маленькому домику, ничем не отличавшемуся от сотни других в городе. С карниза обомшелой, крытой тростником крыши сыпались капли дождя.

– Видишь ли, какое дело, она ходит к этому дому через день. Регулярно, как луна.

Рикке нахмурилась. Это действительно внушало некоторое беспокойство.

– Может быть, она нашла себе мужика, который будет греть ее зимой. – Она подула в сложенные лодочкой ладони, думая о Гвозде и о том, чем они занимались этим утром. На ее лице сама собой возникла довольная ухмылка. – Они, бывает, того стоят.

– Любовника скрывать незачем.

Рикке пожала плечами:

– Может, он какой-нибудь урод?

– Тс-с!

Взмахом руки Изерн затолкала Рикке в подворотню. Промозглый холод напомнил ей то время, когда они прятались по лесам от людей Стура Сумрака, и это воспоминание отозвалось в ней уколом страха, который она тогда чувствовала. Впрочем, за ним тотчас последовала теплая волна удовлетворения при мысли, что в настоящий момент ублюдок сидит у нее в клетке с перерезанными поджилками.

Дверь отворилась. Корлет широко улыбнулась – что казалось странным, поскольку она не особенно часто улыбалась. Девочка вошла внутрь, и дверь закрылась.

– Ну ладно, – проворчала Изерн, широкими шагами направляясь к домику. – Сейчас мы доберемся до сути ее происков.

– И кто теперь задирает нос? – прошипела Рикке, поспешая следом. – Что, если девчонка и впрямь что-то скрывает?

Ей представилась комната, набитая головорезами Черного Кальдера, которые все как один поворачиваются к двери, когда туда вламывается Изерн.

– Надо было взять с собой Трясучку и пару его парней...

Но Изерн уже забарабанила по хлипкой двери так, что та заходила ходуном. Дверь распахнулась, и Корлет выглянула наружу. На ее хмуром лице появилось подозрительное выражение, когда она увидела их двоих, теснящихся на пороге.

– Что это вы тут делаете?

– А *ты* что тут делаешь? – торжествующе взревела Изерн.

Она схватила Корлет за шею и толкнула внутрь, другой рукой вытаскивая кинжал.

– Во имя мертвых, только не зарежь ее! – взвизгнула Рикке, торопливо входя следом.

Насколько она смогла разглядеть, когда ее глаза привыкли к полумраку, это был самый обыкновенный дом. Одна комната, освещенная одним маленьким окошком. Из горшка на очаге плыл аппетитный запах готовящейся еды. Рядом лежал раскрытый мешок, но в нем тоже не было никаких секретов, если не считать нескольких морковок и пары костей. Никакой банды головорезов, всего лишь скрюченная старуха с подслеповатыми глазами и здоровенной бородавкой на щеке, чрезвычайно удивленная при виде размахивающей ножом горянки, ворвавшейся в ее дом.

– Какого хрена? – прохрипела Корлет, распластанная по стене: рука Изерн пережимала ей горло.

Старуха схватилась за метлу.

– А ну отпусти мою внучку!

Рикке вздохнула, чувствуя себя более чем смущенной своим участием в этом фарсе.

– Сдается мне, Изерн, что ты можешь спрятать свой кинжал. Разве что ты хочешь порезать им морковку.

– Это моя бабушка, – буркнула Корлет, потирая покрасневшую шею. – Я прихожу сюда повидаться, когда получается. Приношу ей дрова, всякие объедки на суп.

– Почему ты мне ничего не сказала? – спросила Рикке.

– У тебя и без меня довольно хлопот. – Во имя мертвых, Рикке почувствовала себя еще хуже, чем прежде. – Послушай, может, ты наконец уберешь свой нож?

Изерн сунула кинжал куда-то в обтрепанные глубины своей одежды с таким кислым лицом, что им можно было бы квасить капусту.

– Ты же понимаешь, нам нужно соблюдать бдительность, – объяснила Рикке. – Черный Кальдер – хитрый ублюдок. У него повсюду могут быть лазутчики.

– Ты что, думала, что моя Корлет *шпионит*? – Старуха опустила метлу, и ее нижняя губа задрожала, у бедняжки. – Да она только и говорит о том, какая ты умная да как она рада, что тебе служит! Что ты изменишь весь Север к лучшему. Люди ходят ко мне за советом, и я всегда им говорю, как здорово...

– Ладно, ладно, ба, – перебила Корлет, жестами успокаивая ее. – Она права, нужно быть настороже. Просто мы друг друга не поняли, ничего особенного.

– Точно, – подтвердила Рикке, метнув в Изерн пронзительный взгляд. – Проще простого свалить вину на того, кто этого не заслужил.

– И насчет Черного Кальдера ты тоже права, он хитрый. – Старуха шагнула к Рикке, понизив голос: – Между нами, тут живет одна старая ведьма через два дома, так я ей совсем не доверяю. Держала бы ты ее на примете.

– Может, мы так и сделаем.

– Ну ладно. – Бабушка Корлет обвела их строгим взглядом. – Кто хочет супа?

* * *

Когда они снова вышли на улицу, холодный дождь поливал с еще большей силой, и Рикке снова натянула на голову капюшон и плотно завернулась в него, спасаясь от холода.

– Благодарение мертвым, что нам удалось выкурить это гадючье гнездо! – сказала она.

Изерн это не казалось забавным.

– Ты не должна ослаблять бдительность! Особенно теперь, когда ты взгромодила свою задницу на Скарлингов трон. Ты должна быть твердой! Ты должна сделать свое сердце...

– Знаю, знаю. Что поделать, придется, как только мы вернемся, вырезать Корлет кровавый крест за то, что таскает с кухни объедки. – Рикке покачала головой. – А жаль, мне нравится эта девчонка. Крепкие бедра.

– Бедра-то ее тебе зачем? Собираешься заделать ей ребеночка?

– Да нет, я имею в виду – она крепко стоит на ногах. Устойчиво. Такая не вспыхнет внезапно ни с того ни с сего. – Рикке взглянула на Изерн, подняв бровь. – В отличие от некоторых, кого я бы могла назвать.

– Мои узкие бедра не оскорбляли твой взор, когда я спасала твою жизнь там, в лесах!

– Ну, как сказать... Так, самую малость.

– И все же я тебе говорю, с этой девчонкой что-то нечисто. – Изерн сплюнула через плечо в направлении дома. – И с бабкой ее тоже.

– О да, особенно с бабкой! Никогда не видела ничего более ужасного. – Рикке надула щеки, шагая по узкой крутой улочке обратно к замку Скарлинга. – Подозреваю, что это переродетый Девять Смертей.

Свободная коммуникация

Они рассеялись вокруг фермы. Клевер насчитал десять человек, но продолжал сидеть на своем пне, чтобы их не спугнуть, двигаясь только чтобы потыкать палочкой жарящуюся над огнем тушу, да и то не спеша. Солнце садилось за холмы, и долина наполнилась тенями, так что лиц он особо разглядеть не мог, но там был один старикан с седой бородой, один в кожаном капюшоне, еще один в помятом шлеме, и еще молодой парень. Друзья или враги – чем дольше Клевер бродил по свету, тем больше они становились похожи друг на друга. Тем больше он понимал, что разницы, черт подери, вообще никакой нет.

В конце концов, один все же подошел к огню и протянул к нему руки. Клевер узнал его, когда свет костра упал на его лицо: Траппер. Один из Кальдеровых парней.

– Привет, Траппер, – проговорил он как можно дружелюбнее. Всегда держись с людьми по-дружески, если можешь.

– Клевер? Ты, что ли?

– Вроде да, хотя я нынче ни в чем не уверен.

– Где ты был, черт побери?

– О, это длинная история. – Люди Траппера понемногу подтягивались, даже не особенно скрываясь. Становилось зябко, и их тянуло к теплу, да еще и жарящееся мясо так соблазнительно пахло. – Сплавал в Миддерланд вместе с Большим Волком и Молодым Львом, проблемался по пути туда, попал в шторм, сражался в битве, мы проиграли, проблевался по пути обратно. Это если вкратце.

Они уже собрались по другую сторону костра. Расслабились, потеряли бдительность.

– Ну, а потом Рикке-Затейница послала меня сюда к вам, перемолвиться с вами словечком. Похоже, тут возникло недоразумение насчет того, где располагается граница.

У них ушли пара мгновений, чтобы сообразить. Потом тот, седобородый, схватился за свой здоровенный топор.

– Так ты что, теперь с этой ведьмой?

Клевер осторожно почесал свой шрам.

– Честно сказать, на этот счет ситуация малость... неопределенная. Я, как обычно, просто пытаюсь найти место, где не качает. Подумал вот: надо бы угостить вас, ребята, жарким в знак моих добрых намерений, вы понимаете. – Он ткнул тушу ножом, и из нее потек кровавый сок. – Правда, она еще не сготовилась. Может, заглянете попозже?

Траппер передвинул руку так, что она оказалась на рукояти меча, и медленно покачал головой.

– Нет, не думаю.

– Ну что поделать, тогда, боюсь, придется делать это на голодный желудок.

Клевер резко свистнул. Из ниоткуда прилетела стрела и воткнулась в тушу, дрожа оперением.

Он-то надеялся, что они сохраняют трезвую голову, когда поймут, что окружены. Попытаются действовать здраво. Но теперь ему пришло на ум, что глупо требовать от людей здравомыслия, когда начинают летать стрелы, даже если они пока что втыкаются только в мертвечину.

– Черт! – вскрикнул кто-то.

Старикан с седой бородой описал полукруг с топором в руках, едва не раскроив череп своему сотоварищу. Тот еле увернулся, чуть не упал, споткнулся о лежащее в костре бревно, подняв фонтан искр. Траппер поднял меч. Еще один парень в плаще из овчины припустил бегом, словно заяц, услышавший хлопок в ладоши. Полный бардак.

– Эй! – позвал Клевер, протягивая к ним раскрытые ладони. – Эй, ну-ка, успокойтесь!

Парень в шлеме шагнул к нему, заноса копьё, и ему в плечо воткнулась стрела. Он резко выдохнул, потом пронзительно заорал, выронив копьё в костер и устроив еще один фейерверк, извернулся, пытаясь запустить руку за плечо, потом под мышку, чтобы дотянуться до стрелы, но кончики пальцев чуть-чуть не доставали.

– Меня подстрелили! – прошипел он сквозь стиснутые зубы. – Эти ублюдки меня подстрелили!

– Мы заметили, – примирительно сказал Клевер, показывая на ферму и вокруг. – У меня люди вон там, в том амбаре, и вон там. И еще в той рощице и в тех кустах. Они тут повсюду, и у всех в руках натянутые луки.

На самом деле там были только Шолла и еще несколько других, но Клевер не видел проблемы в том, чтобы солгать ради спасения человеческих жизней. Ну, или еще зачем-нибудь.

– Если вы не хотите каждый получить по стреле, до которой не сможете дотянуться, мой вам настоящий совет: сложите аккуратно ваше оружие вон там, а потом подходите к костру и усаживайтесь, чтобы мы могли спокойно побеседовать, не отвлекаясь на Великого Уравнителя, дышащего нам в затылки.

– Откуда нам знать, что ты нас просто не убьешь? – спросил молодой парень с жидкими салными волосами, стоявший возле Траппера. Похоже, он был при нем чем-то вроде Хлыста: примерно столько же лет и столько же здравого смысла. То есть почти никакого.

– Потому что если бы я задался целью вас убить, то приказал бы перестрелять вас, пока вы еще болтались на дороге. Можешь мне поверить – и Траппер это подтвердит, – я не тот человек, что склонен без надобности рисковать своей персоной. Все, что я хочу, – это поговорить. Нам нет нужды проливать лишнюю кровь.

Из-за деревьев показался Нижний, одной огромной ручищей волоча за собой того парня в овчинном плаще, а в другой зажав тяжелую секиру.

– Вождь, – буркнул он и швырнул свою жертву на землю рядом с тем, подстреленным.

– Меня подстрелили! – всхлипнул тот.

– Меня оглушили, – промычал парень в овчине, прижимая окровавленную ладонь к окровавленной голове.

– Мы заметили.

Траппер опустил меч и воткнул его в землю. Остальные тоже принялись неохотно вытаскивать из-за спин луки, доставать топоры и ножи, бросать на землю копья, так что вскорости перед зданием фермы оказался целый небольшой арсенал.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул Клевер. – Разве так не спокойнее?

– Не сказал бы, – отозвался Траппер, мрачно косясь на секиру Нижнего.

– Ну, мне-то точно спокойнее, можешь мне поверить.

Клевер снова свистнул, и Шолла, Хлыст и парочка других выскользнули из-за кустов, из амбара и других укрытий. Они подошли к костру, по-прежнему не выпуская из рук луков с наложенными стрелами, в то время как Траппер со своими людьми неохотно расселись полукругом с дальней стороны от огня, словно детишки в предвкушении сказки.

– Ну вот, – произнес Клевер. – Почему бы нам не начать с того, что затевает Черный Кальдер? Какое у него настроение, сколько у него человек, о чем он думает и все такое. И прошу вас, ничего кроме правды.

– Правды? – повторил один из людей Траппера, тот, что с седой бородой. – Правда в том, что ты за это заплатишь, Йонас Клевер.

Скривив губу, он сплюнул в огонь – похоже, немного попало даже на тушу, что вызвало у Клевера некоторое раздражение.

– Нельзя просто взять и перейти на другую сторону, как только поменяется ветер! – продолжал седобородый.

Клевер задумчиво потер переносицу:

– Почему же, такие всегда находятся.

– Черный Кальдер еще отвоюет Север! – прорычал старикан. Впечатляющий голос: хриплый, словно его глотка набита галькой. – И никакая гребаная разрисованная ведьма со своим гребаным Долгим Взглядом это не изменит! – Он покосился на Нижнего, стоявшего за его плечом. – И когда это случится, вам всем...

Секира Нижнего с хрустом проломила ему череп. Старик опрокинулся на спину и дрыгнул ногой – с такой силой, что с ноги слетел сапог и улетел на крышу сарая, – и это было последнее, что он сделал в своей жизни.

Нижний наклонился над ним, высвобождая секиру.

– Парень слишком много болтал, – буркнул он в качестве объяснения.

– И все не по делу, – согласился Клевер.

Он развел руки и оглядел людей по ту сторону костра, таращившихся на босую ногу своего бывшего товарища.

– Но, может быть, мы постараемся сделать так, чтобы это был последний труп, который мы здесь оставим? Наверное, никто не будет спорить, что если на Севере чего-то и хватает с избытком, так это трупов.

– Ты убил моего дядю, сволочь! – прошипел парень с сальными волосами. – Ну, смотри теперь, лучше ходи поосторожнее, потому что наступит день, когда я...

Хрясь! Секира Нижнего раскроила ему череп, брызнув кровью в лицо Клеверу.

– Уф! – вскрикнул тот, отшатнувшись и едва не свалившись с пня.

Тело паренька качнулось и рухнуло лицом вниз. Вокруг его головы стремительно разползлась красная лужа, с тихим шипением огибая пылающие угли. Нижний, нахмурясь, взглянул на перепачканное лезвие своей секиры и принялся обтирать ее о спину лежащего.

– Может, хватит уже, а? – гаркнул на него Клевер.

Нижний пожал плечами:

– Прости, вождь. Мне показалось, что назревает бунт, а с бунтом всегда лучше разобратся сразу, пока он еще не разросся.

Клевер глубоко вдохнул и выдохнул, утирая с лица капли крови.

– Пожалуй, я могу понять твою точку зрения.

– Меня подстрелили, – прошептал тот, со стрелой в плече.

– Мы заметили... Итак, на чем я остановился?

– Черный Кальдер, – напомнил Хлыст.

– Ах да. Черный Кальдер. Как у него настроение?

Шолла обвила рукой шею Траппера и засунула кончик ножа ему в ноздрю.

– И давай, как он сказал: ничего, кроме правды.

– Я никогда не видел его таким злым, – просипел Траппер, не сводя взгляда скошенных глаз с ножа Шоллы. – Но при этом он спокоен. Спокоен и осторожен.

– Я боялся чего-нибудь в этом роде, – пробормотал Клевер. – Сколько у него людей?

Траппер вздрогнул: нож Шоллы пощекотал ему ноздрю.

– С каждым днем все больше. Приходят новые, кто-то возвращается из Союза... И еще он заключил сделку с этим новым ублюдком из-за Кринны, как его там зовут?

– Жилец Курганов, – подсказал один из сидящих. – Говорят, он спит в гнезде из костей.

– Звучит зловеще, – заметил Хлыст.

– Во всяком случае, неудобно, – подтвердила Шолла.

Это звучало неудобно для всего Севера. Когда Черный Доу привел из-за Кринны Стучащего Странника с его дикарями, чтобы те помогли ему совладать с Союзом, стычки не прекращались много лет. Было ясно, что Кальдер собирается драться по-серьезному. И в такой драке Клевер не имел желания участвовать ни с одной из сторон.

Когда Клевер пошел против Стура, у него не было сомнений, что это правильный выбор. Он делал это для себя, а также в память Чудесницы, а также ради всех остальных. Однако он был уверен, что Рикке прикончит мерзавца. Когда она этого не сделала, у него начали закрадываться сомнения, что, возможно, у нее недостаточно твердости для такой работы. Конечно, держаться на стороне победителя – самое разумное решение во все времена. Проблемы начинаются, когда ты не уверен, кто победит. Крайне неприятная ситуация.

– Ну ладно, Траппер, вы с вашими парнями можете идти. – Клевер поморщился, поглядев на босую ногу мертвого старика, на грязь под отросшим ногтем. – В смысле, те, кто еще может идти. Скажи Черному Кальдеру, что вы наткнулись на нас. Скажи, что я старался действовать благоразумно.

– Это, по-твоему, благоразумно? – взвизгнул подстреленный.

– У любого благоразумия есть благоразумный предел... Передай ему, что я бы хотел поговорить в какой-нибудь удобный момент. Объяснить, как обстоят дела, поделиться информацией к нашему общему благу и так далее.

Траппер медленно кивнул. Он не стал высказывать собственное мнение об этой идее. Умный парень.

– Ну что, мы тогда пойдем. Можно нам взять наше оружие?

Клевер глянул на груды железа и вздернул бровь:

– Не могу сказать, что я в восторге от этой идеи.

– Да ладно, Клевер! Не заставляй меня возвращаться безоружным. Ты ставишь меня в чертовски неловкое положение!

– Это верно. Но я думаю, ты и сам понимаешь, что лучше оказаться в неловком положении, чем в могиле. Мне совсем не хочется, чтобы вы стали нас преследовать.

Тот, что в кожаном капюшоне, растерянно поглядел на него:

– Но мне нужен мой меч! Отдай хотя бы мой меч!

– Я сказал – нет, – ответил Клевер твердо, но не повышая голоса. – Мы не торгуемся.

Никаких исключений. «Нет» значит «нет».

Капюшон, кажется, сильно расстроился.

– Слышь, это меч моего отца, чтоб ты...

Хрясь! Клевер моргнул: кровь снова обрызгала его лицо. Нижний раскроил череп и этому бедолаге.

– Какого...

– Мне показалось, это малость похоже на бунт, вождь, – объяснил Нижний, вытирая секиру.

– Нам с тобой предстоит разговор, – прорычал ему Клевер. – А вы там, давайте шевелитесь!

Он махнул рукой, отсылая Траппера и его сотоварищей в ночь. Пара человек помогли подняться своему стонущему приятелю в овчинном плаще, и они поспешили прочь, к темным деревьям, оставив троих мертвых лежать на земле. Тот, со стрелой в плече, все продолжал ныть, что его подстрелили.

Клевер потыкал мясо.

– Ну, от этого все равно уже никакого толку. – Сперва на него плюнул тот старикан, потом залили кровью двое других, и все равно оно до сих пор не стоговилось. – Кажется, я только тем и занимаюсь, что убеждаю своих новых хозяев, что мне можно доверять.

– Может быть, если бы ты не предавал предыдущих... – пробормотала Шолла, роясь в груды оружия.

– Думаешь, нам стоило остаться со Стуром?

– Да нет. – Она вытащила из груды понравившийся нож и засунула его за пояс. – Просто говорю, что такие поступки имеют последствия.

– Не сказал бы, что мне нравится это слово.

– Какое? – спросил Хлыст.

– «Последствия». А ты думал какое? «Имеют»? – Клевер покачал головой. – Клянусь мертвыми, парень, ты туп, как пень.

– Если они перешли реку... – Хлыст, похоже, только сейчас сообразил, где они находились, когда появился Траппер со своей командой. – Разве мы не должны были их убить?

– Ты, может быть, этого еще не понял, но я в целом предпочитаю убивать как можно меньше людей. – Клевер кинул на Нижнего многозначительный взгляд, имевший примерно такое же действие, как удар стрелы о каменную стену. – Если бы мы перебили их всех, они не смогли бы отнести наше послание Кальдеру, а мне кажется разумным сохранять возможность свободной коммуникации.

– Свободной... чего?

Клевер вздохнул.

– Возможность продолжать разговаривать. Нижний, поскольку ты являешься автором этих трупов, мне кажется вполне справедливым, если ты их и похоронишь.

– Ну вот, – пробурчал тот, убирая секиру. – Черт возьми, неблагодарная это работа – убивать людей.

– В каком-то смысле только на это и надежда, не так ли? – отозвалась Шолла.

Клевер мотнул головой Хлысту:

– Ты будешь ему помогать.

– Я-то что сделал? – пискнул паренек.

– Ничего, просто ты самый молодой и бестолковый и тобой легче всего помыкать. Так что давай, принимайся за дело.

Хлыст печально кивнул, признавая очевидную справедливость сказанного.

– Так... на чьей же мы все-таки стороне?

Клевер снова осторожно почесал шрам.

– Вот один из вопросов, на которые лучше не пытаться отвечать, пока совсем не припрет.

Политик

– Ну, как?

– Болит, – прорычал Лео сквозь стиснутые зубы. – Болит, как черт знает что. Но если я смогу стоять в Ассамблее на собственных ногах, оно того стоит... В смысле, на одной собственной и на вот этой.

Он хмуро взглянул в зеркало на стальной стержень, торчавший из его закатанной штанины, на окруженное пружинами шарнирное соединение, исполнявшее роль голеностопного сустава, на слегка изогнутую металлическую пластину, служившую ступней.

– Так, значит... ты будешь и дальше туда ходить?

– Я не собираюсь сидеть тут и оплакивать былую славу. Будущее Союза решается в Ассамблее!

Он поглядел в зеркало на Савин. Обложенная подушками и окруженная морем светлых юбок, она сидела на кушетке, держа одного из младенцев у груди. Второй спал рядом. Лео до сих пор не мог различить, который из них который.

– Ты думаешь, это разумно – вот так выставлять себя напоказ?

Она говорила встревоженным тоном, который он не привык от нее слышать.

– Никогда не думал, что доживу до дня, когда ты будешь возражать против выставления себя напоказ.

– Еще немного, и ты бы до него не дожил, – тихо проговорила она.

Лео нахмурился.

– Можешь мне не напоминать, это ведь *моя* шея была в петле. Но мне дали право слова, и я собираюсь им воспользоваться.

Это будет битва другого рода, нежели те, к каким он привык. Вместо мечей – слова, вместо доспехов – идеи, вместо атак – речи. Он будет стоять в одиночку, без верных товарищей по оружию, прикрывающих его спину. Но Лео все так же жаждал победы. Может быть, даже больше, чем прежде. Каждый спазм в его ноге, каждая болезненная пульсация в руке, каждый испуганный взгляд на его культю или шрамы были для него словно укол шпор.

«Боль – это цена, которую мы платим за то, что исполняем свой долг». Так говорил его отец. Странное дело, Лео чувствовал, что никогда до сих пор по-настоящему не понимал, что тот имел в виду. Может быть, он до сих пор вообще ничего не понимал по-настоящему.

Он попытался сделать шаг и скривился, когда вес тела пришелся на ноющий обрубок.

– Карнсбик говорит, что мог бы сделать тебе протез, который будет больше похож на...

– На настоящую ногу?

– Ну... да.

– Так лучше. Я хочу, чтобы они видели, чем я пожертвовал. Я хочу ткнуть их в это носом. Впрочем, для домашнего использования я, наверное, мог бы найти что-то более приятное на вид...

– Если это ради меня, то не нужно. Я вышла замуж за тебя, а не за твою ногу.

– Жалеешь?

– Мы наделали кучу ошибок. – Она сглотнула, нахмурилась и опустила взгляд к полу. – Ужасных ошибок. Но наш брак теперь имеет для меня больше смысла, чем когда-либо.

Она ничего не сказала про любовь. Лео не мог припомнить, когда они в последний раз произносили это слово. Наверняка еще до Стоффенбека. Он помнил, что она сказала ему в тот день, когда он сделал ей предложение. Точнее, когда их матери сделали им предложение. Их брак – это деловое соглашение. Политический альянс. И это как раз то, что ему сейчас необходимо: партнеры и союзники. Любовь – это роскошь, которую он не может себе позволить.

Взгляд Савин устремился на спящего ребенка. Их ребенка. И теперь он увидел любовь в ее глазах.

– Учитывая все случившееся, – тихо проговорила она, – нам повезло, что мы имеем то, что у нас есть.

Пройти по комнате было испытанием, помочиться – тяжелым трудом, одеться самостоятельно – почти невозможной задачей. Однако она была права: все могло сложиться гораздо хуже. В конце концов, еще недавно они были осужденными изменниками, гнившими в застенках в угоду королю Орсо. Теперь Орсо оказался пленником в собственном дворце, а они вернулись в огромный особняк Савин рядом с Прямым проспектом. Правда, большинство комнат были закрыты в связи с нехваткой прислуги, но тем не менее.

– Мы знаем людей, которые живут гораздо хуже, – признал он.

– Мы знаем людей, которые уже вообще не живут. Мы должны защитить себя. – Она мягко погладила темный пушок на голове младенца. Их младенца. – Защитить нашу семью.

– Люди все еще восхищаются мной. Это можно использовать.

Трястись на плечах толпы перед Допросным домом было далеко не приятным переживанием. Но это гораздо лучше, чем быть растерзанным той же толпой на куски.

– А также мое место в Ассамблее.

Лео попытался вызвать на своих обезображенных шрамами губах прежнюю беззаботную улыбку, ту самую, что играла на них, когда король Джебаль вручил ему плохо сбалансированный памятный меч. Казалось, что это было тысячу лет назад, но если попытаться, он еще мог найти в себе следы того Молодого Льва.

– Но на этот раз никакой опрометчивости. Никакого тщеславия. Никаких сантиментов.

– Никаких чрезмерных амбиций, – добавила Савин. – Никаких рискованных шагов. Мы должны соблюдать осторожность. Смотреть, кому мы доверяемся.

Лео фыркнул.

– Да уж, худших друзей было трудно найти.

– Ишер, Хайген и Барезин.

– Труссы и глупцы! – хмыкнул Лео. – Хотя, возможно, их все еще можно использовать.

– И этот дикарь Стур Сумрак.

– Я должен был держать его на строгом поводке.

– И эта проныра Вик дан Тойфель.

– Лжет, как дышит. – Когда-то это приводило его в ярость. Теперь он едва ли не восхищался ею. То, что он прежде считал недостатками, нынче казалось сильными сторонами, а украшающие человека добродетели – роковыми ошибками.

– И твоя старая подруга Рикке.

Лео нахмурился.

– Ее задержал шторм.

– Ох, вот не надо! – Савин скривила губу. – Она еще за несколько месяцев написала королю Орсо, выложила ему весь план. Он знал, что мы собираемся напасть.

Лео сжал кулак так, что ногти впились в ладонь.

– Ах она сука гребаная! – взорвался он, забрызгав слюной зеркало. – Предательница! Я жизнью рисковал ради нее! За каким чертом она...

– Мы не можем тратить время на то, что уже сделано, – перебила Савин. – Надо просто выучить урок и в будущем осторожнее выбирать себе друзей.

– Ты права. – Лео сделал глубокий вдох, загоняя гнев в глубину. Он не мог позволить, чтобы любая эмоция уносила его невесту куда. – Что насчет этого твоего человека, Броуда? Он близок с ломателями. Капитан их Народной Армии.

Савин задумчиво выпятила губы:

– Пожалуй, даже слишком близок.

– Кажется, его семейство по-прежнему в Англии?

– Предлагаешь на них нажать? – Савин выглядела удивленной. Даже шокированной. – А ты изменился.

– Чтобы сожалеть о своих методах, надо сперва победить. – Не в силах больше стоять на ногах, Лео сделал неверный шаг и охнул, когда подбитое мягким гнездо протеза сдавило культю. – Но после того, как ты победил, кому какое дело до твоих методов?

– Ты что, брал уроки у моего отца?

Не так давно она считала Лео полной противоположностью Занда дан Глокты... Шипя от боли, он рухнул в кресло лицом к ней.

– Почему бы и нет? Этот человек тридцать лет правил Союзом. Подходящий кумир для любого честолюбивого калеки. Он, должно быть, до сих пор имеет полезные контакты. Знает полезные вещи... Где он сейчас?

– Убрался подальше от глаз и, как я догадываюсь, собирается держаться там и дальше. Что до мастера Броуда – я в долгу перед ним и его семьей. Они спасли мне жизнь в Вальбеке.

– Ну и кто из нас изменился? – Лео наклонился вперед, чтобы расстегнуть пряжки на своей железной ноге. – Я думал, ты неподвластна чувствам.

– Но долги я всегда платила. Это полезно для бизнеса.

Она поглядела на него, хмуря брови, наморщив шрам на лбу, и крепче сжала своего ребенка. Их ребенка. Она сама не знала которого.

– Поскольку уж мы решили отказаться от чувств, Броуды не единственные полезные люди, оставшиеся в Англии. Как насчет твоих старых друзей, Гловарда с Юрандом?

Лео застыл. В его мозгу, далеко не в первый раз, всплыла непрошенная картинка: эти двое на коленях на сипанийском ковре... Гловард с зажмуренными глазами стиснул в кулаках покрывало... Юранд прижался к его спине, запустил пальцы ему в волосы, покусывает ухо... Блаженство, написанное на их лицах...

– Думаешь, мне нужна нянька? – огрызнулся он, силой отгоняя воспоминание. – Кто-то, кто будет присматривать, чтобы я не споткнулся?

– Я думаю, что нам нужны люди, которым мы можем доверять, – спокойно отозвалась Савин. – Ты так мне и не рассказал, что произошло между вами тремя.

Лео скривил губу, продолжая возиться с застегками. Делая вид, что ему противно. Но ему ведь и *было* противно. Разве не так?

– Я их застал, когда они трахались, – наконец сказал он, стараясь говорить так, будто ему все равно, хотя его сердце заколотилось. – В Сипани.

– Разве в Сипани не все этим занимаются? Трахались с кем?

Лео прочистил горло.

– Друг с другом.

– А-а... – Она на мгновение прикрыла глаза, потом едва заметно кивнула, словно только сейчас нашла очевидное решение давно мучившей ее загадки. – Это многое объясняет.

Лео нахмурился. Объясняет их размолвку или объясняет что-то... большее?

– Ты не удивлена?

– Когда ведешь дела, встречаешься с самыми разными людьми. – Савин сунула сосок в ротик малыша. – Нужно уметь отделять их личные предпочтения от их ценности для тебя. Представь, насколько беднее я бы была, если бы не вступила в партнерство с Карнсбигом.

Лео поднял взгляд от своих застегек.

– Великий машинист? Отец новой эры? Неужели он...

«... трахается с мужчинами?» Эти слова замерли на пересохших губах Лео, но он так и не нашел в себе храбрости выдавить их наружу.

Савин подняла брови:

– Ты что, не видел его жилетов?

– Я думал... что он женат.

– Королева Тереза тоже была замужем, и, тем не менее, насколько я слышала, она перепробовала больше дырок, чем ее сын. Юранд умен. Он великий организатор. А Гловард предан и усерден. Если бы они были с нами при Стоффенбеке...

– Думаешь, мы могли бы победить? – перебил Лео.

Савин дернула плечом, не ответив.

– Такую преданность, как у них, нигде не купишь.

– Я думал, уж ты-то способна купить все что угодно.

– Я тоже так думала. Когда-то. – Савин снова нахмурилась, глядя в пол. – По всему выходит, что я ошибалась.

– Никогда бы не подумал, что доживу до дня, когда услышу от тебя такое признание. Ты действительно изменилась!

– У меня не было другого выбора.

Она подняла глаза, встретившись с его взглядом в зеркале, и Лео уловил в них отблеск былой стали:

– Ты сможешь с этим смириться?

Воспоминание снова выскочило перед его глазами – но на этот раз это в его волосы Юранд запускал свои длинные пальцы, это его ухо покусывал и шептал в него, это между его ног просовывал вторую руку...

– Лео?

Он повернулся к жене плечом, чтобы та не увидела, как кровь прилила к его лицу. Собственно, не только к лицу.

– Что ж... видно, придется и мне научиться... отделять их личные предпочтения от их ценности для меня.

Конечно же, будет здорово иметь рядом с собой кого-то, на кого можно положиться. Кто, возможно, сумеет даже заставить его улыбнуться. С удовлетворенным хмыканьем Лео расстегнул наконец последнюю пряжку, и железная нога с лязгом упала на пол.

– Я напишу Юранду.

– Давай. Ты тоже изменился.

Савин отняла от груди младенца, глазенки которого восторженно поблескивали, и уложила его на кушетку рядом с другим. Однако не успела она застегнуть платье, как второй зашевелился и принялся пищать. Савин скрипнула зубами и принялась снова расстегиваться.

Лео поморщился и отвел взгляд, и наконец-то смог сесть прямо, не испытывая стеснения. Вероятно, к счастью, для него не было ничего менее возбуждающего, чем раздувшиеся, покрытые прожилками, истекающие жидкостью груди его жены.

– Тебе надо найти кормилицу, – сказал он.

Или, по крайней мере, делать это в таком месте, где ему не придется на это смотреть.

– Я хочу кормить их сама.

– Что ж, ты шагаешь в ногу со временем. – Лео осторожно помассировал свой ноющий обрубок. – В Ассамблее только и трещат о том, в чем должны заключаться обязанности гражданки. «Высший долг материнства», как зовет это Ризинау.

Савин фыркнула:

– К черту этого идиота!

* * *

За стеной Агрионта было заросшее место, куда теперь повадились выкидывать старые статуи. Безносые, безрукие, безногие лорды и леди, некогда повелевавшие дворцами, теперь правили куском осушенного рва с пучками жухлой травы и запахом гниющих водяных расте-

ний. Там и сям виднелись чудовищные фрагменты знаменитых статуй с аллеи Королей, высящиеся над остальными: грандиозная рука, исполинский сапог, половина надменной улыбки.

Как всегда, Лео перестарался. Он сидел на кулаке Гарода Великого, вытянув перед собой железную ногу. Ему ужасно хотелось отстегнуть этот треклятый пыточный инструмент, но он сомневался, что сможет потом прикрепить его обратно без посторонней помощи. Он наблюдал за рабочими, которые сновали по шатким лесам, долбя и расшатывая укрепления Агрионта – бесконечная, бессмысленная, невыполнимая работа. Утренний воздух в последние дни был зябким, и он плотнее закутался в куртку, вдувая курящийся пар в кулак здоровой руки. Раньше он никогда не мерз, даже на Севере. Теперь холод, казалось, засел в его костях.

Послышались чьи-то шаги по хрусткой от морозца траве. Он схватился за свою палку, чтобы встать.

– Председатель Ризинау...

– Сидите, гражданин, сидите!

Лео с облегчением опустил на место. Вставать было для него нелегкой задачей в эти дни. Хмурые телохранители председателя расположились вокруг и замерли, неподвижные, как эти разбитые статуи.

– Благодарю, что согласились со мной встретиться.

– Для нас честь – иметь в наших рядах героя вашего калибра!

Интересно, из жирных губ этого мерзавца хоть раз в жизни вырывалось слово правды? Конечно же, он не питал к Лео ровным счетом никакого уважения, и между их задачами никогда не было ничего общего – однако оставались люди, относившиеся к Лео с восторгом, и Ризинау была нужна их поддержка. Поскольку его собственная позиция становилась все более шаткой.

– Это еще бóльшая честь для меня, – отозвался Лео, отвечая ложью на ложь. – Получить место в Ассамблее, быть свидетелем вашего великого начинания.

– Я затеял все это не просто для того, чтобы угнетатели и угнетаемые поменялись местами. Равенство – вот чего я жажду! *Истинное* равенство! – Ризинау с довольным видом погладил роскошную меховую отделку своего костюма. – В Ассамблее должны быть представлены *все*. Даже те, кого мы, возможно, некогда считали соперниками. Даже те, кого мы некогда считали *врагами*! Взгляните вокруг. – Он указал на огромную лысую голову Байяза, валяющуюся на боку в траве. Оптимистичная молодая поросль плюща уже взобралась по его каменной губе. – Кладбище идей! Лживые представления прошлого были сметены, чтобы расчистить дорогу нашему общему будущему!

– И нация благодарна вам за это, – сказал Лео. – Меня не назовешь красноречивым...

– Вы на себя наговариваете! – Ризинау укоризненно потряс пухлым пальцем. – Ваши выступления в Ассамблее до сих пор производили на меня самое благоприятное впечатление.

– Я солдат, простой и прямой. По крайней мере... был им.

– А теперь?

– Теперь... – Лео помедлил. Очевидно, солдатом он больше не был. Да и прямота была для него непозволительной роскошью, как и любовь. – Полагаю... я стал политиком.

Не так давно он воспринял бы такой эпитет как оскорбление, однако непрекращающаяся боль как ничто иное меняла взгляд на вещи.

– И отцом, – добавил он.

– У вас двойня, насколько я понимаю? Двойное благословение! Поздравьте вашу жену от моего имени. Нет высшего дара, какой женщина может принести своей нации, чем плод своей утробы, вы согласны со мной?

– Она, несомненно, согласилась бы. – Лео улыбнулся, представляя себе, как Савин пнула бы его в лицо за такую неслыханную дерзость. – Именно отцовство заставило меня задуматься о том, какой мир я оставлю своим детям. По правде говоря... меня беспокоит Инглия.

– Меня тоже, – заверил Ризинау. – Меня тоже.

– Между Срединными землями и провинциями разверзлась пропасть. Частично я виню в этом себя, хотя это все началось еще в давние времена. Но я не хочу, чтобы этот разрыв становился еще шире. Мне ненавистна мысль о том, что провинция, в которой я родился, может... отколоться от Союза.

– Это немыслимо, – подтвердил Ризинау с едва заметным угрожающим блеском в глазах.

– Вы абсолютно правы. Когда я был тамошним губернатором... – Лео решил, что приставка «лорд» сейчас может только помешать, – я пытался вести Инглию путем прогресса. – Точнее, Савин убедила его сделать вид, будто он пытается это делать. – Новое трудовое законодательство, более справедливая система налогов...

– Я осведомлен о ваших начинаниях и восхищаюсь ими.

– Это лишь маленькие шаги по сравнению с тем, чего достигли вы. Но я хотел бы помочь инглийцам пройти этот путь до конца. Похоронить прошлое. – Он указал на поверженную голову Байяза, в точности так же, как это сделал Ризинау. – Указать им путь в то будущее, которое строите вы.

Председатель приложил кончик пальца к задумчиво выпяченным губам.

– Вы думаете, что сможете убедить ваших бывших соотечественников вернуться в лоно Союза?

– Я должен сделать такую попытку. Разрешите мне написать моей матери. Заверить ее в ваших добрых намерениях. Заверить ее, что я, моя жена и ее внуки находимся здесь в качестве добровольных последователей вашего дела. – Скривившись, Лео тяжело оперся на палку и встал, чтобы говорить с Ризинау как друг. – Позвольте мне вызвать сюда единомышленников, которые смогли бы представлять нашу провинцию в Ассамблее. Людей, достойных доверия, простых и прямых. Людей, которые смогут своими глазами убедиться в достоинствах производимых вами изменений – производимых *нами* изменений. Людей, которые, вернувшись домой, смогут нас поддержать и защищать наши взгляды.

Ризинау молча разглядывал Лео своими маленькими черными глазками. Холодный ветер шуршал между разбитых изваяний. Вдалеке стучали зубила. Прежде Лео ни минуты не бывал в покое. Следить за нитью разговора было для него мучением, сидеть смирно – пыткой. Теперь, когда он знал, что такое истинная пытка, он был только рад ожиданию. Когда любое движение приносит боль, начинаешь ценить моменты неподвижности.

Наконец Ризинау улыбнулся.

– Молодой Лев! Я боялся, что вы окажетесь помехой на пути Великой Перемены. Я понимал, что вы нам необходимы, из-за вашей популярности как среди простых людей, так и среди знати, из-за ценности, которую вы представляете для вашей матери – но я был уверен, что нам придется волочить вас в будущее силком! – Он ухватил Лео за плечи, от чего его ногу пронзила боль. – Но теперь я вижу, что нашел в вас родственную душу!

И он подтащил Лео еще ближе, окутав запахом пота и розовой воды, и расцеловал в обе щеки.

Лео едва сдержался, чтобы не боднуть ублюдка прямо в его жирное лицо. Вместо этого он, следуя примеру Савин, улыбнулся как можно шире:

– Мы с вами оба отцы. Я принес в мир двоих новых детей, вы же – целую новую нацию!

– Весьма уместная метафора, Молодой Лев! Никакое рождение не происходит без боли. Без крови. Без риска. Но, тем не менее, это всегда повод для радости!

– Однако новорожденные очень нежны, – заметил Лео. – Они нуждаются в защите.

– Какое понимание! – Ризинау посмотрел на него едва ли не с восхищением. – Вы проникли в самую *суть*! Пишите ваши письма, гражданин Брок! Я сам позабочусь, чтобы их доставили по назначению. Мы шагнем в новое будущее вместе!

И он хлопнул Лео по плечу, после чего повернулся и зашагал прочь в сопровождении своих охранников.

– Шагнуть не шагнем, но хотя бы пропрыгаем, – пробормотал Лео.

Опустив взгляд, он увидел, что его бесчувственная рука вывалилась из-за отворота куртки, а он даже не заметил. Ему пришлось подковылять к голове Байяза и неловко прислониться к носу мага, чтобы, тяжело дыша, запихнуть бледную обмякшую ладонь обратно между двумя пуговицами.

Гнев

– Никак это инспектор Тойфель!

Гуннар Броуд был все таким же огромным. Его глазные стекла и татуировка лестничника никуда не делись. Но он стал как-то жестче. Возможно, трудные времена содрали с него всю мякоть, обнаружив то, что было внутри.

– Никак это капитан Броуд!

Он недовольно покосился на знаки различия на своем рукаве:

– Даже не знаю, откуда взялась эта глупость.

– В последнее время так можно сказать практически обо всем.

Она уперла ладони в бедра, вдавив кончик большого пальца в то, которое снова занемело, и нахмурилась, глядя в дальний конец моста. Людей еще не было видно, но звуки уже доносились. Знакомые звуки: гнев, ищущий выхода.

– Похоже, мы продолжаем встречаться. И снова в дерьмовых обстоятельствах.

– У меня других не бывает. – Броуд протер стекла и снова аккуратно зацепил дужки за уши. – Наверное, лучшего я не заслуживаю.

– Ну, я рада, что ты на меня не в обиде. – Вик вспомнила, как видела его в последний раз: вместе с Брокками, перед Стоффенбекской битвой. Дворяне, сражающиеся против короля. Казалось, это было в другом мире. – В нашу последнюю встречу ты назвал меня предательницей.

– Ну, я в свое время наговорил много ерунды, которая потом оказалась ничего не стоящей.

Теперь она уже видела людей, выступающих из мглистой дымки по ту сторону моста. Что это было? Протест? Бунт? Мятеж? Было трудно сказать. Еще труднее, чем прежде. Они были вооружены – если это можно так назвать. Рабочие инструменты, доски, брусья. Один нес кирку со свисающей с нее гирляндой сосисок. Конечно, это было не оружие, но скажите это тому, кто получил по голове кузнечным молотом! По-видимому, многие из них были пьяны, как и вообще многие в эти дни. Спиртное было единственным, что оставалось дешевым.

– Только давайте помнить, что они тоже люди, да? – крикнула Вик через плечо. – Постарайтесь никого не убить.

– Думаешь, у них такой же приказ? – буркнул Броуд, надевая на руку щит и берясь за рукоять боевого топора.

Вик сомневалась в этом. Многие из них были в красном – красные шапки, красные рукава, пятна красной краски на куртках. Значит, сжигатели. Или, по крайней мере, сочувствующие идеям сжигателей. Это можно было видеть все чаще и чаще. Терпение людей истощалось, и кто мог их винить?

– Много этих ублюдков, – пробурчал Огарок, выглядывая из-за плеча Вик.

Парню выдали мундир констебля и дубинку, но видя, как он смотрит на мост своими большими, печальными глазами, было трудно представить, что от него может быть какая-нибудь польза.

– Держись поближе к капитану Броуду! – рявкнула Вик. Честно говоря, в данный момент она и сама не отказалась бы последовать своему совету.

– И, похоже, они злы как черти, – пискнул Огарок.

Трудно сказать, из-за чего они были так разгневаны. Несомненно, у каждого имелся свой повод. Цены на хлеб. Цены на жилье. Цены на дрова – погода становилась все холоднее. Слишком маленькая зарплата, слишком большой рабочий день, слишком много законов или слишком мало законов... Пайк преподавал им урок: если достаточное количество людей достаточно сильно рассердятся, они могут что-то изменить. Теперь гнев был их ответом на что угодно.

Изначально Великая Перемена была корзиной сладких снов, букетом обещаний. «Всем всего поровну»... И все это было отлично, пока, вопреки всем ожиданиям, ломатели не победили. И тут, совершенно неожиданно, выяснилось, что самой по себе перемены недостаточно – что ты должен меняться *к чему-то*. Проблема в том, что стоит только попытаться действительно привести эту чертову штуку в действие, придать ей форму конкретной системы, где помимо прибылей существует и цена, где помимо выигравших есть и проигравшие, – в общем, девять десятых населения внезапно понимают, что Великая Перемена это не совсем та перемена, которой они хотели, и что в таком виде она им на хрен не нужна.

– Мудрость толпы... как я от нее устала, – прошептала Вик.

Огарок был прав: людей было много, и все они выглядели разъяренными. Ей захотелось поглядеть через плечо, чтобы пересчитать людей Броуда, но она подавила побуждение и продолжала смотреть прямо перед собой, широко расставив ноги. «Это мой мост», – сказала она себе.

– Может, сразу по ним ударим? – вполголоса буркнул Бруд.

Вик очень хотелось ответить «да», но она подавила и это желание. Хоть кто-то должен был это сделать.

– Попробуем сперва поговорить.

– У меня такое чувство, что словами тут ничего не решишь.

– Зато и никого не искалечишь, – пробормотала Вик и взревела во всю глотку, брызжа слюной: – Ни шагу дальше!

Они нерешительно столпились в дальнем конце моста, хмуро разглядывая ее через разделявшее их пространство. Первые капли холодного дождя намочили камни мостовой. Люди подобрались самые разные: сгорбленный босой старик, тощий мальчишка с впалыми, пятнистыми от холода щеками, беременная девушка с мокрым новостным листком на голове взамен шляпки.

– Я главный инспектор Тойфель! – выкрикнула Вик. – Меня прислал комиссар Пайк. Сам Ткач, слышите вы?

Люди глухо забормотали, но их угрюмые гримасы никуда не делись. Вик стиснула зубы и глубоко набрала в грудь воздуха.

– Послушайте, я все понимаю! Вы разочарованы. Вы недовольны. Скажем прямо: вы злы как черти! Поверьте мне, я тоже.

Сквозь толпу протолкалась какая-то женщина. Большие красные кулаки сжимают деревянный валец. Значит, прачка. Прачки – суровый народ. Вик подумала, что если бы целыми днями полоскалась в горячей мыльной воде, то тоже была бы разъярена.

– Нам не нужны разговоры! – завопила она. – Нам нужен хлеб!

Толпа ответила ей одобрителем ворчанием, какой-то старик затряс самодельным плакатом, а маленькая девочка, сидевшая на чьих-то плечах, проверещала: «Долой Закрытый совет!», что было несколько мимо кассы, поскольку всех членов совета, которых удалось поймать, уже несколько недель как повесили.

Вик подняла ладонь и подождала, пока шум утихомирится. Потом она посмотрела той прачке прямо в глаза, подыскивая нужные слова. Такие, какие выбрал бы Малмер. Какие выбрал бы Сибальт.

– Я вас понимаю, – сказала она, и это было правдой, чего бы она ни стояла. – Вам обещали лучший мир, а вы до сих пор так ничего и не получили, кроме прежнего знакомого дерьма. Обещаниями брюхо не набьешь. Надеждами не обогреешь дом. Вам надоело выслушивать ложь! Поверьте – мне тоже.

По крайней мере, ей надоело лгать самой. До смерти надоело.

– Но сейчас перед нами открывается *возможность*! Возможность построить что-то *лучшее*.

Забавно, что именно ей, которая никогда не позволяла себе надеяться ни на что, выпало на долю попытаться разжечь искорку надежды в сердцах этих ублюдков; однако она вложила в свою речь все, что могла.

– Нам просто нужно проявить немного терпения, – дрогнувшим голосом продолжила Вик. – Немного...

Что-то, вращаясь, полетело в нее из толпы, промазало на какой-то шаг и со звоном отскочило от щита одного из Броудовых людей. Они едва не кинулись в атаку в этот момент. Вик чувствовала их ярость, какую труднее сдержать, чем дать ей выход, – словно свора псов, рвущихся с поводка. Однако она подняла дрожащую руку, решившись на еще одну, последнюю попытку, проповедуя терпение, в то время как оно быстро кончалось у нее самой.

– Ступайте по домам! – В ее голосе послышалось предостерегающее рычание, она шагнула вперед, шаркнув подошвами сапог по камням и одновременно продевая за спиной пальцы в отверстия кастета. – Потому что даю вам слово: любой, кто попытается перейти этот мост, пожалеет об этом!

– Может, это вы пожалеете! – выкрикнул какой-то пронырливого вида мерзавец в цилиндре с наполовину оторванной подкладкой, сжимавший в руке кусок железного поручня. – Об этом ты не подумала?

– Подошью к делу! – огрызнулась Вик.

В нее полетело что-то еще – может быть, бутылка. Вик увернулась, снаряд пролетел мимо и разбился обо что-то за ее спиной. И это было концом попыток прибегнуть к благоразумию. Словно это был сигнал, обе стороны с воплями ринулись друг на друга, встретившись посередине моста с грохотом, лязгом, стуком дубинок, ножек от стульев и рабочих инструментов. Та прачка устремилась напрямик к Вик, высоко занеся свой валец:

– Убью!

– Посмотрим! – отозвалась Вик, увернулась от валька и ударила женщину кастетом в горло. Та схватилась за шею, выпучив глаза. Самым безопасным было бы сейчас врезать ей в колено и повалить, но Вик тоже не была неуязвима для гнева.

Когда толпа ворвалась в Агрионт, они обшарили ее крошечную квартирку, забрали все, что смогли забрать (совсем немного), и разломали все, что смогли разломать (немногим больше). Та смешная книжица, которую так любил Сибальт, осталась, разорванная, лежать на полу. Вик сама удивилась, насколько это ее разъярило.

Так что сейчас она врезала этой суке по лицу, так что ее голова дернулась назад, врезала еще раз, и та с размаху грохнулась на землю, споткнувшись о чью-то вытянутую ногу. Прачка, с хлещущей из носа кровью, попыталась встать, но Вик поставила сапог ей на грудь и пихнула обратно.

– Стирала бы ты лучше белье, – проговорила она.

Бунтовщиков, конечно, было много, и они были рассержены, но на мосту не было достаточно места, чтобы их количество могло сыграть роль. Люди Броуда все были ветеранами. Они выстроились в бронированную цепь, сомкнув щиты, и двинулись вперед, молотя дубинками, топча ногами упавших, не делая различий между зачинщиками и случайными зрителями, между бунтовщиками и демонстрантами. Все одинаково были смяты.

Вик слышала крики откуда-то сзади толпы: констебли, которых она послала в обход, высыпали из боковой улицы и врезались во фланг бунтовщикам. Те мгновенно рассеялись, словно стая скворцов. Насмешки превратились в испуганные крики; они швыряли наземь оружие, памфлеты и украденную еду, давя друг друга в паническом бегстве. Один человек перевалился через парапет и с воплем полетел в канал.

Вот она во всей красе – мудрость толпы. И храбрость толпы заодно.

– Ну ладно! – заорала Вик, вспрыгивая на парапет и взмахивая руками. – Достаточно!

Один из констеблей с разлитым по лицу ликующим выражением увлеченно пинал ногами того тощего мальчонку.

– Я сказала, *хватит!* – Она оттащила его в сторону, едва не получив локтем в лицо за свою заботу.

Да, гнев может вспыхнуть почти моментально, однако с такой же быстротой он и угасает. Те, кто не успел убежать, представляли собой плачевное зрелище: понурые головы и трясущиеся губы, словно дети, пойманные за разговорами после отбоя.

Вик ухватила Огарка за плечо:

– Выбери нескольких зачинщиков. И кто-нибудь, выловите из канала этого идиота!

Огарок, моргая, воззрился на нее.

– Как же я отличу, кто из них зачинщики?

– Очень просто. Это будут те, на кого ты укажешь.

Броуд выловил в толпе того проныру и выволок за шкуру. Цилиндр с него слетел, из раны на голове текла кровь. Увидев Вик, он завопил:

– Ах ты, гребаная *сука*...

Кулак Броуда впечатался ему в живот, и он сложился пополам.

– Говори с людьми уважительно, – сказал Броуд, поднимая его за ворот и встряхивая, словно тряпичную куклу, так что тот заскреб по мостовой носками ботинок.

– Я думал, мы теперь свободные люди! – захныкал тот. С его губы свешивалась нитка слюны.

– Похоже, ваша свобода нуждается в ограничении. – Вик дернула головой в направлении Агрионта. Если его еще так называли. – Отведите этого говнюка в Дом Истины.

Броуд вытащил из его кармана памфлет и пихнул пленника констеблям, чтобы они надели на него наручники.

– Кажись, один из Суорбрековых...

– Можешь даже не говорить, – заметила Вик, когда он принялся вглядываться сквозь глазные стекла в плохо отпечатанные страницы. – Великая Перемена не решила всех проблем, поэтому ответом может быть только одно: ее должно быть больше.

– Да, тут примерно об этом, – подтвердил Броуд, комкая памфлет в огромном кулаке и отшвыривая прочь. – Кстати, ты толкнула неплохую речь.

Вик стащила кастет с ноющих пальцев и нахмурилась, оглядывая царящий вокруг хаос.

– А толку-то...

– Для меня толк был. «Обещаниями брюхо не набьешь»... – Броуд медленно кивнул, поправляя пальцем стекла на носу. – Это мог бы сказать Малмер.

Вик глубоко вдохнула и выдохнула через нос.

– Ну да. И посмотри, где он в результате оказался.

* * *

– Там полный хаос! – рявкнула Вик.

Она до сих пор чувствовала ярость. Словно ее надули. Обманом заставили поверить, что все может стать по-другому. В то время как на самом деле она лишь обманывала саму себя.

Комиссар Пайк спокойно смотрел на нее через стол. Они были в той самой пустой, голой комнате, из которой архилектор Глокта правил Союзом. На мебели до сих пор кое-где виднелись следы, оставшиеся с того дня, когда пал Агрионт. За всеми этими зеркальными гостинными, бархатными портьерами и золочеными фасадами – настоящие решения, по-видимому, всегда принимались в пустых, голых комнатах.

– Насколько я понимаю, вы столкнулись с некоторыми беспорядками, – протянул он со своим всегдашним даром к преуменьшению.

– На днях толпа повесила двоих торговцев углем. Те и так уже продавали настолько дешево, насколько могли. Цены сейчас еще выше, чем до Великой Перемены. Выше, чем когда-либо прежде! Люди вломились к ним в лавку, заплатили, по их мнению, честную цену. Потом кто-то объявил хозяев спекулянтами – и их повесили! После чего двинулись дальше по улице, к лавке торговца мукой.

– И совершили такой же произвол в отношении его личности?

– К счастью для него, я оказалась поблизости.

– Однако вы, насколько я могу видеть, остались неповешенной.

– К счастью для меня, среди ломателей оказались несколько человек, которые умели разбивать не только цепи, но и головы.

– Ну так не забудьте взять нескольких из них с собой в следующий раз.

– И это ваше решение? Вооруженные люди на улицах? Разве не в этом заключалась проблема старого режима?

– Мы не можем винить во всем старый режим. Некоторые проблемы – и некоторые решения – зависят просто от того... каковы люди *по природе*. После всего, что мы с вами видели, мы не можем питать иллюзий насчет человеческой *природы*.

– Разве не для этого все затевалось? Чтобы сделать их лучше?

– Со временем, инспектор. Постепенно. Сейчас мы не можем позволить себе отвлекаться. Перед нами еще масса работы – в управляющем аппарате, в банках.

– Да неужели?

– Коррупция разъела все части общественного устройства Союза. Никто не сможет быть по-настоящему свободен до тех пор, пока ее не выжгут каленым железом – и не заменят... *чистыми* учреждениями.

– Такие вообще бывают?

Обожженные губы Пайка слегка шевельнулись – это означало у него улыбку.

– Вы так циничны, инспектор. Именно эта черта делает вас отличным следователем. Но мы пытаемся изменить мир. При этом неизбежны определенные... детские болезни.

– Мы сейчас говорим не о детях, а о мертвых торговцах. В городе есть кварталы, куда мы не заходим ночью. В отдельные кварталы мы и днем не можем зайти, если не испросим позволения у сжигателей!

Пайк длинно выдохнул, словно мертвые торговцы являлись каким-то причиняющим неудобство побочным продуктом, вроде шлака в литейной.

– Вы никогда не казались мне человеком, который беспокоится по пустякам, инспектор Тойфель.

– В таком случае вы должны понимать, что если я беспокоюсь, значит, дело серьезное.

– Еще более серьезно я отнесусь к предлагаемым вами решениям.

Вик замолчала. За все годы, что она работала на Глокту, ее ни разу не просили предложить свое решение. Пайк тоже молчал, разглядывая ее жесткими, как кремь, глазами.

– Не стесняйтесь, говорите все, что думаете.

– Без каких-либо последствий?

– Предложение без последствий – это всего лишь еще одно мнение. – Скривив губу, он кивнул в направлении Круга общин. – Их у нас и так хватает с избытком.

– Ризинау должен *уйти*! – выпалила Вик, впечатав ноющий кулак в столешницу. Возможно, она нарушала все правила, но теперь возврата уже не было. – Он ничего не *контролирует*. Только болтает и болтает о том, чтобы сделать людей свободными, словно это ответ на любую проблему. Однако все, что он сделал, – это дал им возможность убивать всех, кого они решат обвинить.

– Но, инспектор, кто-то должен стоять во главе. Кого бы вы посадили вместо него в председательское кресло?

Она понимала, что не может высказать того, что все чаще приходило ей в голову: что Великой Перемене грозит опасность стать переменной от плохого к худшему и что король Орсо на таком фоне начинает казаться ей идеальным руководителем. Вик решила остановиться на втором по счету варианте. По крайней мере, втором из не самых катастрофических.

– Вы Ткач. Вы все это затеяли.

– Для того, чтобы дать власть народу. Не для того, чтобы захватить ее самолично. Я никогда не хотел становиться у власти.

– Могу ли я спросить, чего же вы хотели?

– Того же, чего и вы. Чего хотим мы все. – Он не улыбнулся. Не нахмурился. – Сделать мир лучше.

Возможности

Обычно Савин порхала от одного светского мероприятия к другому. Каждый день представлял собой вереницу аккуратно расписанных встреч – изысканный танец под музыку записной книжки и часов; нескончаемая, подогреваемая жемчужной пылью социальная карусель. Дом был для нее всего лишь местом, где она спала и одевалась для следующего приема – этим занятиям она уделяла приблизительно одинаковое количество времени.

Теперь она не могла бы сказать, сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз выходила из дома. Еще до родов, несомненно.

Она говорила себе, что это потому, что во всем городе было не достать ни понюшки жемчужной пыли. Она перерыла все коробки и ящики, она делила свои убывающие запасы на все более маленькие порции, однако, в конце концов, порошок окончательно закончился, а без него Савин была дерганой и вялой одновременно и к тому же мучилась непрерывной головной болью.

Она говорила себе, что это не имеет никакого отношения к страху. Ее вовсе не охватывала волна тошнотворного ужаса каждый раз, когда она думала о том, чтобы шагнуть за порог. Ей вовсе не приходилось давить в себе воспоминания о восстании в Вальбеке, о поле боя под Стоффенбеком, о падении Агрионта.

Она говорила себе, что может выйти из дома, когда ей только вздумается. Но зачем? У нее здесь есть все необходимое.

Савин с улыбкой взглянула на Арди, крепко спящую в своей кроватке. Она могла часами смотреть, как дети спят. Часами сидеть и держать их на руках. Снова и снова целовать темный пушок на их головенках, каждый раз приходя в восторг от этого ощущения. От их запаха. От их мягкости. От их еще не сформировавшейся чистоты...

Внизу прозвонил звонок, и Савин ощутила мгновенный укол паники. Резко повернулась, держась рукой за горло, чувствуя кислый вкус ужаса во рту. В эти дни она даже не знала, каких врагов ожидать. Подобралась к окну, едва осмеливаясь отвести одним пальцем занавеску, и выглянула на улицу, которая раньше называлась Прямым проспектом. Кажется, в Ассамблее еще не решили, во что они хотят его переименовать.

Нынче лучше было не упоминать никаких названий или терминов, если ты не был уверен в том, что они получили одобрение. Каждый день приносил новые слова, которых следовало избегать. Новые идеи, не согласовавшиеся с Великой Переменой. Нет, разумеется, каждый был свободен говорить что хочет – просто стоило соблюдать осторожность, чтобы тебя не повесили.

Снаружи стояла вязкая тишина. Савин непрерывно оттачивала свой слух в ожидании первых отзвуков разъяренной толпы, первых сигналов, предупреждающих о мятеже и насилии... Просто она почти не спит, в этом все дело. Двойняшки требуют так много внимания! И к тому же во всем городе – ни понюшки жемчужной пыли. Савин отпустила занавеску и вздрогнула, услышав за спиной голос Зури.

– Я обнаружила двух бродяг, шляющихся по улицам, – проговорила служанка с отблеском прежней шаловливой улыбки. – И поскольку мой наставник по писаниям всегда говорил, что милосердие – первейшая из добродетелей, я решила, что нужно их впустить...

Волна облегчения накатил на Савин, когда Зури широко распахнула дверь, и за ней обнаружились двое братьев. По крайней мере их Великая Перемена, кажется, вовсе не изменила. Гарун был все таким же плотным и серьезным, Рабик – таким же гладколицым и улыбчивым, как всегда.

Ее первым побуждением было броситься к ним и обнять. Савин даже сделала один шаг, но вовремя сдержалась.

– Никому в этом доме так не рады, – с чувством сказала она, и это было правдой.

Гарун склонил голову.

– Мы тоже рады снова быть вместе с вами.

– И видеть, как благословило вас небо! – Рабик наклонился над кроватью Гарода, чмокая губами, потом перевел сияющий взгляд на Арди. – Благословило *вдвойне*!

– Простите, что нас так долго не было. После битвы мы пытались вас найти...

– Это я должна просить у вас прощения, – перебила Савин. – Вы приехали в Союз, чтобы избежать творящегося на Юге безумия, и вот, поглядите! – Она вытерла запястьем внезапно наворачнувшиеся слезы. – У нас тут своего навалом...

Когда Савин была моложе, она прожила, наверное, лет десять, не пролив ни единой слезинки. Теперь же не проходило и часа, чтобы ее глаза не оказались на мокром месте.

– Я не могу выразить, что это значит для меня... иметь рядом с собой друзей, которым я могу доверять. Иметь...

Дверной звонок внизу опять загремел, и Савин снова ощутила тот же прилив паники. Конечно же, беспокоиться не о чем; Зури уже скользнула на лестницу, чтобы ответить. Однако Савин пришлось приложить усилие, чтобы отлепить пальцы от горла.

– Говорят, что Бог ставит каждого туда, где его место, – тихо произнес Гарун.

– Ты в это веришь?

В ее голосе звучали жадные нотки: не имея собственной веры, Савин желала, по крайней мере, поверить в чью-то еще.

– Прежде я считал свою веру непоколебимой. Когда я был солдатом... – Гарун едва заметно поморщился, словно от неприятного вкуса. – Я делал разные вещи во имя Бога и никогда не сомневался. Вещи... о которых впоследствии весьма сожалел.

– У нас у всех есть свои сожаления, – пробормотала Савин.

По крайней мере, Гарун мог винить Бога в своих ошибках. Она могла винить только саму себя.

– Вера время от времени должна подвергаться потрясениям, иначе она становится жесткой. Становится оправданием для любой мерзости. Я пришел к мнению, что у праведного человека... сомнения есть *всегда*.

Рабик обеими ладонями взял руку Савин и улыбнулся ей. У него была такая открытая, честная, восхитительная улыбка!

– Мы должны верить друг в друга, – просто сказал он.

И этого было достаточно, чтобы она тоже улыбнулась.

– К вам гражданин Корт, – объявила Зури от двери.

– Корт? – Имя всплыло в памяти из глубокого прошлого, словно ей объявили о визите великого Иувина. Савин беспорядочно потыкала пальцами в свой парик, пытаясь собрать обрывки былой самоуверенности. Братья Зури выскользнули из комнаты. – Хорошо, пусть войдет... наверное.

– Леди Савин!

Было очевидно, что Корт процветает. Его одежда была, разумеется, простого покроя, поскольку простота была в моде, но Савин умела на взгляд отличить дорогую материю. К тому же заколка в виде разломанных цепей, которую он носил, чтобы показать свою преданность простому человеку, была усыпана маленькими бриллиантами.

– *Гражданин* Савин.

Когда-то она была способна калибровать свою улыбку с аккуратностью пушкаря, наводящего свое орудие. Теперь улыбка казалась на ее лице неуклюжей, словно некогда любимые сапожки, которые уже не совсем впору.

Взгляд Корта мельком скользнул по шраму на ее лбу – и *его* улыбка стала еще шире:

– В любом случае вы прекрасны как никогда!

Не в бровь, а в глаз – учитывая, что на ней было бесформенное, мешковатое платье для кормления, а сама она осунулась от недосыпа и не была ни накрашена, ни напудрена. Ее старая одежда шла ей не больше, чем ее улыбка. Несколько дней назад Савин попыталась втиснуть свое материнское тело в одно из более свободных платьев – и сама поразилась, до чего тоненькой она когда-то была.

Корт взял ее руку в свою слегка потную лапу и наградил ее сердечным поцелуем в щеку. Глядя со стороны, никто бы не предположил, что однажды он пытался обвести ее вокруг пальца, в то время как она угрожала ему грязными слухами, разорением и, в конечном счете, физической расправой. Однако теплота их приветствия лишь показывала, какими они оба были превосходными бизнесменами. В конце концов, что еще остается, кроме прощения, когда речь идет о прибылях?

– Как поживает ваш муж?

– Он... – Калека, борющийся за место под солнцем, снедаемый болью и сжигаемый гневом. – Приспосабливается к своим ранениям.

– И, тем не менее, я ни разу не видел, чтобы он пропустил собрание Ассамблеи, хоть в дождь, хоть в ведро. Из него получился отличный оратор! – Корт благожелательно улыбнулся, заглядывая в кроватку. – Это у нас кто?

– Моя дочь Арди. – Савин чувствовала абсурдную гордость за своих детей и была рада ими похвастаться, даже перед людьми, чье мнение ей было совершенно безразлично. – Названа в честь моей матери. И почти такая же требовательная.

– Я инженер и не всегда вижу, что люди находят в детях, но эта малютка... – И он потыкал ее толстым пальцем. – *Эта* малютка просто красавица!

Маленькая Арди только недавно начала фокусировать взгляд, но сейчас она устремила его на румяное лицо Корта, и ее ротик начал подозрительно кривиться. Очевидно, она уже сейчас была превосходным знатоком характеров.

– А это мой сын Гарод. – Савин подвела Корта ко второй кроватке. – Назван в честь отца Лео.

– Не в честь первого короля Союза?

– Сомневаюсь, что это было бы созвучно нашей эпохе.

– И правда, наш последний монарх практически лишился какой-либо поддержки. Не считая немногочисленных твердолобых консерваторов на востоке Миддерланда, ему больше никто даже не кланяется, не говоря уже о том, чтобы преклонять колени.

– Да, теперь мы все равны...

Впрочем, еще не так давно Савин преклоняла колени перед королем, умоляя его пощадить жизнь ее мужу. А незадолго до этого она преклоняла перед ним колени в кабинете Суорбрека... по совсем другим причинам.

– Я слышал, что его держат взаперти в шести комнатах дворца, под постоянной охраной, – злорадно продолжал Корт. – Ему приходится просить разрешения, чтобы воспользоваться латриной. Только представьте!

Савин не хотелось это представлять. Орсо выказал милосердие по отношению к ней и ее мужу, как бы мало они его ни заслуживали. Больше милосердия, чем выказала бы она на его месте. Она подумала о том, что готовит ему будущее – теперь, когда ломатели все больше усиливают свою хватку, когда люди забывают прошлое и все меньше и меньше нуждаются в нем как во вселяющей уверенность символической фигуре... Ее брат, Орсо.

Она вздрогнула, как всегда, когда ей приходила эта мысль. Что будет, если секрет каким-то образом выплывет наружу? Если они узнают, что ее дети – внуки короля Джезала...

Корт взмахнул полами своего сюртука и сел.

– Кажется, роль матери очень вам подходит.

– К моему некоторому удивлению.

– О, я не удивлен! Одна гражданка, знакомая нам обоим, как-то высказалась в том смысле, что вы должны родить набор бритвенных лезвий. Я сказал ей, что она идиотка, если думает, что вы не преуспеее в чем-то, на что направите свои усилия.

– Произошла Великая Перемена. – Савин нахмурилась, глядя на окно: ей показалось, что она услышала что-то снаружи. Она подождала, но новых звуков не последовало. – Мы тоже должны измениться.

– Всем сердцем согласен с вами. – Туша Корта была погружена в кресло, но сейчас он поднялся, чтобы настойчиво придвинуться к ней. – И чем больше меняется мир, тем большие *возможности* перед нами открываются! Комиссар Пайк, по всей видимости, намерен сокрушить банки. Учитывая отсутствие кредитования, растущие цены на хлеб, перебои в поставках угля из Инглии... всего лишь покупая и продавая дальновидно, можно за день сколотить целое состояние! А уж для тех, кто знает нужных людей, видит благоприятные моменты; для тех, кто фактически может поставлять товары в Аду. Селеста дан Хайген...

– «Данов» больше нет, вы не забыли?

– Как бы ее там ни звали – она приспособилась к новой реальности с быстротой молнии! Теперь она обходится без париков, сама искренность, можно сказать... оказывается, она даже не рыжая, представляете?

– Я изумлена до глубины души.

– Но при этом она носит красную ленту через плечо! Из симпатии к чертовым сжигателям. Ее послушать, так она уже многие годы ратует за Великую Перемену – в то время, как она уже сколотила целое состояние, скупая в провинциях муку... Говорят, погода станет только холоднее, и роялисты собираются на востоке, жгут посевы. Маршал Форест и его люди. Они отказываются сложить оружие. Нужда будет все увеличиваться. С нашим каналом мы...

– Нет.

– Нет?... Материнство вас поистине изменило.

– Напротив. Я всегда с чрезвычайной осторожностью относилась к тому, какими возможностями пользоваться, а от каких лучше отказаться. – Она понизила голос, снова взглянув в сторону окна. – Когда они перевешают всех своих врагов, вы думаете, они на этом остановятся? Все будет постепенно выходить из строя, и им потребуются те, кого можно обвинить. Вы читаете памфлеты? Они печатают их еще больше, чем прежде! Нападают на аристократов, на иностранных агентов, на спекулянтов, скопидомов, барышников... на всех подряд!

Она вспомнила ту толпу: шарящая рука, пролезшая в разбитое окно ее экипажа...

– Никоим образом я не собираюсь оказываться на виду. И настоятельно советую вам последовать моему примеру.

Корт уставился на нее с распахнутым ртом.

– Вот уж никогда бы не предположил, что вам может не хватить смелости взять то, что само идет в руки! Леди Савин...

– *Гражданка* Савин.

– Такие возможности...

– Гарун вас проводит.

Старший брат Зури беззвучно скользнул в комнату. Его голова была почтительно наклонена, улыбка выглядела чуть ли не извиняющейся, но что-то в постановке его широких плеч, в том, как одна его сильная рука сжимала другую, не оставляло сомнений, что гостю пора уходить. Гарун умел сказать то, что нужно, не произнося ни слова; он был в этом почти таким же мастером, как его сестра.

Корт, мигая, поглядел на него, потом испустил тяжелый вздох и выбрался из кресла.

– Что ж... Боюсь, вы пожалеете об этом решении.

– У меня так много сожалений – сомневаюсь, что еще одно что-то добавит.

Проснулся Гарод и принялся хныкать; Савин наклонилась над кроватью, чтобы его успокоить, и почти не заметила, как Корт покинул комнату. Нахмурившись, она опустилась на кушетку, расстегивая отворот на платье, чтобы вытащить липкую, ноющую грудь.

– Проклятье! – прорычала она, когда ребенок сдался челюстями ее сосок. Даже не подумаешь, что у них еще нет зубов, столько боли они способны по недомыслию причинить.

Некогда ей завидовал весь Союз. А сейчас – поглядите на нее: сидит взаперти в нескольких комнатах, совсем как их король-арестант, и доит сама себя, словно фермер корову. Ради этих двоих неблагодарных маленьких чудовищ она сделалась второстепенным персонажем в собственной жизни... Как жарко в комнате! Или так было и раньше? Савин чувствовала, что задыхается.

Снаружи раздался грохот, она ахнула и напряглась, готовая вскочить на ноги, взглянула в сторону окна. Оттуда слышались голоса. Крики. Потом чей-то смех, постепенно удаляющийся. Гарод, которому помешали кормиться, принялся плакать. Савин снова уселась и поднесла его к груди. Ребенок отчаянно шарил головкой, ища то, что находилось прямо перед ним.

Савин поняла, что думает о том, что бы сказали ее родители, если бы увидели ее сейчас – не строящей никаких планов, не предпринимающей никаких шагов, ничего не контролирующей. Корт едва ли был самым проникательным из общественных деятелей, но даже он сразу увидел: она потеряла былую хватку. Может быть, это было неизбежно, учитывая все, через что ей довелось пройти. Однако, невзирая на головные боли, дефицит жемчужной пыли и обуревающие ее страхи – она просто не могла себе больше позволить прятаться здесь, с бледной улыбкой глядя на своих спящих малюток. Беспокоясь, что станет с Орсо. Живя в дремотной, оцепенелой, спертой атмосфере, пропитанной запахом молока, в то время как мир вокруг рушился. Обмачиваясь от страха при каждом шуме.

Таким образом она не защищала себя. Она не защищала своих детей. Это была не осторожность – это была трусость! Это было признание поражения.

Савин заставила себя опустить плечи и вздернуть подбородок, приняв позу, в которой некогда правила Солярным обществом, – или, по крайней мере, нечто на нее похожее.

– Зури! – позвала она.

Ее голос звучал жестко. Это был не тот голос, которым она агукала своим малышам. Это был тот голос, которым она некогда шантажировала своих соперников. Мгновение, и Зури появилась в комнате, на ходу раскрывая записную книжку и вытаскивая из-за уха карандаш.

– Что я могу для вас сделать?

– Не мог бы Рабик выяснить, какие портнихи еще живы и занимаются своим делом? Это... – она взглянула на заляпанный молоком отворот ее платья, свисающий, словно половая тряпка, – никуда не годится. И еще мне нужна хорошая визажистка. Такая, которая что-то соображает.

– Такая, которая сможет нанести макияж так, чтобы казалось, будто никакого макияжа нет, – кивнула Зури и повернулась к двери, чиркая в записной книжке. Савин остановила ее:

– И еще я хочу, чтобы ты поговорила с нашими агентами. Теми, кто еще в деле. Пускай прочешут все рынки и скупят как можно больше продовольствия. В особенности муку и домашний скот. И пускай Гарун выяснит, не сможем ли мы купить несколько пекарен – насколько я понимаю, это сейчас опасная работа, так что многие из них продают свои предприятия. – Она поднялась с места и принялась расхаживать взад и вперед, баюкая Гарода, кормя его и размышляя одновременно. – А потом мне надо будет поговорить с Лео насчет угля. Посмотрим, не удастся ли ему наладить контакт между своей матерью и Ассамблеей и снова открыть поставки из Инглии.

Не донеся карандаш до бумаги, Зури сделала небольшую паузу, выразившую ее беспокойство:

– В нынешней обстановке спекуляция может быть довольно рискованным делом. Толпа линчует перекупщиков, и, как я слышала, в Ассамблее собираются объявить любые махинации на рынке незаконными...

– Я не собираюсь ничего продавать.

– Но тогда...

– Моя наставница по писаниям говорит, что милосердие – первая из добродетелей.

Черные брови Зури взлетели на лоб.

– По всей видимости, она чрезвычайно мудра.

– О да! И мой старый добрый друг Хонриг Карнсбик всегда говорил, что у меня щедрое сердце. Так что я решила все это раздать! Я пойду в беднейшие кварталы и просто... раздам все это.

Савин всегда считала, что люди, пользующиеся всеобщей любовью, просто недостаточно стараются, чтобы им завидовали. Однако вовсе не ее деньги спасли их, когда Народная Армия штурмовала Агрионт, – их спасла популярность Лео. Пожалуй, пора уже было обзавестись своей собственной. Может быть, ей даже удастся сделать пару добрых дел, чего бы они ни стоили.

Зури тихо покачала головой:

– Если бы вы год назад сказали мне, что собираетесь что-то отдавать задаром...

– Произошла Великая Перемена, Зури. И мы должны меняться... А!

Савин вскрикнула: Гарод снова прикусил ей сосок. Она сердито оттащила малыша, и он принялся вопить – этот беспомощный, отчаянный крик, который ощущался, словно гвозди, которые забивали прямо в ее красные, припухшие глаза.

– Черт! – рявкнула Савин, запихивая ноющую грудь обратно в платье и принимаясь возиться с пуговицами с другой стороны. – И во имя Судеб, найди мне надежную кормилицу. Я не могу справляться с ними обоими в одиночку!

Напоказ

– Вы это серьезно? – спросил Орсо, заглядывая в тарелку, которую швырнули перед ним на стол.

Кусок отвратительной субстанции, которую он не отважился бы назвать мясом, в окружении нескольких кусков практически сырой моркови и гороха, разваренного до состояния кашицы. Все это успело полностью остыть за время блуждающего путешествия от кухни до отдаленного уголка дворца, ставшего его тюрьмой.

Повар навис над ним, выставив подбородок:

– А что, похоже, что я шучу?

– О нет, это вряд ли, – тихо произнес Орсо, съеживаясь на стуле.

Когда он с тоской вспоминал, «как было раньше», наиболее острую боль утраты доставляли ему мысли о его поварихе Бернилле. Ее нежнейшие супы... Ее миниатюрные пирожки... А что она выделяла с морепродуктами! Это было попросту неприлично... Что-то случилось с ней и ее многочисленными помощниками? Он вспоминал, как навещался на кухню, в этот благоухающий улей, кипящий жизнерадостной деятельностью. Казнены или согнаны на каторжные работы... или – вероятнее всего, если подумать, – готовят для кого-нибудь другого... Орсо нахмурился. Может быть, они даже счастливы готовить для кого-то другого? Может быть, у них просто не было иного выбора, и потому они обращали к нему свои лоснящиеся от жары улыбки? Может быть, его кухня была для них тюрьмой?

– Наслаждаетесь трапезой, ваше величество?

Орсо старался не обращать внимания на свою аудиторию, но, как обычно, не удержался, чтобы не поднять голову. Несколько дней назад дворец открыли для публичного посещения. «Люди много лет кровью и слезами платили за содержание этого места, – объявил Ризинау на Ассамблее, – поэтому оно принадлежит людям, и им должно быть позволено любоваться его интерьерами». В это понятие были включены и несколько убогих чердачных помещений, где был заключен Орсо, с их потрескавшимся паркетом, отслаивающимися обоями и гирляндами густой паутины, беспокойно шевелившейся на холодном сквозняке. Очевидно, Ассамблея сочла, что и сам монарх также является публичным достоянием, и решила выставить его напоказ. Так что теперь непрерывная цепочка людей входила в комнату через одну дверь, глазела на него поверх деревянного ограждения и выходила в противоположную. Они смеялись и показывали на него пальцами, а Орсо приветствовал их усталой улыбкой.

– Одно унижение за другим, – пробормотал он, встряхивая свою салфетку и церемонно затыкая ее за воротник.

Хильди подвинула к нему маленький столик с его обедом. Ей пришлось подсунуть под одну ножку сложенный вчетверо памфлет, чтобы он не шатался.

– Благодарю, Хильди. Пусть все остальные забываются, но мы не можем себе позволить снижать планку.

– Не могу с вами не согласиться. – Наклонившись ближе, Хильди прошептала: – Удалось сегодня раздобыть для вас хорошего хлеба.

И она украдкой положила ломтик ему на тарелку.

– Хильди, ты настоящее сокровище!

– Только не надо мне льстить, вы все равно должны мне две марки за буханку.

– Кровь и ад! – Орсо поистине редко доводилось уделять внимание цене чего бы то ни было, но это даже ему показалось перебором. – Наш счет, должно быть, зашкаливает!

– Что поделать, нынче все дорого.

– В особенности для королей, – пробормотал Орсо, втыкая вилку в ломтик хлеба и принимаясь его нарезать. Почему-то хлеб казался вкуснее, если обращаться с ним с такой же

почтительностью, как если бы это был какой-нибудь чудесный кусок говядины, приготовленный Берниллой.

– Почему бы этому говнюку не поплясать для нас?

Орсо снова не смог удержаться и поднял голову. Человек в цилиндре, залихватски заломленным набекрень, навалился на перила, ухмыляясь во весь рот. На его локте висела чудовищно размалеванная женщина.

– Хорошо сказано, Шоули! – захихикала она.

Орсо улыбнулся той же усталой улыбкой – или она так и осталась на его лице с прошлого раза?

– *Отлично* сказано, – отозвался он. – Но дело в том, что я могу танцевать только с дамами рангом не ниже графини.

– У нас больше нет лордов и леди, – возразил Шоули.

– В таком случае, если вы не принадлежите к иностранному дворянству, боюсь, вам не повезло. – И Орсо поднял в их сторону свой бокал. – Ваше здоровье!

Среди наблюдавших эту сцену послышались смешки. Но Шоули не собирался смеяться.

– Это мы еще посмотрим, кому тут не повезло...

– А ну отошел от ограждения! – буркнул ему один из охранников.

Этого человека звали Хальдер, и он обладал еще меньшим чувством юмора, нежели повар. Кажется, ни у кого не было чувства юмора в эти дни. Хотя, конечно, возможно, что они просто больше не чувствовали себя обязанными изображать веселье в его присутствии.

Шоули поглядел на него с растущим неудовольствием:

– Я отойду, когда закончу разговор.

– Ты отойдешь, когда я скажу, или закончишь в Доме Истины, – сказал Хальдер.

Один из охранников вытащил тяжелую дубинку. Шоули сдвинул свой цилиндр на лоб, так, что между краем полей и его злобной усмешкой практически не осталось места, и неохотно двинулся прочь. Женщина не переставала бросать через плечо уничтожающие взгляды.

– Покорнейше благодарю за ваш визит! – сказал Орсо, помахивая вилкой в направлении их спин. – Выходите осторожнее, не зацепитесь членом за дверной косяк!

Но всякое чувство торжества мгновенно исчезло, когда он попытался откусить кусок мяса. Все равно что кусать подметку башмака.

– Из меня сделали какого-то треклятого циркового уродца, – пробурчал он, пытаясь жевать и сохранить при этом зубы. – Я, наследник престола Гарода Великого, чистокровный потомок самого Арнольта, исполняю роль животного в зверинце!

Хильди не слушала – она мрачно смотрела на дверь.

– Не поднимайте голову, – велела она, что, разумеется, привело к прямо противоположному эффекту.

– О черт, – пробормотал Орсо со ртом, набитым морковкой, по консистенции напоминавшей хворост.

Кто еще мог возглавлять очередную группу зевак, как не прославленный член Ассамблеи представителей, капрал Танни?

– У него цветущий вид, – хмыкнула Хильди.

– Кутежи и разврат приносят выгоду при любом правительстве, – отозвался Орсо, безуспешно пытаясь сделать вид, будто он наслаждается своей отвратительной трапезой.

– Ба, ба, ваше величество! – Танни блеснул на него желтозубой улыбкой. – *Всегда* рад вас видеть!

– Право же, вам было совсем не обязательно навещать меня дома. Мы и без того достаточно часто видим друг друга в Ассамблее.

– Должен сказать, ваше жилище выглядит чересчур скромно для монарха. – Танни поднял голову, разглядывая пятно плесени, расползавшееся из потолочного угла. – Вы должны подать жалобу председателю Ризинау!

– Не обращай внимания, – сказал Орсо.

Однако Хильди никогда не упускала случая броситься на его защиту (в эти дни – задача более чем неблагоприятная). Набывшись, она шагнула к ограждению.

– Да и ваша свита несколько сократилась. – Танни глянул на Хильди сверху вниз. – Никогда не мог понять, кем вам приходится эта девчонка: одной из ваших ублюдков или одной из ваших шлюх.

– Ну, а я-то всегда знала, что ты гребаный *мудак*!

И Хильди бросилась на него, пытаясь вцепиться ногтями в лицо. Танни схватил ее за руку, и они принялись бороться поверх барьера. Орсо вскочил, загремев тарелкой.

– А ну отошел от ограждения! – буркнул Хальдер.

Танни грубо отшвырнул Хильди, она споткнулась и упала, ударившись головой.

– Ах ты мерзавец! – рявкнул Орсо, сжимая вилку и нож так, словно это была пара фехтовальных клинков.

Танни приложил кончики пальцев к царапине на своей покрытой седой щетиной шее и ухмыльнулся:

– Что вы собираетесь делать? Заколоть меня вилкой?

– Я не прочь попробовать, разрази меня гром!

– Все отошли от ограждения! – прорычал Хальдер. – И прекратите размахивать столовыми приборами!

Охранники по большей части обращались с Орсо с нарочитым презрением няньки, которой слишком мало платят за присмотр за избалованным ребенком. В случае настоящей стычки Орсо, положив руку на сердце, не смог бы предсказать, чью сторону они примут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.